

С.Е. Рассадин

Северные соседи
Великой Скифии

Минск
ИООО «Право и экономика»
2005

УДК 936
ББК 63.3
Р24

Научный редактор:
доктор ист. наук В.Ф. Федосик

Рецензенты:
доктор ист. наук М.С. Корзун,
кандидат ист. наук А.А. Прохоров

Рассадин С.Е.

Р24 Северные соседи Великой Скифии/С.Е.Рассадин. – Мн.: Право и экономика, 2005. – 264 с.
ISBN 985-442-167-8.

По письменным, археологическим, этнографическим, фольклорным и др. источникам реконструируется этногеографическая ситуация к северу и северо-востоку от причерноморских степей в I тысячелетии до н. э. Для историков, археологов и любителей старины.

УДК 936
ББК 63.3

© Рассадин С.Е., 2005
© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2005.

ISBN 985-442-167-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	9
ГЛАВА II. ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ КНИГИ IV-й ГЕРОДОВОЙ «ИСТОРИИ».....	39
ГЛАВА III. НЕСКИФСКИЕ И СКИФИЗИРОВАННЫЕ ПЛЕМЕНА. НЕВРЫ, «СКИФЫ-ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ».....	76
ГЛАВА IV. АНДРОФАГИ – ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВНЕСКИФСКОГО МИРА.....	106
ГЛАВА V. ДРЕВНИЙ МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ СИМБИОЗ: БУДИНЫ И ГЕЛОНЫ, ГЕЛОН И КАРИСК	125
ГЛАВА VI. ВОПРОС О ЛОКАЛИЗАЦИИ МЕЛАНХЛЕНОВ, ТИССАГЕТОВ, ЙИРКОВ И «ОТЛОЖИВШИХСЯ» ОТ «ЦАРСКИХ»	151
ГЛАВА VII. ПОЛУЛЕГЕНДАРНЫЕ И ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПЛЕМЕНА ПРИУРАЛЬЯ И УРАЛА – АРГИППЕЙ- АРИМФЕЙ, «КОЗЛОНОГИЕ МУЖИ», «СПЯЩИЕ ПОЛГОДА» И АНАНЬИНСКАЯ КУЛЬТУРА.....	177
ГЛАВА VIII. О РЕАЛЬНОСТИ АРИМАСПОВ, ГРИФОВ И ГИПЕРБОРЕЕВ	204
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	231
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	234

ВВЕДЕНИЕ

Пожалуй, даже относительно самой возможности сколько-нибудь продуктивно использовать известия античных писателей для реконструкции далекого прошлого внутренних областей Евразии прочно укоренился «ученый» скептицизм. Ведь принято считать, что известия эти обладают ограниченной пригодностью – или только для прибрежных земель, или для отдаленных от Понта всего на несколько «дней пути» [386, с.25]. Дальше «за» северопричерноморской Великой Скифией, «выше» – севернее или северо-восточнее – нее простирались уже «заскифские» страны [42, с. 28], населенные племенами и народами, которых сами античные авторы, естественно, не посещали лично, и о которых вынуждены были дознаваться только по слухам. В результате этот «заскифский» Север и Северо-Восток отводился, в представлении древних, также людям необычным, необычного или вовсе чудовищного вида, а то и просто чудовищам. Потому-то он и рассматривается обычно в качестве *terra incognita* древности.

Считается также, что корректное сопоставление античных письменных источников с качественно иными, в частности, с археологическими, проблематично в принципе. Например, по Т.М. Кузнецовой, «письменные данные часто не подтверждаются археологически из-за условности археологических определений». Но, несмотря на это, по наблюдению исследовательницы, корректировка здесь осуществляется обычно за счет античных авторов, и самого «отца истории», в том числе. И как результат такого подхода – появление бесконечно «ошибающегося Геродота» ... [163, с. 9].

Однако обратим внимание, что в другом случае похожая ситуация в исторической науке развивалась практически с точностью

до наоборот. Ведь, когда речь идет о самых ранних славянах, правило хорошего тона считаются обязательные ссылки на европейские, византийские, арабские источники. При этом не возникает никаких сомнений в достоверности, например, Иордановых или Прокопиевых известий, а также в пригодности их для сопоставления с археологическими, лингвистическими и другими данными [295, с. 197; 311, с. 104]. Еще более активно используются известия славянских летописцев [246], в том числе, недатированная часть «Повести временных лет». «Археологам известны две удивительным образом совпадающие карты, подчеркивалось А.В. Арциховским. На одной из них изображаются ареалы курганных женских украшений, на другой – летописных племен» [26, с. 53]. Последующее полувековье развития древнерусской археологии достоверность летописных известий о восточнославянских «племенах» отнюдь не опровергло. Наоборот, как было добавлено В.В. Седовым, в соответствии с локализацией племен по Начальной русской летописи, районированы не только наборы женских украшений, но и основные особенности погребальной обрядности [309, с. 6].

Итак, «отцом» восточнославянской истории априори считается летописец Нестор; ведь предполагается, что только «Повесть временных лет», созданная в XI в. н. э. [241], кладет в ней рубеж письменной эпохи. За Несторовыми данными о расселении племён, в том числе и за полтысячелетия до него, априори, опять же, признается приоритет перед известиями античных ученых. Но ведь вполне очевидно, например, что сведения о современном ему расселении германских народностей у римского исследователя I в. Корнелия Тацита, во всяком случае, не менее надёжны, чем сообщения киевского монаха XI в. – о местонахождении племен славянских.

Американской исследовательницей М. Гимбутас, пользовавшейся большим авторитетом и в бывшем Советском Союзе, было высказано такое мнение: «Благодаря описанию этой (скифо-персидской) войны, которое дано Геродотом в его IV-й книге, мы обладаем первым сохранившимся документом об историческом развитии Восточной Европы с конца VI в. до н. э.» [401, с. 112]. Доба-

вим: не только Восточной Европы, но также и северо-западной Азии. Потому что Геродот, намеревавшийся написать историю персидских войн, создал, в сущности, энциклопедию исторических и этногеографических знаний современной ему эпохи. Причем, как раз «Мельпомена» считается наиболее обстоятельным исследованием отдаленных и отдаленнейших частей ойкумены [320, с. 85]. Известия Геродота дополнялись, из поколения в поколение, его коллегами. Впрочем, относительно достоверности IV-й книги Геродотовой «Истории» высказывались самые разные, порой диаметрально противоположные точки зрения. Застарелый миф «о злокозненности Геродота» (а также его младших коллег, оппонентов и последователей) развеян давным-давно [222, с. 214]. Значит, вся проблема заключается в отказе, попросту говоря, от одной явно отжившей традиции науки. Собственно, уже потому, что имеющаяся здесь в виду категория исторических источников существует, мы не имеем никакого права отказываться от их использования. Конечно, следует искать пути преодоления «сопротивления» этих источников. Несмотря на то, что сообщаемые тем же «отцом истории» факты неоднократно подтверждались, например, археологическими материалами, не следует упускать из виду, что его этнографические данные далеко не равноценны и что среди них зафиксированы взаимно противоречащие сведения [175, с. 12; 192, с. 40]. Частично эти сведения относятся даже к области легендарной этнографии, особенно там, где у Геродота идет речь о переселениях или о вселениях одних народов в земли других. Конечно, и Геродоты, и все прочие античные известия о внескифских землях в Европе и Азии нуждается в предварительной обработке, в верном прочтении, упорядочивании, очистке, оценке – в том, что можно называть преодолением их «сопротивления». Итак, отдавая предпочтение достоверному перед легендарным, постараемся в каждом конкретном случае исходить из всего комплекса сообщений античных авторов и в таком виде искать им соответствия в других источниках. Тогда, по-видимому, письменные известия, результаты археологических раскопок, лингвистических, этнографических и других исследований смогут взаимно дополнить друг друга.

Избрание данного направления исследования представляется вполне оправданным. Слишком долго и, на наш взгляд, совершенно необоснованно исследователи древностей внутренних областей Евразии фактически отказывались от полноценного использования также и письменных источников. Вопреки опыту восточнославянской медиевистики. Вопреки опыту древнего номадоведения, одно из значительных достижений в котором было связано, как известно, с ликвидацией так называемой «савроматской пробки» на этногеографической карте степной Евразии, благодаря Д.А. Мачинскому. Им был выполнен скрупулезный анализ всех античных известий о савроматах и сарматах, результатом которого стал пересмотр доминировавшего ранее в среде археологов представления об их этногенезе [117, с. 8]. Вопреки, наконец, мнению ведущего украинского скифолога, Б.Н. Мозолевского, в посмертной публикации которого вопросы этнической географии названы буквально «наріжним каменем» истории всего населения Восточной Европы [213, с. 51]. Настало время, по крайней мере, попытаться начать заполнять данный пробел. Как это уже делается, между прочим, нашими польскими коллегами, которыми насущная необходимость интеграции *historii starożytniej* и *archeologii pradziejowej*, по-видимому, осознана уже вполне. В результате польская историография располагает сейчас весьма любопытными образцами применения такого синтетического подхода [409, с. 76 – 96; 410, с. 106 – 117].

Итак, согласно древним известиям, самым удаленным из северных племен, непосредственно соприкасавшихся со Скифией, простиравшейся от моря между устьями Истра и Танаиса, были меланхлены. Но значит ли это, что обитавшие по соседству с ними, но еще «выше» тиссагеты и йирки внимания уже не заслуживают? Конечно, нет, ведь диафеса известных греко-римским авторам народов продолжается далее к северо-востоку, вплоть до гипербореев у Океана.

Каждому из этих древних этносов мы постарались уделить внимание. Несмотря, между прочим, и на то, что некоторые из них перестали быть «заскифскими» уже в глазах древних, подводившими, – по Страбону, «вследствие неведения» – все племена вновь воз-

никшей Сарматии под одно общее, – «скифское», как у Плиния, – имя.

Итак, прежде чем приступить к рассмотрению источниковой базы, историографии, а также перспектив дальнейшего исследования, отметим, что в основу данного издания была положена диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук «Племена и народы «заскифского» Севера и Северо-Востока», успешно защищённая автором 24 мая 1998 г. в Белгосуниверситете.

ГЛАВА I.

ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Античные письменные источники в процессе данного исследования оказались самыми сложными, но одновременно и самыми интересными. Мы постарались учесть, по возможности, буквально все сохранившиеся до нашего времени древние греко- и латиноязычные известия о «заскифских» племенах. Эти известия отличает разнообразие, как весьма разнообразны сами сочинения древних авторов в смысле тематики, достоверности, сохранности и т. д. Так, от Гекатея «Землеописания» – видимо, пояснения к его восхищавшей и удивлявшей современников карте – уцелел, по существу, лишь краткий список из нескольких географических и этнических названий. Сочинения клермонского епископа – через тысячу лет после «многостранствующего мужа»-милетянина – сохранились не в пример полнее, но Аполлинарий Сидоний способен удивить совсем другим: его «диафеса» – это своеобразный «винегрет» из хронологически противоположных этнонимов: «...за воинственным ругом в сопровождении гелона следует свирепый гепид; скира побуждает бургундион; вторгается хун, беллонот, невр, бастарн, торинг, бруктер и франк ...» [62, с. 291]. Впрочем, по определению Дж. О. Томсона, подобным «литературным атавизмом» страдали и такие писатели, как Аммиан Марцеллин и Прокопий, порою тоже перемешивавшие актуальную для эпохи великого переселения народов информацию с беспорядочно пересказанными старыми, еще из Геродотовых времен, сведениями [347, с. 484 – 488].

Труд же самого «отца истории», по определению Л.С. Клейна, это и перво-источник, и свод, и ученый труд, в котором налицо и оригинальные наблюдения, и компиляция, и художественное творчество, и исследование причин – собственно, только «предысточник»,

требующий, перед использованием, надлежащей источниковедческой обработки [145, с. 46].

Увы, но и Геродот причислялся, видимо, не более чем к «рассказчикам мифов», притом самим «отцом географии» [336, с. 50 – 51]. И мы должны – тем самым не проявляя, однако, какого-либо неуважения к Геродоту – хотя бы частично согласиться в этом с Географом. Ведь эта его нелестная оценка должна быть признана справедливой уже потому, что, как известно, древнейшей формой осмысления естественных явлений, в том числе географических и этнических реалий, у эллинов, как и у других народов, был миф. Потому-то и окрашены довольно часто их представления о северных «заскифских» странах, по Л.А. Ельницкому, в характерные «мифологические тона». Не свободны от мифологичности и некоторые Геродотовы, а также (еще в меньшей степени, но все же) Страбоновы этнографические и географические пассажи [105, с. 5].

Но даже не за это некоторые пытаются отвергать и Геродота, и Страбона. «...Страбон пользовался данными из третьих рук, а Геродот, во всяком случае, только слухами и устными рассказами, переданными через грекоязычных базарных переводчиков. Их сведения, конечно же, не идут ни в какое сравнение с подлинными документами эпохи», пишет, например, И.М. Дьяконов [101, с. 116]. Но как быть тогда с издавна утвердившимся мнением, согласно которому Страбона «География» – это, собственно, энциклопедия тогдашних знаний об ойкумене, «лебединая песня эллинизма» [21, с. 4]. Впрочем, на наш взгляд, «отец географии» не нуждается в реабилитации точно так же, как и Геродот.

Согласиться с приведенным выше мнением И.М. Дьяконова затруднительно также и потому, что самим «отцом истории» как раз относительно «россказней» и слухов многократно подчеркивалось: «По рассказам плешивых, для меня представляющимися недостоверными ...»; «Мне не верится, чтобы эти рассказы были справедливы ...»; «Я обязан передавать то, что говорят, но не обязан всему верить» [99, с. 108 – 109]. Еще, кстати, считается, что слово «говорят» у Геродота отнюдь не обязательно означает ссылку именно на устный

источник [262, с. 50]. Предполагается, что необычайная, по сравнению со всей остальной географической литературой древности, осведомленность «отца истории» относительно Скифии и земель «за Скифией» объясняется тем, что он располагал наиболее достоверными данными, почерпнутыми из каких-то оригинальных ираноязычных источников [104, с. 63]. Не это ли также позволило Геродоту во многих случаях полемизировать с самим Гекатеом Милетским? Считается, что труды великого ионийца «отцом истории» использовались, главным образом, тогда, когда можно было что-то дополнить или исправить [109, с. 342; 262, с. 50] Но для Геродотовой «Истории» предполагаются и другие древнеионийские источники, в частности, та «древнейшая этнокарта европейских степей», которая отражена не только у Геродота, но, например, еще у Дамаста [90, с. 294], а также в знаменитой «Аримаспее» [17, с. 298].

Факт Аристеева путешествия, состоявшегося, будто бы, не позднее третьей четверти VII в. до н. э., еще недавно сомнению не подвергался. Источником вдохновения для его стихов считались личные впечатления «одержимого Фебом» поэта, так рано открывшего, якобы, основной «закон степей» – неуклонное движение кочевых орд с востока на запад [192, с. 34; 194, с. 21]. Однако были предьявлены убедительные доказательства тому, что «Аримаспейя» была написана гораздо позднее, вероятнее всего, в конце VI – первой четверти V в. до н. э. И не по личным наблюдениям пифагорейца Аристея, который, возможно, с полубогом Аристаем сам себя и контаминировал, а на основе его знакомства с ионийской историко-географической литературой [118, с. 29 – 48]. Впрочем, и раньше Аристеевым «путеводителем» считались известия о северных землях, полученные ионийскими греками от достигших не позднее середины VII в. до н. э. городов Ионии киммерийцев, а не рассказы о каких-то путешествиях на северо-восток [263, с. 185].

Таким образом, производить Аристея в «предшественники Геродота» нет достаточных оснований. Надо учитывать также, что общим для них древнеионийским источником воспользовались, возможно, еще некоторые позднейшие авторы, например, Симмий Ро-

досский. Повествуя, подобно Аристею, о своем мнимом путешествии к «отдаленным гипербореям» где-то за «вечнотекущим Кампасом», он, однако, аримаспов именует массагетами, а соседей этого всаднического народа – не грифами, а гемикинами-полупсами [314, с. 357 – 358]. «Нелающими (безгласными) Зевсовыми псами» грифы названы также и в Эсхиливом «Прикованном Прометее» [395, с. 303].

Согласно сохранившемуся у Стефана Византийского фрагменту, место Геродотовых андрофагов у Гелланика в его «Скифике» занимали амадоки и страна Амадокия. Это же иноназвание андрофагов подтверждается Птолемеем («местность Амадока», «озеро Амадоки», «Амадокские горы» и сами амадоки «ниже соименных гор» в Европейской Сарматии [142, с. 235, 238], что позволяет, кажется, предполагать для них, в данном случае, общий и независимый от Геродота источник.

Явно независима от Геродотовой «Истории» и Ктесиева «Персика». Ктесий, в сохранившихся фрагментах, альтернативен Геродоту. Геродот, в отличие от ахеменидского лейб-медика, ничего не сообщает о морском Ариарамновом набеге накануне Дариева похода на европейских скифов. Да и сам этот поход описывается у Ктесия совсем иначе [161, с. 299]. Еще одна самостоятельная версия скифо-персидского конфликта в Северном Причерноморье изложена у Страбона [336, с. 279 – 280]. А ведь данная тема для книги «Истории» Геродота центральная, и большинство племен «заскифского» Севера упоминаются там, собственно, в связи с нею. Сюжет «завоевания родины» скифами конечно, у Геродота тоже не рядовой, и тем интереснее очень отличающийся рассказ об этом в Диодоровой «Библиотеке» [95, с. 250].

В произведениях других эллинических авторов о «заскифских» землях также сообщаются некоторых неизвестных Геродоту подробности. Так, в книге «О чудесных слухах», приписываемой Аристотелю, говорится о якобы обитающем у гелонов животном-хамелеоне, популярнейшем впоследствии тарандре, а в отрывках сочинений «О животных» сообщается, что в Невриде будто бы водятся быки с вырастающими из одного и того же места рогами и ушами. В сборнике

александрийских пословиц сообщается об одной интереснейшей детали тиссагетской культовой практики, вовсе неизвестной Геродоту [115, с. 291]. «Отец истории», как известно, сомневался в самом существовании где-то далеко на Севере блаженного и счастливого народа. Гелланик же, который, по мнению М.И. Ростовцева, стоит ближе к Гекатею, чем к Геродоту [292, с. 19, 22], писал, по словам Стефана Византийского, об этом народе в своих «Историях» [68, с. 316]. А сочинением Гекатея Абдернского «О гипербореях» [66, с. 255 – 256] открывается популярнейшая потом литературная серия идеализирующих трактовок северных народов.

Дань этой теме сполна была выплачена латинскими писателями и поэтами. В Вергилиевых «Георгиках» и в Овидиевых «Метаморфозах» в прекрасной стихотворной форме переданы интереснейшие этнографические подробности быта отдаленнейших из «заскифских» варваров [53, с. 196 – 197; 228, с. 226]. Квинт Курций Руф называет их «абиями» [138, с. 290] и приводит также этнографически достоверное описание их полуподземных жилищ [316, с. 68].

Однако римская же литература демонстрирует и деградацию достоверной информации о многих «заскифских» племенах Геродотовой эпохи. Геродотовы гелоны у Горация превращаются в «живущих на краю света» [137, с. 208]; йелоны, горожане, садоводы, земледельцы, смешиваются или с сарматами, или с фракийцами, и превращаются в «вооруженных косами» (?) у Клавдиана [141, с. 253], в «разрисованных», «имеющих наколы» у Гонората [181, с. 199], в «быстрых, как птицы» у Лукана, [339, с. 332]. У Аполлинария Сидония Геродотовы гелоны оказались даже среди участников великого переселения народов, гепидов и ругов, а у Дионисия гелоны, вместе с меланхленами и неврами, соседствуют с мифическими гиппоподами и гиппемолгами [97, с. 238]. Неврам Вергилием приписывается подобие Ромуловых консуалей («похититель любви невр» [63, с. 348]; Пропрецием они отождествляются с сарматами – «враг невр на броненосном коне» [313, с. 222], а Филосторгием – с гуннами – «Эти унны – вероятно, тот народ, который древние называли неврами ...» [359, с. 281]. Аммиан Марцеллин говорит о них, как о ги-

пербореях: «... невры, соседи высоких и обрывистых гор, на которых все коченеет от мороза и порывистых северных ветров» [11, с. 303]. Согласно Геродоту, современные ему невры обитали довольно недалеко от «торжища борисфенитов», в верхнем течении Гипаниса – Южного Буга. Процесс постепенного искажения этой исходной Геродотовой информации хорошо иллюстрируется произведениями позднеримских писателей. С Гипаниса невры «перемещаются» на Борисфен, который, якобы, берет начало в «горах нервиев» и далее на Танаис, в Рифейские горы ... [11, с. 289, 303].

Сомнительное первенство в данном искажении Геродотовых известий принадлежит Псевдо-Скимну, отчасти Помпонию Меле, но особенно Плинию, вместе с его усердным компилятором, Солином; последний вообще «действует почти везде по методу механического списывания» [292, с. 49]. Поэтому вряд ли допускал особенное преувеличение Дж. О. Томсон, когда он аттестовал автора «Естественной истории» как «неразборчивого компилятора», который «уже известные племена и реки помещает совершенно неправильно и вместе с Мелой передает без всяких оговорок за факты то, во что уже не верил Геродот» [347, с. 356]. Но относительно той же «Хорографии» Мелы считается также, что ее основу в большей, чем Геродотова «История», степени составляют компилятивные сочинения эллинистической эпохи, восходящие, в свою очередь, к древнеионийским источникам [105, с. 169]. На том же основании и Плиниевы известия предлагается считать воспроизводящими достоверное расселение как скифских, так и соседних племен еще догеродотовской эпохи [319, с. 47]. Припомним, что и М.И. Ростовцевым в качестве общего источника Мелы и Плиния предполагалась какая-то ионийская перигесса, причем, по его мнению, сочинениям Гекатея, Дамаста, Гелланика и Эвдокса равноценная [292, с. 49 – 50]. В этой связи обратим внимание, например, на то, что Мела, как позднее и его компиляторы, Геродотовым этнонимом «аргиппей», или производным от него, «оргеппей» не оперировал. У него это лысое племя именуется *aremphei* – аремфеями [250, с. 277].

Конечно, и Авиена с Присцианом, например, при желании довольно легко уличить в том, что их «*Descriptio orbis terrae*» и «*Periegesis*», в тех частях, которые посвящены описанию народностей к северу от Истра – Дунабия и Понта, представляют собой лишь испорченный соответствующий пассаж из Дионисиева «Описания ойкумены» [97, 238 – 239; 251, с. 300; 297, с. 239 – 240]. Но лучше, кажется, подчеркнуть очевидную заслугу обоих этих авторов, которыми уже на пороге средневековья вновь были воспроизведены восходящие еще к ионийской древности знания о Скифии и ее соседях.

Средневековый автор, Евфстафий митрополит Фессалоникский, составил свои комментарии к тому же Дионисию. Сообщая своему читателю множество известных ему по литературе фактов, некоторые из них Евстафий попытался истолковать чисто филологически, например: «Унны, или тунны с буквой ϑ , – каспийский народ из племени скифов. Нужно следовать тем, которые пишут «унны» без ϑ ...» [103, с. 254]. Подобные же филологические интерпретации имеются и в сочинении «Е ϑ вика» у Стефана Византийского [335]. Однако, именно благодаря ему мы знаем, например, что в утраченной Гелланиковой «Скифике» говорилось об амадоках, а в Дамастовом сочинении «О народах» – об аримаспах перед Рипейскими горами и о гипербореях по ту их сторону. Стефану же мы обязаны, наконец, сохранением двухсот фрагментов Гекатея «Землеописания» [319, с. 48].

В заключение нашего обзора письменных источников, наверное, следует назвать и те произведения, которые, в отличие от Евстафиевых «Комментариев», повествуют о жизни народов не античной, а уже средневековой и последующей эпохи. В «Хронике Фредегара», у аль-Масуди, аль-Идриси, в «Повести временных лет», в древнерусском сказании «О человецех незнаемых в восточной стороне», в московской «Разрядной книге» 1449 г., в Герберштейновых «*Rerum moscovitarum commentarii*», в «Кратком описании о народе остяцком» Г. Новицкого и др. также имеются подчас очень интересные, важные для исследуемой темы данные. Определенное значение имела также и такая категория письменных источников, как памятники

античной эпиграфики, в частности, грекоязычное графитто на лепном сосуде местного производства с Немировского городища и ольвийский декрет в честь Протогена. Оба памятника были обнаружены в ходе археологических раскопок.

Итак, другая важнейшая составляющая источниковой базы данной работы – это, безусловно, *археологические материалы*. Но здесь они использовались, конечно, иначе, чем в традиционной археологии, которая во многом продолжает оставаться прежде всего историей материальной культуры. Та или иная археологическая общность, памятник, комплекс или находка представляли здесь интерес, собственно, не как таковые, а именно как дошедшие до нас от того или иного «заскифских» племен, как «отличительные знаки» определенного древнего этноса, который различается среди других также и по античным письменным источникам.

Чтобы предупредить ревность некоторых наших почтенных коллег-археологов, сошлемся на то, что и их собственная наука тоже, в своем естественном развитии, постепенно выходит на решение аналогичных задач. Так, согласно наблюдению Е. Колендо, успехи польской археологии последних десятилетий, в частности, уточнение хронологий, позволили выяснить реальное синхронное расселение древних обитателей территории Польши, определить здесь динамику миграций, освоение незаселенных ранее районов, и т. д. Таким образом, традиционная археология постепенно трансформировалась в историю возникновения, экспансии и исчезновения различных археологических культур на нынешних польских землях – в «политическую историю древних времен» («historiá polityczna pradziejowa») [404, с. 41 – 42].

Аналогичные процессы, только, быть может, немного запаздывавшие, наблюдались в 1970 – 90-е гг. и в археологии Беларуси, а также многих других частей нынешнего «ближнего зарубежья». Так, удалось проследить «пульсацию населения» на теперешних белорусских и украинских сопредельных территориях, а также определить наиболее вероятную причину этих милоградских миграций в конце эпохи архаики. Хронология отдельных типов и групп поселений и

погребений милоградской археологической культуры на поверку оказалась различной. На юго-востоке Беларуси в VII в. до н.э. милоградские городища среди полесских низин уже существовали, а мысовые на высоком правом берегу Днепра были основаны лишь конце VI-го. В VII – VI вв. до н.э. на северо-западе Украины существовала группа милоградских поселений и погребений Западной Волыни, а в соседней, более возвышенной Подолии аналогичные курганные могильники закладываются только в V в. до н.э. При этом наиболее вероятно, что в обоих случаях перемещение населения обусловило одно и тоже циклическое изменение климата, ставшего гораздо влажнее. Низины быстро заболачивались, и «милоградцам» пришлось искать, где повыше и посуше [275].

За тысячи километров от Подолии и Полесья, в противоположащей части «заскифского» мира, тоже произошли археологически хорошо зафиксированные миграции. Лесостепь Западной Сибири переживает в VIII – VII вв. до н. э. так называемое «крестовое нашествие» массы выходцев из таежной зоны, притом причины для переселения и в данном случае называются аналогичные – климатические сдвиги, отодвинувшие к югу границу тайги. Из тайги же в Притоболье и Приишимье распространяется кашинская археологическая культура, в VI – IV вв. до. э. поддерживавшая здесь тесный контакт с местной саргатской лесостепной [152].

Лесостепные и степные пространства Северного Причерноморья, как оказалось, также осваивались ираноязычными номадами в соответствии с глобальным климатическим ритмом. Поэтому скифские переселенцы с Северного Кавказа как первой, так и второй «волны», пройдя засушливые в то время украинские степи, устремляются в Среднее Поднепровье, где ими были оставлены жаботинские и константиновские курганы середины, а также посульские и курган Перепятыха конца VII-го в. до н. э., соответственно. И только скифами из последней, третьей «волны» заселяется уже и северопричерноморская степь, зазеленевшая где-то в VI в. до н. э. На первую четверть V в. до н. э., согласно новейшим разработкам, пришелся коренной поворот истории скифского Причерноморья: еще недавно

господствовавшее в археологической науке представление об органически единой степной цивилизации сейчас сменилось обоснованным противопоставлением фактически двух Скифий, Архаической и Классической [7].

Эта миграция «царственных» основателей Классической Скифии, безусловно, затронула также и судьбы многих из наших «заскифских» «варваров», которые, однако, и сами совершали не раз довольно дальние переселения. Судя по результатам археологических раскопок в Среднем Подонье, оно неоднократно испытало экспансию с севера, когда в VII – VI, а также в VI – V вв. до н. э. туда направлялись носители раннегородецкой культуры. Экспансия ананьинской культуры была направлена, наоборот, на север, даже вплоть до Приполярья. В результате в VIII – V вв. до н. э. по Северной Двине, Вычегде, Менези возникают раннеананьинские поселения. А еще восточнее – такое любопытное явление, как «зауральское Ананьино», которое, впрочем, было связано скорее с культурным влиянием, чем с непосредственным расселением. Непосредственное вселение в ананьинский ареал киммерийцев, или же скифов и древних кавказцев, предполагалось на основании находок на некоторых приволжских могильниках изделий соответствующего происхождения. Однако, на проверку, археология в состоянии предложить и совсем другое объяснение этих находок, не зависимое от миграций с юга.

Археология уже смогла освободиться от многих ложных представлений, имевших довольно долгое хождение в науке. Долгое время считалось, например, что прародина милоградской культуры – это Западная Волынь. Но все оказалось с точностью до наоборот: она была пришлой как раз там, и к тому же вытеснила оттуда автохтонную могилянскую культуру. С другой стороны, сколько-нибудь значительные милоградские миграции в противоположном – восточном – направлении практически не прослеживаются. Как не прослеживается и присутствие на грандиозном Бельском городище какой-либо группы носителей юхновской археологической культуры, не говоря уже о милоградской. Несмотря на многолетние исследования, на

всем пространстве Великой Скифии между Доном и Дунаем не зафиксировано практически никаких материальных следов ахеменидских войск. О каких-либо археологических свидетельствах посещения персидской армией «заскифских» земель лесной зоны вообще не идет и речи. После пересмотра результатов соответствующих раскопок и уточнения датировки золисто-угольных прослоек на некоторых городищах лесостепной зоны больше не идет речи о причастности царя Дария I к случившимся там пожарам. Сожженное им укрепление больше не сопоставляется с Увеком, или Укеком, в Саратовском Поволжье, поскольку раскопки показали, что слои древнее золотоордынского времени отсутствуют на этом городище. Группы городищ на р. Тясмин и у с. Волошино на среднем Дону, как оказалось, признаками городского поселения не обладают, и уже поэтому Среднее Подонье, например, не может претендовать на отождествление со страной будинов, ведь в ней остатки настоящего города должны были быть открыты обязательно.

Результаты раскопок подчас помогают разрешить и еще более сложные спорные вопросы, например, из области этнической или социальной истории древности. Сейчас, благодаря археологии, уверенно расшифровывается социально-этническая структура Среднего Поднепровья скифской архаической эпохи. Эта структура возглавлялась настоящими скифами – ираноязычными номадами (= основное «царское» погребение в Перепятихе), которые господствовали над скифизированными потомками автохтонных земледельцев (= погребения «слуг», там же; основное погребение в холодноярском кургане). Последние, в свою очередь, доминировали над обитателями подгорцевских селищ (погребение «служанки», там же). И подобная социально-этническая чересполосица на среднем Днепре, согласно археологическим данным, существовала в среднеднепровской лесостепи еще с предскифской эпохи.

По археологическим данным, установлены достоверно этнические признаки конструкции погребальных сооружений – иранские в Среднем Поднепровье, угорские в Приуралье, Зауралье, в западносибирской лесостепи.

С другой стороны, иногда наблюдаются отлично «археологически читаемые» иноэтничные влияния, из числа которых в данном случае особый интерес представляет так называемая скифизация. Например, в лесостепи как милоградский, так и юхновский обряд захоронения до такой степени отклоняется от исходного и настолько скифизирован, что некоторые могильники, например, Долинское, иногда определяются как «скифские» или «скифоидные». «Скифской» или скифоидной, теперь иногда именуется даже неочевидная и по происхождению заведомо неиранская археологическая культура различных частей восточноевропейской лесостепи в целом.

Более того, в некоторых случаях археология заглядывает и в сакральную сферу жизни древних – например, когда на Бельском городище были исследованы остатки настоящего, даже с колоннадой, деревянного храма. Или когда на Урале был обнаружен Курганакский клад, а в Западной Сибири – Истяцкий, состоявшие из древних священных предметов.

Разумеется, о древней идеологии немало могут поведать этнографические и фольклорные источники, в данной работе также использованные. При желании, конечно, среди мировых традиционных культов возможно подыскать параллель буквально для каждого известного нашим античным авторам элемента идеологий «заскифских» варваров [208]. Поэтому исследователи прошлого иногда легко выходили из своих затруднений, оперируя, в качестве аналогий, например, белорусско-украинскими сказаниями о вовколаках, даже «Сказкой об Иване Сучиче». Впрочем, ссылки на характерный для балтов еще в недавнем прошлом змеиный культ, как параллель аналогичным древним верованиям, можно найти и у современных авторов. Вряд ли подобные сопоставления корректны: волчий, змеиный, лосиный и пр. тотемизм распространены в Старом и Новом свете практически так же широко, как и соответствующие представители животного мира.

Другое дело, наверное, когда у сохранившиеся до этнографической современности пережитков языческих верований имеются древние корни, уходящие в скифо-сарматскую эпоху, и именно в

ираноязычную кочевую среду. Так, древнеиранское – скифо-сакское – происхождение надежно устанавливается для ядра традиционных верований обскоугорских народностей, одно из основных божеств которых именуют иногда даже «угорским Митрюю». С другой стороны, на собственно угорской почве расшифровываются некоторые подробности античных сообщений о самых отдаленных из «заскифских» варваров, например, об их обычае устрашать врагов своими длинными и косматыми волосами. А самодийские легенды о «подземных» сихиртя удивительным образом соответствуют греко-римским сообщениям об обитателях гиперборейских краев. Надо заметить, что урало-сибирский фольклор настолько богат, что в нем представлены даже несомненно местные параллели индийским сказаниям о песьеголовцах и о «муравьином» золоте.

Сибирская же этнография предоставляет интересные параллели социально-этнической структуре скифской эпохи. В частности, «кыштымы», видимо, были аналогичны не только ордынским сабанчи, но и скифским *оратίρες*. Конечно, без использования необходимых этнографических параллелей при создании сколько-нибудь масштабных исторических реконструкций не обойтись. Поэтому для нас естественный интерес представляли, например, сделанные в прошлом столетии этнографические описания и подсечного земледелия в приуральских лесах, охарактеризованного тогда как «кочевой промысел», и кочевнические приемы зимнего выпаса скота в степях зауральских. Правда, более близкими к античным описаниям конной охоты «заскифских» варваров оказались нам именно те приемы преследования крупных копытных, которые применялись не где-либо в Евразии, а именно в прериях Северной Америки. Зато этнографические параллели древнему шишко- и особенно вшеедству в большом количестве представлены как в Старом, так и в Новом Свете.

Фольклорно-этнографические, а тем более *лингвистические источники*, для нашей темы имеют, конечно, только вспомогательное значение. Однако и в лингвистических источниках иногда содержится очень интересная и важная также и в данном случае ин-

формация. Ею интересовались, кстати, уже сами создатели античных письменных источников. Так, «отец истории» пытался обосновать туземных наименований варваров исходя из скифского языка, ссылаясь на то, что название «одноглазных» аримаспов двусоставное, и что «арима» по-скифски означает, будто бы, единицу, а «спу» – глаз» [99, с. 110 – 111]. А «отец географии», весьма критически относившийся к трудам своих предшественников, в том числе и к Геродоту, осуждал их за смешение различных варварских этнонимов: «Одни вместо ализонов пишут «алазанов», другие – «амазонок», ...называя скифов-алазонов ...» [336, с. 515 – 516]. Впрочем, поверхностное использование древней этнонимии продолжалось и много столетий спустя после Страбона. В XIX в. античные названия будинов/бодинов пытались сблизить со славянским («водины»), или с черемисским («вудины» = уд, удо, уд-мурт). Впрочем, и в современной историографии для этих же будинов указываются подобные же приблизительные «тезки», в виде утиев – гудиев – будиев.

Кроме этнонимических, в качестве источника для локализации будинов привлекались также топонимические материалы – названия славянские (с. Будище, р. Буда), балтские (Бал-инь, Слукова), угор-финские (Боди, Бод-а, Бодино-пилга), кавказские (оз. Будинское). Локализацию невра и Невриды также исстари пытались обосновать с помощью топонимии. В этой связи упоминались и римская провинция Норик, и летописная Нурская земля, и множество современных названий с апеллятивами нер/нур – Невда, Неверка, Понурка и пр. Конечно, подобные непосредственные отождествления вряд ли надежны, как и сопоставления типа иирки – турки, или иирки – урги, угры.

Другое дело, когда когда исторической лингвистикой [1] демонстрируется убедительное тождество, в частности, греческого *μελάγγλαινοι* и древнеиранского 'saudaratai, «черные одежды». Или – «прекрасноконные»: *καλλιπδαί*; в иранском варианте, то же, *арцастои*, из *агит(а)* («отличный», «благородный») + *асра* («конь»). Древнефракийская топонимическая серия, *Καρίσκς*, *Καρίσκα*, *Σκάρες*, *Securisca*, *Σκαρίς*, *Scoris*, *Σκαρία*, позволяет, видимо, «извлечь» антич-

ный Карискос из таежного Коми края (на коми языке Кагысок – «маленькая крепость») и поискать его где-нибудь поближе к Черному морю и Кавказу.

С Северного Кавказа, как это было установлено лингвистами, в скифскую эпоху произошла целая «миграция» названий в северо-западное Причерноморье: Синдика – «старая (синдская) Скифия», Scythia Cindica; Дандария – dandarium (Тендрская коса) [352, с. 39 – 63; 353, с. 29 – 45]. С другой стороны, древнее имя Днепра, Ворондѣвѣцъ, до наших дней сохраняется и в его устье (о. Березань), и верховьях (р. Березина, оз. Берешта). «Озеро Амадока», там же, уточняет и место обитания самих амадоков, иначе андрофагов, ведь, согласно лингвистическим сопоставлениям, санскритское 'ama-daka означает, в сущности, то же самое: «сыродядцы».

Остальные категории источников привлекались нами еще реже, но порой они были вряд ли заменимы. Как, например, *палеоантропологические* данные, которые позволили представить своеобразный физический тип носителей ананьинской культуры, действительно резко отличающийся от распространенного как в скифских, так, наверно, и в рассматриваемых «заскифских» землях античной эпохи. Результаты *палеоклиматологических* исследований, дающие представления о циклических природно-погодных изменениях на территории Евразии в древности, были сопоставлены с данными письменных и археологических источников, что позволило выявить причины ряда важнейших миграций. Данные *зоологии* [46] тоже порой оказывались весьма нужными и полезными: например, когда встал вопрос о возможном тождестве античных грифов-грифонов одноименным хищным птицам Алтая. Алтайские серые грифы *Aegypius monachus* L, согласно орнитологическим наблюдениям, это типичные падальщики, на крупных живых млекопитающих никогда не нападающие, которые какой-либо угрозой конским табунам, как современным, так и древним, быть попросту не могли.

Итак, после рассмотрения источников, нужно перейти к *обзору литературы* по избранной теме, который, на наш взгляд, уместно совместить с рассмотрением *истории ее исследования*. Ведь и в ис-

ториографии можно выделить – конечно, тоже довольно условно – четыре последовательных этапа, приходящихся, примерно, на раннее и развитое средневековье, на позднее средневековье – начало нового времени, на XVIII – начало XX в., а также на период от 1920 – 30 – х гг., *продолжающийся до наших дней*. Впрочем, можно уточнить, что начало первого исследовательского этапа хронологически принадлежит еще финалу античности, когда, помимо искаженных пересказов оригинальных известий о «заскифском» Севере и Северо-Востоке, наблюдались и первые попытки рационального их истолкования. Элементы исследования, безусловно, присущи, в частности, упоминаемому выше сочинению «Εθνικα» Стефана Византийского. Правда, в настоящее время, например, его попытка этимологизировать этноним Геродотовых будинов на основе древнегреческого (δινεύειν + Βιύς) представляет, конечно, только историографический интерес [335, с. 317]. К алфавитному перечню древних названий, прокомментированных Стефаном, по стилю и уровню примыкают Евстафиевы «Комментарии» со «Схолиями», демонстрирующие, что античные традиции греко-латинской образованности продолжали сохраняться и в раннем средневековье. Но и Евстафий, подобно многим своим предшественникам, например, Филосторгию, не избежал соблазна отождествить имена давно исчезнувших «заскифских» племен со средневековыми «варварами»: «гиппоподы, или, согласно некоторым, хазары» [103, с. 246]. Разумеется, все средневековые представления о древних «заскифских» народах опирались исключительно на письменные источники. Историки начала средневековья вообще считали своим долгом продемонстрировать знание подробностей античной истории. Например, Прокопием Кесарийским даже византийская мода на длинные волосы сравнивалась с прическами массагетов [252, с. 24]. Как и Прокопий, уподобивший «скифской пустыне» византийские провинции, разоренные гуннами и славянами, славянский хронист Нестор также выказывает знакомство со скифо-античной топонимией – в ремарке про тиверцев и уличей, которые «ся зваху от Грекъ Великая скуфъ» [241, с. 14]. Впрочем, в недатированной части «Повести временных лет» имеется и более интересная

интерпретация: «Норци, еже суть Словене». Это замечание летописца, с одной стороны, примыкает к сообщениям Секста Пропреция и Аполлинария Сидония о победах, которые Октавиан Август одержал над «неврами» (т. е. нориками), в провинции Норик [49, с. 33]. С другой стороны, оно заставляет припомнить также отождествление Геродотовых невров с жителями средневековой Нурской земли в бассейне Западного Буга, которое настойчиво пропагандировалось много столетий спустя П. Шафариком и другими сторонниками идеи автохтонности славянства.

На принадлежащем уже позднему средневековью втором этапе в хрониках по-прежнему продолжают попадаться подчиненные текущим интересам заимствования из трудов древних авторов. Типичным здесь выглядит, наверное, известный сюжет о мифическом патриции Палемоне в «Хроники Быховца». Правда, в данном случае была сделана попытка приспособить к тогдашним восточноевропейским географическим и этническим реалиям даже не известия античных историков о каких-либо «варварах», а факты самой римской истории непосредственно [367, с. 72 – 77]. Но, с другой стороны, совсем иной качественный уровень демонстрируют «Записки о Московии» знаменитого путешественника С. Герберштейна. С полученными им самим разнообразными сведениями Герберштейн, ученый барон, со всей свойственной ему обстоятельностью сопоставляет известия древних. В результате именно Березину он совершенно справедливо отождествил с верхним течением античного Борисфена, Иваново озеро в районе Тулы – с «матерью» Танаиса, Уральский хребет – с Рифейскими, или Гиперборейскими горами древности [71, с. 157]. Таким образом, произошло принципиальное расширение исследовательской базы, ведь Герберштейн и некоторые другие западноевропейцы, посещавшие Литву, Московию и Сибирь (= «Сарматию», «Скифию») имели иногда возможность ознакомиться не только с реалиями местной географии. Считается, например, что не на известной ему из Геродота соответствующей античной легенде, а именно на русском источнике XV в., сказании «О человецех незнаемых в восточной стороне», основан Герберштейнов рассказ об «уми-

рающих» на зиму лукоморцах. А. Олеарий эту же легенду о лукоморцах попытался объяснить на основе известных ему фактов этнографии северной Сибири, жители которой, подобно «абиям» Квинта Курция Руфа, на всю долгую зиму скрываются в занесенных снегом юртах [10, с. 104]. Этнографические наблюдения за бытом и жизнью обитателей побережья Ямала в середине XVII в. были изложены П. де ля Мартиньером в его сочинении «Путешествие в северные страны», на которое ссылаются и современные исследователи «гипербореических» древностей Севера [373, с. 241].

Таким образом, был подготовлен третий, на этот раз уже собственно исследовательский этап, приходящийся примерно на XVIII – начало XX в. Особенный интерес к известиям античных писателей о северных «заскифских» землях проявляли восточнославянские ученые, что и понятно, ведь они искали в этих известиях начала собственной национальной истории. Среди них был и наш соотечественник, А. Нарушевич, автор многотомной «Истории польского народа». По А. Нарушевичу, территорию Речи Посполитой в древности населяли скифы, название которых объяснялось им из греческого 'skitos – «кожа», или даже 'stiros – «люди ужасного вида». Таким оригинальным вариантом этимологии был обусловлен, по-видимому, интерес этого историка также и к названию одного из «заскифских» племен – аримаспов, «одноглазых», по Геродоту. Интересно, что и Евстафиево «ламарковское» объяснение одноглазости лучников-аримаспов [103, с. 242] также было известно автору «Истории польского народа» [302, с. 30]. Автор «Истории Российской», кроме скифов, сарматов и роксоланов, не обошел своим вниманием и некоторые «заскифские» племена. При этом Геродотовы андрофаги В.Н. Татищевым, в отличие от историков последующих поколений, причислялись к народам славянским. А Геродотовы «полгода спящие» «отцом истории российской» отождествлялись, по-видимому, с предками сибирских «инородцев» [340, с. 105]. Напротив, «отец истории Сибири», Г.Ф. Миллер, категорически исключал саму допустимость сравнения с аналогичным Геродотовым сюжетом сказания аборигенов Красноярья о бегстве их предков от змей, как это было сделано у записавше-

го последнее, героического «шведского сибиряка» Ф. Сталенберга [205, с. 185]. Итак, историография XVIII в. в плане интересующего нас вопроса украшена отдельными любопытными эпизодами, но в целом она не демонстрирует сколько-нибудь значительные результаты. Ее венец, «История государства Российского» Н.М. Карамзина, вообще содержит, согласно оценке А.А. Нейхардт, лишь простой пересказ соответствующих пассажей античных источников, без какой-либо попытки критического их анализа [221, с. 21 – 22]. Итак, впереди был еще весь тот трудный и извилистый путь к настоящим успехам и необесценивающимся результатам, который и был проделан в следующем столетии параллельно, зачастую совместно, российскими и европейскими исследователями.

Интересно, что в XIX в. постоянное внимание исследователей привлекали белорусские земли, в том числе наше Полесье. Так, дерптским ученым, Э. Эйхвальдом, в 1834 г. была опубликована статья с великолепным названием, «*Darius Gystaspus zieht nach der Gegend von Pinsk*», в которой обосновывалось предположение о продвижении персидской армии не в восточном, а в северном направлении от Дуная, вплоть до границ Минской губ. Эта гипотеза и через сто лет продолжала оставаться известной и популярной в белорусской историографии [204, с. 28; 221, с. 32]. Подразумевавшаяся у Э. Эйхвальда территория, южная Минщина, его современником, отечественным исследователем П.Шпилевским отводилась двум «заскифским» Геродотовым племенам. «Некоторая часть Минской губернии, писал он, составляет Полесье, известное в древности под именем Вудинов или Невров» [388, с. 71]. Следует полагать, что П. Шпилевский находился под влиянием и П.Шафарика. Ведь в середине – второй половине XIX и в начале XX в. многие его российские коллеги в теории явно следовали за чехами, П. Шафариком и Л. Нидерле, а также за австрийцем П. Томашеком. С именем П. Шафарика во многом связано внедрение комплексного подхода в исследовании происхождения и ранней истории славянства. Им использовалась вся совокупность доступных в то время источников: этнографических, фольклорных, лингвистических, а также исторических, включая не только славянские или другие сред-

невековые летописи и хроники, но и труды античных авторов. Так, приурочив некоторые из «заскифских» племен к территории Волыни и Полесья, П. Шафарик попытался отыскать соответствия Геродотовым известиям в местных сказаниях и легендах, а также в тамошнем «языке земли». Несмотря на то, что многие Шафариковы фольклорно-топонимические сопоставления (д. Будище = будины, Нурськая земля = Неврида, «ваўкалакі» = невры-оборотни и т. д.) выглядели довольно наивно, подобные им стали традиционными и используются порой даже сейчас. До сего времени дожило также и представление, которое П. Шафарик пытался указанным образом обосновать: о славянстве Геродотовых будинов и особенно невров [384, с. 308]. В качестве древнеславянского племени, обитавшего, к тому же, в бассейне Припяти – в пределах предполагавшейся им прародины славян – рассматривал невров и Л. Нидерле, который в целом разделял научные и идеологические подходы П. Шафарика [223, с. 36]. Более объективной выглядит позиция, которую занимал тогда В. Томашеком – автор, пожалуй, первой монографии, посвященной специально «заскифским» племенам [417]. В ней, например, показана возможность не только славянской интерпретации тех же Геродотовых будинов. На основании качественно таких же, как у П. Шафарика, аргументов, только почерпнутых уже из иных этнографических, фольклорных и лингвистических источников, финно-угорская (пермская) этническая принадлежность этого древнего племени была обоснована В. Томашеком не менее убедительно. Что подтверждается, в частности, и той популярностью, которую она приобрела вскоре также в России, где во многом последователями В. Томашека были такие видные ученые, как Ф. Браун и И. Забелин. Правда, будины- бодины античной эпохи сопоставлялись с предками черемисов – мари, а не коми [111, с. 239]. Еще более смелая гипотеза, о происхождении зырян от древних сирматов-сарматов, была выдвинута Ф. Брауном [44, с. 234]. Публикации объемистых Брауновых «Разысканий» предшествовало также петербургское издание двухтомника Э. Боннеля, в котором по-немецки тщательно были рассмотрены едва ли не все относящиеся к территории Российской империи известия древних писателей. Внимания заслужи-

вает, в частности, оговоренная там локализация неvroв не в Беларуси, а в основном, в Литве, в бассейне Немана и Вилии-Нериса [400, с. 82]. Предположению о летто-литовской – балтской – принадлежности Геродотовых неvroв предстояла еще длительная конкуренция с равноценной гипотезой об их славянстве. Впрочем, на карте, которой был снабжен фундаментальный труд Э. Миннза, посвященный Северному Причерноморью, неvroы снова показаны в славянских землях, в южных частях Волынской и Киевских губерний [407, (карта)].

Изыскания историков во второй половине XIX – начале XX в. получили существенную помощь со стороны их коллег, работавших в других областях знания, прежде всего античников-филологов. Непреходящее значение имело опубликование В.В. Латышевым качественных переводов корпуса античных источников, «Известий древних писателей о Скифии и Кавказе», переизданных повторно в 1940-е гг. Согласно М.В. Скржинской, это издание представляет собой «почти исчерпывающий свод сохранившихся текстов» [320, с. 6]. Перевод Геродотовой «Истории» и комментарии к нему были изданы Ф.Г.Мищенко [72, 73]. Им же было издано также несколько трудов специально о «заскифских» племенах. И, если обоснование локализации Геродотовых аргиппеев, исседонов и аримаспов в глубине Азии сейчас представляет в основном историографический интерес, то его источниковедческий анализ античных известий об античных «вшеедах» научного значения еще не лишился [209, с. 103 – 121; 210, с. 85 – 86]. Явно не утратило своего значения также и этногеографическое исследование П.Н. Кречетова, в котором обосновывалась реконструкция «скифского тетрагона», в соответствии с Геродотом, именно в виде четырехугольника, две стороны которого прикасаются к морю. Ведь некоторые предлагаемые теперь «скифские четырехугольники» выглядят на самом деле как параллелограммы, наклоненные то к западу, то к востоку, что автором «Границ и очертаний Геродотовой Скифии» как раз и критиковалось [156, с. 179 – 190].

Конечно, здесь нельзя обойти вниманием и другие достижения науки «серебряного века», например, в области не только славянской, но также и финно-угорской этнографии и фольклористики. Так,

«Стародавняя жизнь остяков и их богатыри, по былинам и сказаниям» С.К Патканова до сих пор продолжает котироваться как перво-классное исследование. Обратим здесь внимание, в частности, на ту его часть, которая посвящена древнейшим, восходящим еще к скифосакской эпохе элементам традиционной культуры обских утров [231, с. 85 – 116].

А вот тогдашние археологи еще только пытались сказать свое собственное слово о «заскифских» племенах, и зачастую неудачно. Исследовать надлежащим образом древности этих племен еще только предстояло, и белорусские городища скифской эпохи, например, еще в начале текущего столетия квалифицировались как памятники неолита – в качестве убежищ дикаря, куда он «скрывался со своим родом при нападении неприятелей-соседей» [289, с. 81]. Исходя из своего представления о чрезвычайной продолжительности каменного века в нашем «Северо-Западном крае», Е.Р. Романов даже предполагал, что в Геродотово время этот край был населен как раз нецивилизованными «архидикарями андрофагами» [290, с. 24]. Пробуя комментировать и другие античные сюжеты, например, из Псевдо-Орфеевой «Аргонавтики», наш исследователь курганов по существу просто удрежнял свое же представление о водных путях средневековья: «Так, еще в III в. до Р.Х. греки были уверены, что аргонавты ... проплыли домой через обходной путь (Дон, волок, рекою – очевидно, Западной Двиною в море – очевидно, Балтийское, затем в океан и в Средиземное море)» [288, с. 16]. Правда, Е.Р. Романова, как археолога-любителя, извиняет, наверное, то, что и в публикациях профессионалов, причем наших современников, аналогичные механические проекции сведений о средневековых торговых путях на древность все еще встречаются [403, с. 148, рис. 1].

Итак, текущий исследовательский этап характеризовался, с самого своего начала, интенсивным использованием также и археологических источников. Блестящие результаты классической и скифской археологии Северного Причерноморья ко второй четверти нашего столетия были уже в полной мере введены в научный оборот. [13, с. 22; 332, с. 36]. На этом фоне известия античных писателей об

эллинах, скифах и «заскифских варварах», о торговых, дипломатических и военных контактах между ними, о калейдоскопе событий на просторах к северу от Эвксинского Понта звучали совсем по-иному. Следует особо подчеркнуть заслугу М.И. Ростовцева, которым были созданы основы для понимания, как единого процесса, развития здешних греческих полисов и подступавшего к ним «Барбарикума» [292]. И в последнем даже отдаленные, лесные его части постепенно перестали восприниматься как вместилище для массы примитивных городищ одного и того же «дьякова» типа. Результаты довоенного изучения этих древностей железного века были удачно обобщены П.Н. Третьяковым, который также задавался вопросом о сопоставлении отдельных археологических культур с упоминаемыми Геродотом этнонимами [348, с. 55]. Но над многими исследователями довольно долго давил «славянский автохтонизм». Правда, в отличие от предшествующего исследовательского этапа, гипотетические славяне с сарматами («роксоланы» = «русь») или со скифами, как таковыми, уже не отождествлялись: вниманием исследователей в этом смысле завладела противопоставленная степнякам-кочевникам «земледельческая Скифия» в лесостепи. Впрочем, качественно иными археологическими источниками тогда пытались распорядиться примерно так, как П. Шафарик – топонимическими, лишенными, в отличие от археологических, точной временной атрибуции. Но вследствие слабой разработанности хронологии различных древностей, например, высоцкая археологическая культура сопоставлялась с Геродотовыми неврами, а поморская – с изгнавшими их «змеями», хотя впоследствии оказалось, что во времени эти культуры между собой не соприкасались, причем «за одно поколение перед Дариевым походом» первая уже, а вторая еще не существовала [22, 23]. Уровнем изученности определялся и уровень исторических интерпретаций результатов раскопок. Так, руководствуясь Геродотовым замечанием, что ирки-де «живут охотой», с этим, или с соседним, по Геродоту, тоже охотничьим племенем тиссагетов стали упорно отождествлять ананьинскую культуру – собственно, на том основании, что на ее памятниках костные остатки диких животных были найде-

ны в изобилии [321, с. 102]. Из синхронных Геродотовой Скифии археологических культур лесной зоны ананьинская монографически была изучена одной из первых [113]. Впрочем, в 1950 – 70-е гг. произошёл массированный ввод в научный оборот результатов исследования и других, соседних с нею и друг с другом синхронных культур, от усть-полуйской в Приобье до милоградской в Полесье и Поднепровье [199; 206; 351; 356; 376]. Тогда же – и позднее – появилась серия публикаций, специально посвященных проблеме связей носителей этих культур с лесостепным и степным Югом [88, с. 114 – 120; 120, с. 122 – 139; 270, с. 61 – 74; 324, с. 53 – 61, 355, с. 122 – 128]. На юге же памятники древней кочевнической цивилизации были открыты на гигантском пространстве от Балкан и Карпат до Саян [87; 125; 293; 325; 411]. Постепенно стало ясно, что речь должна идти, собственно, о некоем огромном «скифском мире», обнимавшем, не только древнеиранские, но и неродственные им кровно, однако близкие культурно племена [349, с. 8]. Обратим внимание на непосредственное причисление к «культурам скифского типа» также и одной из автохтонных «заскифских» культур северной лесной зоны, ананьинской [380, с. 49]. Предполагалось, кажется, что разделить с нею этот статус вправе также и другие синхронные археологические культуры в лесах по обе стороны от Урала. Притом не обязательно соприкасавшиеся со «скифской» лесостепью: например, ранняя металлургия довольно отдаленной от нее днепро-двинской культуры именовалась «скифо-днепровской» [351, с. 20].

Однако, несмотря на массированное поступление весьма красноречивой информации, исследователи памятников археологических культур раннего железного века лесной зоны подступались к назревшему вопросу идентификации полученных результатов с известиями античных письменных источников весьма робко. Отдельные попытки были явно неудачны: например, проба О.Н. Мельниковской получила однозначно отрицательную оценку рецензента [309, с. 268]. Правда, М. Гимбутас это не смутило: ее реконструкции древнейшего прошлого балтских народов в значительной мере опирались не только на средневековые, но и на античные источники. Ге-

родотовой «Истории», в частности, исследовательницей из США была дана высокая оценка, от обычно скептических мнений ее советских коллег весьма отличавшаяся [401, с. 112]. А в митрополии скифских и «заскифских» древностей историко-археологические корреляции стали негласной прерогативой скифологии. Стало традицией, что каждым из ведущих скифологов публикуется собственный вариант этногеографической карты скифских и соседних нескифских племен [325, карта 4, 1 – 4]. Но ядром каждой такой карты была, естественно, авторская композиция из взаимной локализации скифов «царских», скифов-кочевников, «скифов»-земледельцев, Герроса, и т. д. Нескифским же племенам обычно принадлежала только периферия не только на этих картах, но и в научных интересах их составителей. Характерна локализация андрофагов на одной из таких скифологических карт – без всякой попытки сопоставления с какими-либо археологическими памятниками [342, рис. 115]. Преодолеть недостатки, путем синтеза достижений «лесной» и «степной» археологии попытался Б.А. Рыбаков, но его «Геродотова Скифия» [299] статья руководством по палеоэтногеографии «заскифских» областей тоже явно не смогла – из-за многих допущенных в ней ошибок [344].

Историки, в том числе историки древней географии, также располагают своим реестром как успехов, так и неудач. Последние иногда объясняются, по-видимому, аналогично, тем же незнанием основных достижений в смежных областях. Например, аргиппеи-аримфеи у И.В. Пьянкова ассоциируются с «мирными лесными племенами Сибири» [259, с. 177]. Хотя последние, по свидетельству археологии, этнографии и фольклористики, были как в древности, так и в средневековье вовсе не таковы – достаточно вспомнить про их «крестовое нашествие» в южные земли, про обычай сдирания скальпов у сибирских родичей мажарских завоевателей, про прозвище воинственных самодийцев – «кровавая самоядь», и пр. [154, с. 42; 224, с. 54; 231, с. 88].

Однако, с другой стороны, историками, нашими современниками, из различных видов источников была извлечена новая и важная информация. Имеется в виду, например, серия трудов И.В. Пьян-

кова об аргиппеях, исседонах, массагетах, гиперборейях [259; 260; 261; 262; 263]. Кстати, гиперборейская проблематика, в том числе механизм контаминации, плодотворно исследуется болгарскими учеными [361, с. 78 – 79; 406]. Серийные же контаминации и абберрации, в результате которых, будто бы, достоверно древнекавказские племена иллюзорно превратились в «мифические» «заскифские» представляются, вопреки Л.А. Ельницкому, маловероятными [105; 106; 107].

Также и на наш взгляд, ничем не оправдано «появление бесконечно ошибающегося Геродота», которого, кстати, переводили вновь и вновь [73; 99]. Не можем мы согласиться также и с мнением И.А. Шишовой, констатировавшей, будто бы, «снижение интереса к исторической географии Скифии», причиной чему послужила, якобы, «известная бесперспективность исследований в этой области» [386, с. 15]. Что это вовсе не так, видно уже хотя бы из неуклонного увеличения числа публикаций как о скифских, так и о «заскифских» землях. Действительно, идентификация многих из упоминаемых у древних авторов объектов с географическими и археологическими реалиями дискусионна, как до сих пор оспаривается еще, например, тождество Бельского городища граду Гелону, согласно Б.А. Шрамко [392]. Однако, вопреки скептикам, энтузиасты выражают надежду, что когда-нибудь удастся отыскать даже мемориальный котел скифского царя Арианта ... [5, с. 51].

Ниже мы попытаемся все же приблизить решение серии *вопросов*, обычно как раз и относимых к разряду «бесперспективных»: Какие же именно древности были оставлены неврами и где нужно помещать Невриду? Где локализуются андрофаги, будины, гелоны и город Гелон? Как соотносятся восточноевропейские и кавказские меланхлены? С какой археологической культурой уместнее отождествлять тиссагетов – с городенской или ананьинской? Могут ли быть носители последней тождественны аргиппеям-аримфеям? Что представляли собой загадочные аримаспы, грифы, «козлоногие», «спящие полгода», наконец, гиперборейи? И, наконец, содержится ли в IV-й

книге Геродотовой «Истории» достоверная информация и каковы были, в конечном счете, ее источники?

Таким образом, *объектом* нашего исследования является целая историческая эпоха – между концом седьмого и концом третьего веков до Рождества Христова, эпоха, примерно соответствующая хронологическим рамкам так называемой Классической Скифии в Северном Причерноморье. Главным образом при посредстве северо-причерноморских скифов их эллинские современники узнавали кое-что также и об обитателях лежащих «выше» «заскифских» земель; какая-то часть этой информации была записана древними авторами и дошла до нас в уцелевших письменных источниках. Данная информация о древнем населении северной части лесостепи – южной части лесной полосы Русской равнины, Урала и Западной Сибири и составляет основу *предмета* нашего исследования. Оставленные этим населением археологические памятники хинтерланда (в широком смысле) Великой Скифии уже не могли рассматриваться как древности сугубо «дописьменной» эпохи: они существенно дополнили и расширили предмет нашего исследования. Равно как и следы, оставленные в этнографии, фольклоре, языках соответствующих регионов различными группами «заскифских» «варваров», известными именно нашим античным авторам.

Актуальность избранной темы представлялась вполне очевидной: необходимость полноценного использования, наравне с археологическими, антропологическими, палеоэтнографическими, лингвистическими, также и исторических – письменных – источников в исследованиях древней эпохи внутренних областей Евразии явно и давно назрела.

Итак, нашей *целью* была по возможности наиболее полная реконструкция этногеографической ситуации середины – третьей четверти I тысячелетия до н. э. во внутренней части Евразии по обе стороны Уральского хребта, от западной Волыни до полуострова Ямал, от неуров до гипербореев. Реализация этой цели предусматривало решение следующих *задач*: а) выявление всей суммы положительных данных о каждом из «заскифских» племен и народов, кото-

рая содержится в во всех так или иначе дошедших до наших дней античных письменных источниках; б) выявление тех археологических памятников, которые должны были быть оставлены этими племенами и народами; в) всестороннее сопоставление источников обеих этих групп между собой. Использование при этом, в качестве дополнительных источников, всех пригодных, в каждом конкретном случае, данных из области этнологии, фольклористики, лингвистики, антропологии, а также физической географии, палеоклиматологии, зоологии и др.

Получается, что предметом нашего исследования является совокупность источников весьма разного характера, качества, степени изученности и пр., которые строгой количественной оценке явно не поддаются и к какому-то общему знаменателю никак не сводятся. Но, с другой стороны, практически каждая из составляющих этого конгломерата разнообразных данных может помочь нам представить какую-то подробность бытия «заскифских» современников Аристеев или Геродота, т. е. работает, в конечном счете, на некую обобщающую модель. Поэтому получилось, что методологическая основа настоящего исследования во многом совпала с основными принципами системного анализа, эффективность применения которого, как известно, многократно проверена при решении самых разных исследовательских задач [136]. В частности, мы также попытались вычленивать из массива анализируемой информации главные его элементы, или блоки, и также стремились к выявлению системообразующих взаимных связей между ними. «Пучки» из известий наших древних авторов разделились на «нити», каждая из которых, в конечном счете, вела ко вполне определенному «узелку» = одному из рассматривавшихся древних этносов. Возникла основа для единой информационной «ткани» ...

Условием успеха является, конечно, именно корректное сопоставление античных письменных источников с качественно иными – археологическими, лингвистическими, этнографическими; отказ от тривиального взаимного иллюстрирования данных археологии и письменных источников, преодоление «сопротивления» этих источ-

ников. Геродотовы известия, по своей природе, конечно, субъективные, подтверждаются (или опровергаются) объективными археологическими данными, и из них извлекается все более обширная, исторически достоверная информация [244, с. 40].

На наш взгляд, в каждом конкретном случае следует исходить из сообщений Геродота, как целостной данности. Как и в случае с известиями любого из его коллег, разумеется. Опыт показывает, что путем натяжек и подгонок тех или иных сведений античных авторов можно добиться лишь недолговечной видимости успеха. Примером тому может служить, в частности, ставший уже хрестоматийным казус с «двумя Гиляями» у Геродота, в интерпретации Б.А. Рыбакова [299, с. 46].

Сошлемся еще и на то, что считается, априори, что каждому из упоминаемых в античных письменных источниках этнониму непременно должна соответствовать отдельная археологическая культура. Но достаточно тому примеров, когда этнографическая культура народов одного и того же названия имела разный характер (и наоборот) [326, с. 163, (прим. 43)]. Поэтому нельзя исключить, что какому-нибудь из Геродотовых «народов» эквивалентна общность из нескольких культур. С другой стороны, так же допустимо, что несколько Геродотовых этнонимов могут оказаться в пределах одного археологического ареала. Предлагаемый подход, во всяком случае, мобильнее и позволяет избежать натяжек в «археологическом прочтении» древних текстов.

Наверное, следует, наконец, совсем отказаться и от попыток определения этноса известных из античных источников племен по созвучию их названий с наименованиями средневековых и современных народов. Ведь это уже давно и безнадежно устарело – подобно утверждению Страбона, что кавказские ахеи по происхождению, якобы, эллины – ахейцы из Ясонова войска [336, с. 470 – 471]. Многие античные писатели со свойственной им в той или иной степени мифологичностью сознания были склонны зачастую к подобному объяснению этнонимов «варваров» и эллинов – с тем, чтобы «доказать» единство происхождения тех и других. Но мы, во всяком

случае, уже не верим утверждению Иордана о том, что готы – это бывшие геты [126]. Мы не пытаемся теперь обнаружить связь между восточноафриканскими турканами и гималайскими гурками. Значит, и предположение об этническом тождестве, например, между йирками и тюрками, или утрами, должно быть отвергнуто нами навсегда.

Таким образом, обзор источниковой базы и истории ее исследования позволяет, кажется, предполагать успешное разрешение поставленных выше задач. Отдавая предпочтение достоверным перед легендарными, постараемся в каждом конкретном случае исходить из всего комплекса сообщений античных авторов и в таком виде искать их соответствия в других источниках. Тогда, по-видимому, письменные известия, результаты археологических раскопок, лингвистических, этнографических и других исследований смогут взаимно дополнить друг друга.

ГЛАВА II. ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ КНИГИ IV-Й ГЕРОДОТОВОЙ «ИСТОРИИ»

Итак, следуя избранной линии, мы должны остановиться сначала на таком важнейшем источнике, как Геродотово описание скифо-персидского вооруженного противоборства к северу от Черного моря. Ведь вторжение полчищ Дария Гистаспа считается эпохальным не только для северопричерноморских скифов, но и для многих соседствовавших с ними с севера «заскифских» племен. Например, по мнению М.В. Скржинской, следствием именно персидского нашествия была целая серия миграций последних. «Вероятно, в результате похода Дария произошло сильное изменение в расселении племен Северного Причерноморья, пишет она. Агафирсы двинулись на юг в Трансильванию и оказались крайними с запада Скифии, как отмечено у Геродота, а бывшие соседи невров будины и гелоны, согласно тому же Геродоту, переселились значительно восточнее, за Дон» [319, с. 50]. Чуть позднее Б.А. Рыбаковым подобное предположение было добавлено и применительно к андрофагам. Те «старые андрофаги», с которыми в 512 г. до н. э. конфликтовали скифы, по мнению Б.А. Рыбакова, обитали значительно южнее современных Геродоту: в лесостепи или даже в степи, а не в лесах. «Можно представить себе дело так, пишет Б.А. Рыбаков: во времена Дария какая-то часть лесных племен под влиянием военных событий продвинулась на север, в леса ...» [299, с. 151 – 152]. Получается, что даже лесной «заскифский» Север оказался втянутым в орбиту судьбоносных событий, эпицентр которых находился где-то в степях, которые попытался покорить гордый сын Гистаспа.

Saka – так древние персы называли своих соседей, родственников и заклятых, наследственных врагов. Которым удалось непоправимо повредить престиж первой в мире сверхимперии Ахеме-

нидов. Ведь *saka tigrhauda*, «саки в остроконечных шапках», уничтожили самого «царя царей» Кира. Этих 'saka считают древнеперсидским соответствием такому же собирательному античному этнониму Σκύθαι, «скифы». Скифы, вторгнувшись из-за Кавказа, повергли в ужас Азию. Что, кстати, засвидетельствовано Библией. У пророка Иеремии сказано: «Вот, Я приведу на вас, дом Израилев, народ издадека, говорит Господь, народ сильный, народ древний, которого языка ты не знаешь и не будешь понимать, что он говорит. Колчан его – как открытый гроб; все они – люди храбрые. И съедят они жатву твою и хлеб твой; съедят сыновей твоих и дочерей твоих, съедят овец твоих и волов твоих, съедят виноград твой и смоквы твои; разрушат мечем укрепленные города твои, на которые ты надеешься» [39, с. 741]. Неизвестно, сбылось ли будто бы вошедшее в поговорку пожелание скифов [254, с. 292], но персидскому «царю царей», пошедшему на них войною, кажется, было что оплакивать ...

Скифо-персидской войне посвящена довольно обширная литература. Она отражает мозаичность мнений исследователей, которые всегда были далеки от согласия по поводу хронологии, масштабов, главных целей и пр., данной военной акции Дария Гистаспа. Что, впрочем, вполне объяснимо, ввиду существования принципиальных расхождений насчет того, какое же из древних известий о скифском предприятии Гистаспова сына следует признать за наиболее достоверное. В каких прочих заслуживающих доверия источниках оно находит свое подтверждение? И как объяснить те значительные разночтения в описании данного скифо-персидского конфликта, которые мы встречаем у античных авторов? Различные историографические аспекты интересующей нас темы уже рассмотрены довольно подробно в ряде публикаций. Избегая дублирования, попытаемся сгруппировать основные известные интерпретации.

1. Столбец V знаменитой Бехистунской надписи, представляющий собой собственный отчет Дария I о его походе на саков, и известия античных писателей, прежде всего содержащиеся в книге IV Геродотовой «Истории», информируют нас об одной и той же скифо-персидской войне. Эта версия одного и того же похода, имев-

шая в свое время многих сторонников, считается уже устаревшей [372, с. 7; 416, с. 213].

2. Клинописный текст Бехистуна, с одной стороны, и Геродот, вместе с некоторыми своими античными коллегами с другой, повествуют о двух разновременных Дариевых кампаниях: против центральноазиатских саков и против северопричерноморских сколотов, соответственно. Данная версия была всесторонне обоснована А.Ш. Шахбази [416, с. 190 – 235]. В частности, А.Ш. Шахбази сослался на то, что Полиен, в отличие от Геродота, сообщает не только о восточноевропейском, но и о центральноазиатском походе Дария I. Впрочем, в советской ориенталистике эти два конфликта персов с номадами всегда рассматривались независимо друг от друга [91, с. 186; 337, с. 103].

3. Геродотово изложение обстоятельств похода в Северное Причерноморье с запада на восток, от «шей» Истра – Дуная вплоть до Танаиса (Дона, или, по крайней мере, Северского Донца) и за Танаис признается за вполне достоверное. Подобное, практически буквальное, понимание IV-й книги Геродотовой «Истории» определило особенности версии, опубликованной многолетним официальным лидером советской археологии академиком Б.А. Рыбаковым [299, с. 169 – 183]. Главный тезис данной версии, о продвижении полчищ Дария Гистаспа через всю Скифию из края в край, получил поддержку и в специальной монографии о скифо-персидской войне в Северном Причерноморье [372]. Но ее автору, признанному знатоку военного дела скифов, Е.В. Черненко, пришлось все же отметить уязвимость интерпретации Геродота у Б.А. Рыбакова. В частности, потому, что им были безоговорочно приняты на веру Геродотовы данные о численности армии персов в северопричерноморской кампании: 700 000. По-видимому, доверия этой цифре в глазах Б.А. Рыбакова прибавляло также приводимое им еще более фантастическое определение количество воинов Дария I у Ктесия Книдского – 800 000. Согласно Е.В. Черненко, Б.А. Рыбаков напрасно пренебрег расчетами, произведенными еще Г. Дельбрюком. Г. Дельбрюк исходил из требований современного ему германского полевого устава, согласно

которым тридцатитысячный пехотный корпус мог образовывать на марше походную колонну длиной в 21 км [94, с. 47]. В таком случае семисоттысячное Дариево войско должно было растянуться на ... 490 км. Даже если пренебречь тем, что древние персы, конечно, уступали в дисциплинированности прусским солдатам прошлого века. Если верить в Геродотовы (не говоря уже о Ктесиевых) сведения о численности персидской армады, то получится следующее: авангард Дария уже переправляется через Днепр, а арьергард еще марширует по мосту через Дунай.

Естественно, стремление во всем следовать Геродотовой «Истории» сталкивало Б.А. Рыбакова и с другими свойственными этому произведению несоответствиями. Чтобы их обойти, он, согласно Е.В. Черненко, иногда даже вступает в прямое противоречие с ... Геродотом. Например, по Б.А. Рыбакову получается, что не успели скифы и преследовавшая их персидская кавалерия переправиться через Северский Донец (= Танаис), как тотчас же возвратились на западный его берег [299, с. 173]. Но у Геродота это двойное форсирование Танаиса вовсе не выглядит как некое спортивное мероприятие, не имеющее стратегического смысла. Ведь, согласно «отцу истории», персы не ограничились таким формальным посещением Савроматии, а прошли ее насквозь до противоположного рубежа [99, с. 148 – 149].

4. Геродотов рассказ о скифо-персидском конфликте в Северном Причерноморье вообще не пригоден для сколько-нибудь надежных военно-исторических реконструкций. По этой причине даже рафинированная Е.В. Черненко версия «долгого», через всю северо-причерноморскую степь, похода Дария не устроила С.В. Полина. С.В. Полин характеризует источники Геродотовых известий о грандиозном географическом размахе борьбы местных номадов против грозного персидского царя-завоевателя как фольклорно-эпические, и противопоставляет им известия Страбона, в качестве исторически достоверных в своей основе. Соответственно, и театр военных действий реконструируется в гораздо более скромных географических рамках: от Истра отнюдь не до Танаиса, а лишь до Тираса, т. е. в пределах современной Буджакской Украины [245, с. 50 – 53]. Впрочем,

предпочтительность в данном случае именно Страбоновых известий казалась такой безусловной далеко не всем. В частности, тот же Страбон рассказ, который столь высоко оценивается С.В. Полиным, Б.Н. Граковым был интерпретирован иначе. По Б.Н. Гракову в нем в принципе можно видеть не только описание всей скифо-персидской войны, но и финальный ее эпизод, последнее из многих приключений персидского царя на земле Скифии [83, с. 29]

5. Достоверные фрагменты в Геродотовом повествовании все же имеются. Танаисом, через который, согласно «отцу истории», переправлялось персидское войско, И.В. Куклина считает р. Кубань. По ее мнению, Дарий, или кто-то из его военачальников, пройдя одним из кавказских перевалов, вторгся на территорию скифских кочевий. Северокавказские скифы при этом стали уходить от преследования персов вдоль берега Черного моря в северном направлении, в сторону Кубани. Наступающие даже переправлялись через нее, но кочевникам удалось уклониться от генерального сражения. Несмотря на то, что основные силы скифов, таким образом, уцелели, персидское командование сочло главную задачу данной кампании – устрашение номадов – выполненной. Экспедиционный корпус возвращается за Кавказский хребет, в пределы Ахеменидской империи [164, с. 141].

6. Между Кавказом и Истром, согласно М.И. Ростовцеву, имели место две военные акции Дария. По его мнению, в планы Гистаспова сына входило «пройти двумя армиями побережье Черного моря с востока и с запада и вернуться, в случае успеха этого предприятия, через Кавказ». Однако, как считал М.И. Ростовцев, далеко вглубь Скифии персы не продвинулись, хотя некоторый урон кочевникам, по-видимому, они все же нанесли. Впрочем, исследователем специально подчеркивалось отсутствие в источниках точных сведений по данному вопросу. Известия Геродота и других античных авторов М.И. Ростовцевым охарактеризованы как скудные и фантастические [291, с. 41].

Таковы, в основном, имеющиеся интерпретации и оценки дошедших до нас соответствующих исторических документов. И не случайно выше шла речь лишь о письменных источниках. Ведь ма-

териальные свидетельства пребывания ахеменидской армии к северу от Понта Эвксинского, по существу, отсутствуют, если не считать девять бронзовых наконечников стрел переднеазиатских типов, из погребений VI – начала V вв. до н. э. некрополя Ольвии, золотую рукоять меча из знаменитого скифского кургана Чертомлык. Впрочем, появление в Скифии этой высокохудожественной вещи объясняется и по-другому, вне связи со скифо-персидским конфликтом [9, с. 99]. По-видимому, единичностью находок ахеменидских вещей к северу от Черного моря объясняется крайний скептицизм, в частности, С.В. Полина по отношению к соответствующим Геродотовым известиям. Вообще-то, трудно не согласиться с тем, что, в случае реальности массированного вторжения войск Дария в глубину северопричерноморских степей, там обязательно должны были остаться, например, следы временных персидских лагерей. Но подобные археологические объекты в европейской Скифии пока неизвестны нигде, в том числе и на впадающей в Азовское море речке Корсак. Эту речку Б.А. Рыбаков отождествляет с Геродотовым Оаром. А ведь на реке Оар, согласно Геродоту, Дарий начал возводить «восемь больших стен», или – вариант перевода – «восемь больших крепостей» [99, с. 149], но выстроил их лишь до половины. Замечание «отца истории» относительно незавершенности этого крепостного строительства не учитывается нашими сторонниками «долгого» похода – как, впрочем, и то, что на этот Оар, согласно Геродоту, персы вышли не до, а после их переправы через Танаис [99, с. 148 – 149]. Б.А. Рыбаковым, очевидно, предполагалась уже полная готовность всего комплекса Дариевых крепостей в Приазовье, ведь, по его мнению, он «представлял собою по существу огромный укрепленный район, где укрывалась вся персидская армада (кроме кавалерии)» [296, с. 177]. Идея воображаемого суперукрепрайона на Азовском море не была отвергнута Е.В. Черненко. Он даже предположил, что эти «стены» могли быть сооружены персами на приморских обрывах близ древней гавани Кремны, т. е. «Кручи». Но название гавани – единственное доказательство, да и то не из области археологии, которое смог привести здесь Е.В. Черненко [372, с. 96].

Из этого, конечно, не следует, например, что «восемь недостроенных крепостей» – просто-напросто фантом, фантазия Геродота, стремившегося придать своему рассказу большую достоверность путем упоминания неких вымышленных объектов. Согласно Д.С. Раевскому, в основе Геродотовых известий об этих «крепостях», или об еще более загадочных «стенах» могли лежать сведения об остатках каких-то древних, доскифской эпохи фортификационных сооружений, сохранившихся вплоть до Геродотова времени. Как предполагается Д.С. Раевским, этот топографический объект был ассимилирован скифским фольклором точно также, как и реальный прототип «могилы киммерийских царей» у реки Тирас. Чтобы его рассказ о нашествии Дария звучал убедительнее, Геродот мог воспользоваться уже подобной «переотложенной» информацией [265, с. 218, прим. 18].

Весьма причудливое переплетение легендарных сведений с исторически достоверными признано весьма характерным для Геродотовых рассказов как о Скифии и скифах вообще, так и о соседних с ними племенах. Как мы должны к этому относиться? Выше уже отмечалось, что иногда «отцу истории» отказывают в доверии, собственно, именно потому, что он не пренебрег при написании четвертой книги своей «Истории» также и фольклорно-эпическими источниками. Считается, что это ее обесценивает по сравнению, в частности, со Страбоновой «Географией». Другие же, наоборот, не скупятся на похвалы Геродоту как раз за то, что в его повествовании о борьбе сподвижников царя Иданфирса против Дария Гистаспа сохранена структура скифского фольклорного источника, а само повествование вообще близко к скелотскому оригиналу – «подлинной эпопее», «величественной саге» [265, с. 56].

По нашему мнению, в данном случае вполне допустимы и другие оценки. Можно не хвалить «отца истории» только лишь за добросовестную письменную фиксацию, по-гречески, устной героической саги скифских «варваров». И не упрекать – за то, что он-де не располагал неким подобием официального журнала боевых действий. Ведь уже было замечено, что скифские источники Геродота не

следует истолковывать прямолинейно, просто как фольклорные. Источники эти были явно неоднородны. Среди них особняком стоит, в частности, генеалогический сюжет о первочеловеке Таргитае – родоначальнике скифского царствующего дома. По мнению С.С. Бессоновой, признанного специалиста в области скифской идеологии, миф о Таргитае – отнюдь не результат стихийного народного творчества. С.С. Бессонова усматривает в нем результат профессиональной деятельности скифского жречества. Конечно, трудно не соглашаться с тем, что наследственная власть степных базилевсов нуждалась во всестороннем идеологическом обосновании. Именно с данной целью, по мнению исследовательницы, жрецами и создается священное предание о божественном происхождении основателя династии. Право династии царствовать подтверждалось также победою Таргитаева потомка, Иданфирса, над персидскими полчищами Дария. По мнению С.С. Бессоновой, в представлении скифов эта победа означала завершение предыдущего тысячелетнего цикла, от Таргитая до Иданфирса, и начало «новой» истории Скифии.

Кажется, следует предполагать, что данный сюжет, подобно таргитаевскому, находился в поле зрения скифских жрецов и формировался отнюдь не стихийно. Соответственно, Геродота познакомили уже с оформленной и отредактированной версией событий скифо-персидской войны близ берегов Черного моря. К которой, по-видимому, также приложимо следующее определение: «Это была священная история – руководство к действию и объект почитания, созданная на подвластной скифам земле и передаваемая из поколения в поколение жречеством» [38, с. 12].

Особенности этой «священной истории», по нашему мнению, совсем не противоречат предположению насчет именно жреческого авторства. Конечно, ярко выраженная фольклористичность здесь налицо: она не пропала и в Геродотовом пересказе. Но явствует ли из этого непременно «плебейское» происхождение рассматриваемой скифской версии? Или жрецы-энеэраи, рекрутировавшиеся, согласно Гиппократу, из представителей скифской знати [76, с. 298], сознательно прибегли к определенной стилизации, чтобы их творение

(педназначавшееся, конечно, для передачи в устной форме) было ближе степному простонародью? Попробуем сравнить нашу скифо-«энерайскую» версию с противоположной – персидской.

Благодаря византийцу Фотию, до нас дошел как раз нужный в данном конкретном случае фрагмент многотомной «Истории Персии» Ктесия из Книда. Притом считается, что лейб-медик «царя царей» основывался вовсе не на фольклоре рядовых персов, а, наоборот, на некоем дворцовом ахеменидском предании, которое в царствование Артаксеркса Второго продолжало циркулировать в высшем ахеменидском обществе [299, с. 176]. Получается, что первоисточники сравниваемых версий надо считать довольно однородными – в социальном смысле. Тем не менее, Ктесиев рассказ украшен одним прямо-таки былинным элементом, отсутствующим, кстати, в Геродотовой «саге». Итак, с помощью истинно богатырского средства Дарий Гистасп и Скифарб (=«скифарх»?) окончательно выясняют, кто же из них могущественнее. «Они послали друг другу луки, передает Ктесий. Скифский лук оказался крепче, поэтому Дарий обратился в бегство, перешел через мосты и разрушил их прежде, чем переправилось все (персидское) войско. Оставленные в Европе 80 000 были перебиты Скифарбом» [161, с. 229]. Явно легендарный эпизод «испытания луков» не снизил степени доверия исследователей к другим Ктесиевым сведениям, в частности, о десантной операции персидской военно-морской эскадры, которой командовал каппадокийский сатрап Ариарамн. Почему тогда в целом все Геродотовы известия о борьбе «заморских» скифов с Дарием надо списывать со счетов лишь на том основании, что в их ткань тоже вплетены легендарные сюжеты? К слову, подобные легенды при случае излагались и Страбонам [336, с. 551].

Итак, в нашем понимании четвертая книга Геродотовой «Истории» представляет собой полноценный и важнейший источник, пренебрегать которым, по каким бы то ни было мотивам, просто недопустимо. Другое дело, что из-за сложности, «многослойности» данного источника его интерпретация крайне затруднена. По нашему мнению, наилучший вариант таковой пока еще не предложен. Воз-

можно, приблизиться к нему позволят также некоторые из соображений, которые будут здесь теперь изложены.

Это не открытие, что Геродотово повествование о скифо-персидской войне, в принципе, эклектично. Некоторые его фрагменты имеют очевидную автономность, иногда даже явно диссонируют по смыслу с остальным текстом. К примеру, это § 125, или «агафирский логос», по Б.А. Рыбакову. Действительно, кроме агафирсов, все остальные соседние со Скифией народы, «цари» которых также отказались от союза против Дария, охарактеризованы здесь как весьма несимпатичные трусливые хвастуны: «Меланхлены, андрофаги и невры при вторжении персов вместе со скифами не обратились к силе оружия, забыли свои угрозы и бежали все дальше к северу, в пустыню». И только агафирсы, верные данному слову, мужественно преграждают путь в свою землю как персам, так и скифам. В скифский источник данного Геродотового параграфа, в самом деле, не верится. С какой стати скифские информаторы Геродота вдруг стали бы так превозносить прежнюю отвагу своих наследственных врагов? Другое дело, если предположить, что это сообщение «отца истории» восходит не к скифской традиции, как остальные его известия о войне с Дарием, а к некоей фрако-агафирсской [299, с. 176]. Скифы же, так сказать, Геродотовыми устами говорит об агафирсах совсем другое. Например, царь агафирсов Спаргапиф упоминается у «отца истории» с явным осуждением, как коварный убийца скифского владыки Ариапифа [99, с. 128 – 129].

Итак, «агафирский логос» у Геродота, безусловно, диссонирует с общей темой. Но ведь у него и этот «скифский логос» отнюдь не однороден: в нем можно выделить, по крайней мере, два информационных блока, из которых целое искусственно образовано с помощью специальной «соединительной ткани». Под ней мы подразумеваем Геродотовы сообщения – скороговоркой! – о неоднократных молниеносных «трансскифских» перемещениях обеих противоборствующих армий. Едва мы успели застать их вступившими в первый визуальный контакт где-то в трех днях пути от Истра, как они у нас уже переправились через Танаис. Только Дарий бросил возводить

свои «стены» где-то близ Меотиды, как его армия уже загнала скифов за Тирас, где агафирсы заставили их повернуть в Невриду и потом обратно на восток ... [99, с. 148 – 149].

Недостоверность всех этих гигантских марш-бросков всегда и всем, в том числе сторонникам «долгого» похода, была вполне очевидна. Е.В. Черненко подчеркивал, что описанный Геродотом маршрут по землям таких отдаленных лесных племен, как будины, андрофаги и невры, через которые, якобы, скифы «вели» за собою персов, выглядит абсолютно нереальным при наложении на любую из составленных когда-либо карт Скифии. Поэтому и предполагалось, наверное, что карательные рейды против отказавшихся от противоперсидского союза народов лесной зоны были осуществлены скифами не в ходе их борьбы с Дарием, а уже после стратегической победы над ним [299, с. 96; 372, с. 87]. Сейчас есть основания полагать, что вторжения номадов в земледельческие районы к северу от степной зоны произошли спустя даже несколько десятилетий после завершения скифо-персидской войны и состоялись они вне какой-либо связи с этой войною.

По-видимому, два информационных блока, к рассмотрению которых мы сейчас приступим, обособлены друг от друга не только в пространственном, но и во временном отношении. Но при этом их объединяют содержащиеся в обоих реалистические детали и подробности, которых «соединительная ткань» лишена, кстати, совершенно. Даже тогда, когда речь у Геродота идет о погоне персов за скифами, будто бы, сквозь населенные людоедами и оборотнями дремучие леса где-то «за Скифией», ничего примечательного «отец истории» почему-то не зафиксировал. Зато как в «танаисском», так и «истрийском» сюжетах упоминаются хорошо известные и по множеству других источников специфические приемы степной войны: уход кочевий и отгон стад из района предстоящих боевых действий, засыпание колодцев на пути наступающего врага, чтобы лишить его добычи, провианта и воды [99, с. 148 – 149, 156 – 157]. Геродот сообщает также, каким именно способом коварным кочевникам удавалось затягивать потерявшее смысл пребывание Дариевых войск в суровых

степях, чтобы обманутые персы понесли возможно большие потери от голода: «Скифы ... употребляли следующую хитрость для того, чтобы они как можно дольше оставались в Скифии и при этом мучались, терпя во всем крайнюю нужду: они оставляли часть своих стад вместе с пастухами, а сами переходили в другое место; тогда персы, сделав набег, захватывали стада и при каждом захвате гордились своим подвигом» [99, с. 152 – 153].

Иногда сохранившиеся, благодаря Геродоту, подробности проливают свет на действительную географию военных действий. Например, тот приказ, который получили семьи скифских воинов – уходить вместе со скотом «постоянно на север» – применительно к Придунавью выглядит бессмысленным. Ведь здесь беженцы очень скоро оказались бы на территории открыто враждебных агафирсов, или иных недружественных скифам племен. Если вслед за Б.А. Рыбаковым считать, что от Дуная скифское войско стремительно откатывалось в направлении Дона, то план эвакуации семей и стад куда-либо в лесостепь в любом случае был бы просто алогичен. Ведь семьи скифов быстро очутились бы в тылу и за левым флангом стремительно наступавшего персидского войска, которое отрезало бы их от своих. Другое дело, если предполагать, что эти события разворачивались севернее Кавказского хребта и восточнее Меотиды, а под «Танаисом» понимать в данном случае не Дон, а Кубань. Тогда, например, будет вполне понятно, почему скифы приказали своим семьям уходить именно в северном направлении. Ведь самим им пришлось выступить в противоположном – южном. Навстречу врагам, преодолевшим какой-то из кавказских перевалов. Какой именно, возможно, уточняет сам «отец истории». Ведь Геродот сравнивает транскавказскую «верхнюю» дорогу – очевидно, менее удобную – с другой, по которой «от озера Меотиды до реки Фасиса (всего) тридцать дней пути для хорошего, легко одетого пешехода» [74, с. 251]. Персидское войско, как известно, было преимущественно пешим и, следовательно, в принципе могло осуществить всю скифскую кампанию к северу от большого Кавказа в двухмесячный срок. Те же шестьдесят дней отводились Дарием, якобы, на его грандиозное предприятие в Север-

ном Причерноморье, что, согласно Геродоту, подтверждал даже врученный ионийцам ремень-календарь [99, с. 138 – 139]. Но ведь, ограничивая себя таким образом во времени, царь рисковал оказаться в жестоком цейтноте: «отец истории» много говорит об огромности расстояний, о трудностях похода в Скифию, об опасениях персов найти свой мост «на шее Истра» разрушенным, а путь домой перерезанным ... С другой стороны, шестидесятидневный срок кампании применительно к северокавказскому театру военных действий явно был бы куда более мотивированным. Как и многое другое..

Например, строительство персами восьми больших крепостей на таинственной реке Оар. Как уже отмечалось, по мнению сторонников «долгого» похода, из этих «крепостей» (или «стен») и состоял огромный укрепленный лагерь где-то около гавани Кремны на северном берегу Меотиды. При этом его внешний вид признавался совершенно неясным, ведь огромные – в 60 стадий – незащищенные разрывы между ними по существу делали эти «стены» бесполезными [372, с. 87]. Но много раньше высказывалось иное объяснение характера этих укреплений, которое, напротив, как раз и основано на Геродотовом указании о значительных дистанциях между персидскими укреплениями. Эти «стены» и «крепости», на наш взгляд, вполне удачно сопоставлялись с блокгаузами на старой кавказской дороге [99, с.432]. В XVIII – XIX вв. во время завоевания Кавказа подобные полевые укрепления, разные по мощности и по размерам, возводились русскими войсками постоянно и в большом количестве. Слабым местом российских завоевателей были коммуникации, которые подвергались постоянным атакам летучих конных отрядов татар или черкесов. Можно полагать, что и во время нашествия войск Дария местные жители пользовались той же чрезвычайно выгодной тактикой [99, с. 152 – 154] и персидские транспорты точно также нуждались в укрытиях на своем пути и в поддержке гарнизонов полевых укреплений в случае нападения врага. Видимо, не случайно у Геродота сказано, что расстояние между восьмью Дариевыми крепостями было одинаковым. И что эти блокгаузы отделяло друг от друга примерно 60 стадий, т. е. около 11 км. Конечно, наилучшим для персид-

ского конвоя было оказаться застигнутым скифской кавалерией на полпути между двумя из этих полевых укреплений, т. е. на расстоянии пяти с половиной км от каждого из них. Но такая удаленность в степной открытой местности еще позволяла атакованным оставаться в зоне видимости стражи обоих крепостей. И гарнизоны были в состоянии своевременно подать конвоям необходимую помощь, поскольку дистанцию в 5,5 км верховая лошадь нормальной резвости способна покрыть примерно в четверть часа.

Общая длина этой военной дороги, регулярное сообщение по которой как раз и призваны были обеспечить «восемь больших крепостей», должна была составить около 500 стадий, т. е. примерно 100 км. На каком этапе военных действий против скифов к северу от Кавказского хребта такая стратегическая дорога стала для персов необходимой? Согласно Геродоту, в начале войны отряды скифов и их союзников постоянно отступали, с целью завлечь персов как можно дальше вглубь страны [99, с. 148 – 149]. Вряд ли они, имея такой план, стали бы покушаться на коммуникации персов раньше, чем те максимально углубились в предварительно опустошенную степь, и истратили имеющиеся у них запасы продовольствия и фуража. Значит, строительство нашей «царской дороги» должно было начаться на втором этапе боевых действий, когда персы уже стали нуждаться в пополнении своих ресурсов. И когда стратегическая инициатива перешла к скифам. Они перестали отступать и заманивать, и начали применять тактику внезапных ударов, в том числе ночных, используя преимущества своей кавалерии по сравнению с персидской [99, с. 150 – 151]. 100-километровая дорога должна была начинаться где-то в кубанской или ставропольской степи и пролегать в направлении границы империи Ахеменидов, проходившей, как известно, по Кавказскому хребту. Точнее, в направлении одного из западнокавказских перевалов – Белореченского, Марухского, Клухорского, Донгуз-Орун-баши, Мамисонского.

По Геродоту, Дарий принялся сооружать свои крепости на Оаре, надо полагать, вдоль течения этой загадочной реки. Назвать современное имя которой, по понятным причинам, затруднительно.

Впрочем, главным, по Геродоту, признаком гипотетического Оара – впадением в Меотиду – обладает не только облюбованная Б.А. Рыбаковым речка Корсак близ г. Бердянска. В принципе, речь может идти и о любой из многочисленных рек, бегущих с кавказского склона и тоже впадающих (посредством Кубани) в Азовское море. Так, некоторые Геродотовым Оаром считали саму Кубань, тогда как другими она отождествляется с Танаисом [164, с. 140]. В конце концов, не столь важно, в какой из многочисленных рек Северного Кавказа надо видеть Геродотов Оар, а в какой – Танаис: в Кубани, Белой, Лабе, Зеленчуке или Таберде. Форсирование любой из них персидской армией, недавно перевалившей через Кавказ, выглядит куда вероятнее, чем переход Дария, после дунайской переправы и трансскифского марша, через Северский Донец или сам Дон.

Конечно, можно выдвинуть аргументы против кавказской локализации всех этих событий. Ведь, согласно Геродоту, на своем пути к Оару Дарий прошел землю савроматов и будинов и даже попал в необитаемую пустыню между последними и тиссагетами. У будинов персы обнаружили «деревянное укрепление, покинутое будинами и совершенно ими очищенное, и сожгли его» [99, с. 148 – 149]. В этом «деревянном укреплении» принято видеть великий город Гелон [415, с. 125]. Пожар Гелона будто бы получил даже археологическое подтверждение – в виде угольно-золистых прослоек на грандиозном Бельском городище [214, с. 144]. Но даже такой горячий сторонник «долгого», вплоть до Бельского городища, персидского похода, как Б.А. Рыбаков, не смог объяснить следующее: «Если персы сожгли Гелон, то не совсем понятно, почему Геродот не упомянул об этом в своем подробном описании города, его крепостных стен и храмов» [299, с. 180]. Добавим, непонятно также, почему тогда и жертва персидского поджога у «отца истории» именуется просто «деревянной крепостью»? Как он мог «забыть», что это – сам славный Гелон, если припомнил даже о поголовном бегстве из крепости населявших ее будинов? И почему совсем не упомянул среди беженцев-горожан «титульное» племя, гелонов? Остается признать, что Геродотов город Гелон и деревянная крепость, сожженная персами – независимые

друг от друга объекты. Тогда нет и смысла «обязывать» Дария Персидского непременно посетить берега р. Ворсклы в Полтавской области Украины, где расположено Бельское городище. Еще меньше есть оснований «направлять» нашего царя царей, ради формального соответствия Геродотовым известиям, куда-то на верхний Дон – к истокам Танаиса, вытекающего от тиссагетов. Или еще дальше, до мест расположенных «к северу от р. Камы», поскольку там одно время локализовали Геродотовых будинов [35, с. 130 – 131]. Надо ли говорить, что каких-либо значительных интересов в районе современных гг. Полтавы, Харькова, Воронежа Ахеменидская держава попросту не могла иметь. Вряд ли древние персы даже слышали что-либо определенное об обитателях столь отдаленных северных земель.

По-видимому, имеются кое-какие аргументы против локализации рассматриваемого театра военных действий где-то далеко к северу от Меотиды. В частности, та «пустыня», которую, согласно Геродоту, пришлось пересечь персидскому войску, может быть обнаружена также и за Танаисом, тождественным Кубани. Ведь и Страбон близ восточного побережья Меотийского озера помещает какую-то пустыню. Согласно Географу, через нее протекал изливающийся с Кавказа поток Мермонд, на берегах которого обитали амазонки [336, с. 478]. Родоначальницы скифских союзников, амазонки-«савроматиды», там же между Кавказом и Меотидою локализируются и многими другими древними авторами, например, Стацием [330, с. 337]. А в несохранившейся Гелланиковой «Аттиде» содержались сведения о переправе амазонок через Боспор Киммерийский [320, с. 47]. Считается также, что под меотами у самого Геродота могут подразумеваться скифы Прикавказья вместе с союзными им по совместной борьбе против Дариевых войск племенами [184, с. 15]. Действительно, нескифские племена антиперсидской коалиции, по-видимому, невозможно оторвать от Меотиды и Приазовья. Иначе придется, по примеру Е.В. Черненко, упрекать «отца истории» в явном противоречии самому себе. Это и в самом деле выглядит нелогично: сперва Геродот сообщил о принятом на большом скифском

совете решении наказывать отказавшиеся помочь против Дария племена посредством заманивания к ним персидских полчищ. И вслед за этим – о том, что скифы повели за собой персов к будинам [99, с. 148 – 149]. Это мнимое противоречие у Геродота сразу исчезает, если в соратниках скифов видеть северокавказские – меотские ? – племена. Установлено, что ранние меоты проживали на Кубани и в Приазовье чересполосно со скифами, что здесь сложился своеобразный скифо-меотский симбиоз. Насколько можно судить по результатам раскопок, раннемеотские городища каменными стенами, видимо, не располагали [333, с. 230]. А не была ли одним из этих городищ и та покинутая деревянная крепость, на которую «натолкнулись» и которую сожгли персы? О возможной прикубанской локализации Кариска, а также флейрофагов-будинов речь у нас еще впереди. Сейчас отметим, что скифы, которые, согласно Геродоту, стали заманивать персов в свою землю, неизбежно приводили врагов также и к жилищам своих соседей. Ведь им, в таком случае, не оставалось ничего другого, как отстаивать общую родину вместе со скифами. Последним, кстати, меоты, согласно Страбону, не уступали в воинственности [336, с. 427].

Итак, скифы, прямые потомки разорителей Азии – воинов грозных царей Ишпакая, Прототия и Мадия, за несколько поколений перед Дариевым походом прочно обосновались в среднем течении Кубани и на Ставропольском плато. Считается, что просторы Северного Кавказа для возвратившихся из азиатских походов скифов были такой же «собственной», по Геродоту, страной, как и северопричерноморские степи [99, с. 98 – 99]. Действительно, ведь по количеству скифских памятников VII – V вв. до н. э. Прикавказье не уступает Северному Причерноморью, а по их богатству даже превосходит его [125, с. 71]. Итак, в непосредственной близости от персидских владений в Закавказье, у ворот Азии утвердилась мощная кочевая орда. Видимо, у Дария Гистаспа имелись основания для опасений, что при несчастном для персов стечении обстоятельств Кавказ вновь может стать «скифской дорогой» для полчищ мстителей Киаксаровым наследникам. Ведь, согласно Геродотову рассказу о причинах умопо-

мешательства царя Клеомена, скифами вынашивался план совместного со спартанцами сходящегося удара по Персии, причем «в Мидию вдоль реки Фасиса» удобнее прочих было вторгнуться, очевидно, именно прикавказским племенам [99, с. 160 – 161]. По мнению А. Фола, сделанное Клеомену предложение могло исходить «только из среды представителей племен Прикавказья» [361, с. 161]. Если согласиться с М.В. Скржинской, то получится, что тогдашнее посольство было отправлено по следам более раннего. Ведь ею предполагается именно разведовательный и военно-дипломатический, а не гуманитарно-образовательный характер миссии царевича Анахарсиса, в 90-е гг. VI в. до н. э. посетившего ту же Спарту, а также и независимую еще Лидию, т. е. возможных союзников скифов против персидской державы [320, с. 65]. Таким образом, превентивная война на северокавказском театре, была, безусловно, оправданным и целесообразным мероприятием Дария. Правда, ее результаты явно не оправдали ожидания. Они только надолго закрепили status quo по обе стороны главного Кавказского хребта. Об этом можно судить, в частности, и по такому Геродотову добавлению к описанию современного ему состояния пограничных сатрапий державы Ахеменидов: «... до этого хребта простирается владычество персов, а страны к северу от Кавказа и не думают о персах» [74, с. 257].

Владычество персов простиралось некоторое время также и до Истра. Покорение Дарием Гистаспом Македонии и Фракии превратило их в S - k - t - r - - 'Skudra, персидское владение в Европе [233, с. 82 – 96]. Но, утвердившись здесь, персы неизбежно заодно приобретали и общую для всех без исключения обладателей восточными Балканами проблему. Во всей остроте ее поставили скифы-кочевники, в 496 г. до н.э. дошедшие до Херсонеса Фракийского [99, с. 160 – 161]. Впрочем, македонянам, римлянам, византийцам и османам тоже отнюдь не всегда удавалось обеспечивать надежную защиту границы своих империй на Дунае, на которую то и дело посягали различные «варвары» с левого его берега. И многократно проверенным, наиболее эффективным способом им противостоять всегда было перенесение войны на вражескую территорию.

Захват же некоторой ее части создавал на левобережье Дуная отнюдь не лишнее «предмостное укрепление». Здесь, конечно, можно привести в пример не только акции Зопириона и Лисимаха, римскую оккупацию Тиры и Ольвии.

Геополитическая «матрица» нижнего Придунавья неизбежно должна была предопределить также и действия Дария Гистаспа после достижения основных целей его кампании во Фракии. На наш взгляд, Б.А. Рыбаков совершенно правомерно говорит именно о «фракийско-скифском», а не о «скифском» походе Дария Гистаспа [299, с. 169].

«Скифский» этап этого предприятия, наверное, не мог иметь самостоятельного значения, а призван был лишь завершить и закрепить достигнутое к югу от Истра ликвидацией потенциальной угрозы с севера и северо-востока от него. Смысл этой задунайской акции персов, по-видимому, вполне точно был понят М.А. Дандамаевым: «Теперь Дарий решил совершить поход против причерноморских скифов, стремясь предотвратить расширение их влияния в сторону Фракии» [92, с. 109]. Интересно, между прочим, отметить изменение взгляда названного автора по данному вопросу. Ранее им разделялись представления о якобы грандиозных Дариевых замыслах, наподобие: «... пройти огнем и мечем по наиболее глубоким тылам Скифии и выйти в Среднюю Азию с северо-запада, навсегда сокрушив мощь своих грозных врагов и завершив консолидацию северной границы империи» [346, с. 105 – 107]. Ни что иное, как модификацию этого приписываемого Дарию Гистаспу фантастического «плана» представляет, по нашему мнению, также предположение о том, что персидский поход в Северное Причерноморье был обусловлен желанием царя-завоевателя во что бы то ни стало настичь бежавшие сюда племена, которые ему не удалось покорить во время вторжения в Центральную Азию [163, с. 95]. Конечно, «персидским Бонапартом» Дарий Гистасп был назван, видимо, не без оснований [57, с. 92]. Тем более не стоит, кажется, приписывать такому опытному полководцу столь фантастический план. Впрочем, подобное запрещают сами источники, в том числе и Геродотова «История». Ведь, согласно Геро-

доту, «царь царей» воспользовался советом лесбийца Коя и приказал ионийским тиранам в течение двух месяцев – до его возвращения – оберегать для него плавучий мост, наведенный «на шею Истра». Чтобы, при любом исходе военной операции в Скифии, иметь возможность переправить персидскую армию во Фракию [99, с. 138 – 139]. Очевидно, нет никаких оснований полагать, что Дарий планировал, собственно, целый «анабасис»: из Фракии дойти до центральноазиатских саков и там – на пороге подвластных ему Хорезма и Согдианы – почему-то повернуть вспять к Дунаю и ионийцам на мосту ... В назначенные ионийцам шестьдесят дней такой путь туда и обратно никак не проделаешь. Кстати, согласно М.В. Скржинской, использовать это число 60 для каких бы то ни было расчетов вообще невозможно – из-за его фольклористичности. Сам рассказ о пресловутом «календарном» ремне с шестьюдесятью узлами, якобы собственноручно завязанными Дарием Гистаспом, охарактеризован ею в качестве «выразительного сплава» персидской и ионийской фольклорных традиций [320, с. 105]. Согласно Бехистунским письмам, сака *tigrahauda* были покорены в результате экспедиции Дария в Центральную Азию. После нее эти саки фигурируют как союзники царя, включенные им в элиту персидской армии [416, с. 222]. Так что нападение персов из Фракии на их кочевья около Аральского моря вообще вряд могло иметь какие-либо мотивы.

Поэтому вернемся снова в северо-западное Причерноморье, пределами которого, очевидно, и ограничивались события, о которых повествует Геродот в соответствующей части своего труда. В самом деле, на пороге Буджакской степи в конце VI в. до н. э., наверное, вполне было уместно следующее предостережение Дарию: «...ты предпринимая поход в такую страну, где не увидишь ни вспаханного поля, ни населенного города ...» [99, с. 138 – 139]. Эта приведенная Геродотом цитата, якобы, из речи митиленского военачальника, между прочим, вполне согласуется со Страбовыми известиями о засушливой «гетской», или, иначе, «скифской пустыне», невозделанной и незаселенной – «ровной и безлюдной» [336, с. 279 – 280]. Такие природные особенности степной полосы северо-

западного Причерноморья, по-видимому, и определили основное условие успеха всей задунайской операции Дария: своевременное обнаружение зловредных номадов. А отнюдь не массивность вторжения – переправлять через Дунай семьсот или даже восемьсот тысяч воинов, собственно, вовсе не требовалось. По свидетельству капитана Бугенвиля, преимущества испанцев в численности и вооружении сводились на нет мобильностью посреди пампы в Ла-Плате конных *indios bravos*. «Они грабят, убивают и уводят в рабство, писал Бугенвиль. От этого зла нет спасения; каким образом можно покорить бродячее племя в огромной дикой стране, где его трудно даже отыскать?» [56, с. 88]. Согласно Геродоту, один из Дариевых военачальников беспокоился по сходной причине: «... я не того боюсь, что мы потерпим поражение от скифов в открытом бою, а скорее того, что потерпим какие-то невзгоды в блужданиях, не будучи в состоянии их найти» [99, с. 138 – 139]. По-видимому, надо еще учесть, что значительная глубина операции за Дунаем, равно как и чрезмерная численность армии вторжения, только добавили бы Дарию ненужных проблем. Видимо, здесь придется как раз кстати «процитированное» Геродотом Крезово обращение к еще более несчастному царю Киру: «В случае победы ты не одолеешь их настолько, чтобы, пришедши в землю массагетов, победоносно следовать за обращенными в бегство врагами» [99, с. 88 – 89]. Надо полагать, что также и собственный его опыт центральноазиатской кампании против саков не позволял Дарию, очертя голову, углубляться во враждебную причерноморскую степь.

То, что то его экспедиция ограничивалась примерно, рамками Буджака, следует не только из Страбоновых, но также и из Геродотовых известий. На наш взгляд, попытки опровергнуть, по данному вопросу, «отца истории» с помощью «отца географии» необоснованны. Ведь при более тщательном рассмотрении соответствующих Геродотовых известий становится ясно, что им здесь имелась в виду территория, примерно соответствующая Страбоновой «гетской пустыне». В самом деле, из всех известных ему нескифских народностей северо-западного Причерноморья в связи с событиями скифо-

персидской войны фигурируют только одни агафирсы. Геродотом однозначно оставлены в стороне от Дариева нашествия как ольвиополиты на днепро-бугском лимане, так и ближайшие их соседи-варвары, каллипиды и ализоны в нижнем течении Южного Буга [99, с. 106 – 107]. По-видимому, из этого следует лишь одно: южнобугской степи персидское вторжение просто не достигло, а охватило более западные засушливые степные территории между Дунаем и Днестром. То есть, «гетскую пустыню».

Итак, несмотря на их лаконичность, Геродотовы известия позволяют составить общее представление о целях «персидского Бонапарта» в северо-западном Причерноморье и о применявшихся им средствах достижения этих целей. Интерес представляют, конечно, и сообщения «отца истории» о скифской стратегии и тактике. Скифы, согласно Геродоту, в течение всего этого конфликта активно сочетали свои военные усилия с дипломатическими. Правда, сторожившие мост ионийские тираны ограничились полумерой, предпочтя деспотию Перса эллинской свободе. Но их уступка вражеским парламентарам все же причинила Дарию «сильное беспокойство» в самом финале его задунайского предприятия [99, с. 156 – 157].

А накануне открытия боевых действий Дариевы противники, согласно Геродоту, прилагали максимум усилий, чтобы сколотить возможно более широкую антиперсидскую коалицию. Оборонительные союзы против наступавшего из-за Дуная врага, союзы во главе со скифами, или при их активном участии, формировались в северо-западном Причерноморье неоднократно. Например, Лисимаху противостояла скифо-фракийская коалиция. Так что сами по себе Геродотовы известия об усилиях скифской дипломатии накануне форсирования персами Дуная, в частности, его сообщение об организации ими переговоров с «царями» соседних народов, сомнений в достоверности, конечно, не вызывают. Сомнителен только слишком широкий состав участников межплеменного совета: Тавр, Агафирс, Невр, Андрофаг, Меланхлен, Гелон, Будин, Савромат [99, с. 140 – 141]. Предстоящее вторжение персов в днестро-дунайскую область могло представлять потенциальную опасность, разумеется, не для невров,

андрофагов или меланхленов, а лишь для агафирсов. И только агафирсы были соседями как для скифов, так и для гетов. А именно к сопредельному как с ними самими, так и с гетами к югу от Дуная народу как раз и был адресован главный довод скифов в пользу создания антиперсидского блока. Вот как, согласно Геродоту, звучал этот последний аргумент за союз против персидского царя: «С тех пор, как он вступил на наш материк, он покоряет всех попадающихся ему на пути, и вот уже подчинил себе как остальных жителей Фракии, так и наших соседей гетов» [99, с. 146 – 147]. В гетских несчастьях гелонам и будинам затруднительно было усмотреть опасный для них прецедент. Вряд ли жалкая участь фракийцев беспокоила тавров более, чем порабощение персами колхов... Остаются агафирсы. Их отказ от совместных со скифами действий был мотивирован, согласно Геродоту, ссылкой на волю божества. Но в другом случае у него говорится о такой их к скифам вражде впоследствии, что жертвою ее сделался даже один из скифских базилиевсов. Не менее правдоподобно выглядит также и пресеченная агафирсами попытка скифов «заманить» персидские полчища к этим своим соседям-врагам. Для этого от скифов требовалось двигаться не параллельно морскому берегу, углубляясь, таким образом, в свои собственные степи, а «убегать», отклоняясь несколько к северу. Тогда и армия преследователей должна была очутиться в лесостепной Молдове, на территории которой принято размещать Геродотовых агафирсов [221, с. 152].

В «истрийском» блоке имеются еще кое-какие сведения, которые, видимо, следует признать достоверными. Таков, например, Геродотов рассказ о том, каким именно образом жестокосердному царю Дарию удалось избежать опасности быть лишенным возможности вернуться из Скифии обратно за Дунай. Согласно Геродоту, «царь царей» использовал хорошо известный обманный прием с оставлением бивуаков, где огни были не погашены [99, с. 154 – 155]. Наконец, нет ничего невероятного также и в том, что в походном придворном штате великого Перса мог состоять какой-то человек с выдающимися вокальными данными – некий «муж египтянин», док-

ричавшийся, согласно Геродоту, до ионийцев на фракийском берегу Дуная [99, с. 156 – 157].

Но, вместе с тем, в данной части повествования о великой войне скифов с персами имеются также известия, которые трудно или даже невозможно как-то объяснить. Если здесь мы целиком доверимся «отцу истории», то, в частности, будем вынуждены веков на пять удревнить первое появление на Дунае единоплеменников роксоланов, атаковавших римскую Мёзию при Плавтии Сильване. Имеются в виду савроматы, согласно Геродоту, достигшие Истра в составе кавалерийского корпуса Скопасиса [99, с. 154 – 155]. Его собственный вопрос, почему у Геродота в Придунавье действуют обитатели Приазовья, скифы «царские» и савроматы, был оставлен Е.В. Черненко без ответа [372, с. 52]. Совершенно иная интерпретация того же Геродотова пассажа была предложена С.И. Андрух [12, с. 53]. Она уместно ссылается на сообщение «отца истории» о том, что на подступах к мосту через Истр скифское войско опередило пехоту Дария не только из-за того, что было конным, но и потому, что скифские всадники прекрасно ориентировались в придунайской степи [99, с.154 – 155]. Очевидно, что это Геродотово известие скорее надо относить кномадам северо-западного Причерноморья, чем к пришельцам из Таврики или из-за Меотиды. Последние навряд ли были осведомлены в топографии Буджакских степей лучше, чем едва не заблудившиеся в них персы.

Внесение данной коррективы представляется принципиально важным для понимания действительного хода рассматриваемых исторических событий, поскольку приходится предполагать, что в Придунавье персам на самом деле противостояли совсем не «царские», а какие-то другие скифы. Какие? И почему принадлежащую им славу в наших источниках приписываются базилидам с союзниками?

Возможно, что настоящие победители Геродоту все-таки были известны. Тех скифов, которые, согласно одному из его сообщений, отправились во Фракию мстить персам за их вторжение в Северное Причерноморье, «отец истории» именует не «басилидами», а просто

«номадами». «Дело в том, пишет Геродот в шестой книге своей «Истории», что раздраженные царем Дарием скифы-кочевники собрались в поход и дошли до этого (Фракийского) Херсонеса» [99, с. 114 – 115]. В отличие от «Мельпомены», основанной, как уже отмечалось, на «пробасилидской» версии «священной» войны, над «Галией» подобная тенденция очевидно не давила. Не потому ли в ней в качестве мстителей во Фракии, а, следовательно, и победителей в Буджаке, фигурируют вовсе не «царские»?

Среди базилиевсов, принадлежавших к династии «царских» скифов, царь Ариант, как известно, Геродотом не упоминается. Иногда Арианта считали даже мифической фигурой, наподобие Колокся или Пала и Напа. С другой стороны, невозможность какого-либо уточнения хронологии пересказанной «отцом истории» легенды об этом царе позволяла предлагать Арианта для заполнения династических лакун [82, с. 102]. Впрочем, географический аспект легенды выглядит вполне определенно: это «местность, называемая Эскампей» между реками Гипанис и Борисфен [99, с. 132 – 133]. Согласно С.А. Жебелеву, «отец истории» во время своего визита в Ольвию совершил сюда экскурсию и лично обозревал медный (бронзовый?) сосуд, отлитый, якобы, из наконечников стрел по приказанию царя Арианта [109, с. 317]. Местность Эскампей и одноименный ей источник горькой воды находились, согласно Геродоту, на границе земель ализонов и скифов-пахарей [99, с. 118 – 119]. Варианты их уточненной локализации довольно разнообразны, но для нас сейчас важно, собственно, только следующее: орда скифских лучников под предводительством их царя Арианта обитала, безусловно, где-то на правом берегу Днепра и, также безусловно, где-то в лесостепи.

За истекшее десятилетие произошел очевидный поворот во взглядах исследователей на лесостепь эпохи архаики. Ее уже невозможно и далее рассматривать только в качестве перефирии скифской архаической степи Северного Причерноморья. Хотя бы потому, что в одном только Киево-Черкасском регионе к настоящему времени известно уже свыше сотни курганов с захоронениями согласно кочевническому погребальному ритуалу эпохи архаики [317, с. 88]. Против

двух десятков таких же курганов, также относящихся к VII – VI вв. до н. э., во всем степном Причерноморье [218, с. 12]. Черноморская степь, тогда практически пустынная, традиционно считается окраинной провинцией скифского Прикавказья, в архаическую эпоху многолюдного и процветающего. И по отношению к современной ей скифской лесостепи на роль метрополии северочерноморская степная зона в VII – VI вв. до н. э. также вряд ли была в состоянии претендовать. Как и на прикаспийских равнинах, глобальные циклические изменения климата привели здесь тогда к жестокому аридному кризису, усугубленному устойчивыми холодами. Образовавшаяся зона «холодных степей» с крайне неблагоприятными условиями для жизни и хозяйствования была в VIII – VII вв. до н. э. практически безлюдной. И только к середине VI в. до н. э., вследствие значительного потепления и роста увлажненности, она начинает заселяться вновь. Лесостепь же к изменениям климата была менее чувствительной [221, с. 64 – 65]. По-видимому, по этой причине лесостепные ландшафты кочевников-иранцев как раз и привлекали.

Правда, сама возможность их вселения в лесостепь оспаривалась в принципе. При этом А.М. Хазановым, собственно, ставился знак равенства между выходом номадов за пределы степной зоны и их отказом от кочевания, с переходом к оседлости, земледельческим занятиям и пр. А достаточные причины, которые вынудили бы их начать этот долгий и мучительный процесс, в VII – VI вв. до н. э. у скифских кочевников, по мнению А.М. Хазанова, отсутствовали [363, с. 223]. Однако известен и другой подход, в частности, со ссылками, на исторические примеры гуннов и тюркских болгар, которые длительное время продолжали кочевать на захваченных ими земледельческих территориях, соответственно, Паннонии и Фракии [239, с. 50]. Видимо, здесь будет уместно в качестве иллюстрации сослаться еще и на сообщение «Хроники Фредегара» о том, как другие кочевники раннего средневековья, «гунны», то есть авары VII в. н. э., регулярно использовали обжитые земледельческие территории. «Каждый год, сказано там, гунны приходили к славянам, чтобы провести у них зиму; они брали тогда из славян жен и детей и пользовались

ими, и, к довершению остальных насилий, славяне должны были платить гуннам дань» [180, с. 53].

Впрочем, здесь можно сослаться на факты не только из средневековой истории. В I – начале II вв. н. э. произошло вселение сарматских аланов в глубинные районы донской лесостепи. Местное оседлое население попадает от них в зависимость, что выразилось, согласно А.П. Медведеву, в присутствии сарматов на ряде воронежских городищ. А.П. Медведевым предполагается, что на Среднем Дону эти сарматы больше не нуждались в длительных перекочевках. Продуктивность зеленой массы в лесостепи превышает данный показатель степной зоны в два-три раза, использовать обильные травостои здесь возможно круглый год, при условии некоторой коррекции видового состава стада. В стадах среднедонских кочевников начала нашей эры преобладала лошадь – животное, способное тебеневать, то есть добывать корм из-под снега. Притом не только для себя, но и для остального стада: у всех кочевников существовали правила последовательного выпаса в зимний период, когда после прогона лошадей корма на пастбищах становились доступными также и для других видов скота [28, с. 244 – 245]. Локализация в лесостепном Подонье Птоломеевых «сарматов-гиппофагов», предлагаемая А.П. Медведевым, выглядит вполне убедительно [196, с. 180].

Примерно в то же время и, по-видимому, на тех же условиях кочевые сарматы внедряются также и в глубину лесостепного Днепро-Донецкого Правобережья. Это сарматское вторжение на рубеже эр сопровождалось массовым уничтожением городищ зарубинецкой культуры по правому берегу среднего Днепра. Оседлое зарубинецкое население после сарматского завоевания, видимо, сильно поредело, но правобережную днепровскую лесостепь окончательно все же не покинуло. Согласно П.Н. Третьякову, оно должно было устраивать свои поселения уже не на высоких речных террасах, под защитой валов и рвов, а, будучи подчиненным сарматам, на невысоких местах и без каких-либо защитных сооружений [350, с. 47]. Сами же завоеватели, согласно киевскому сарматологу А.В. Симоненко, расположили свои кочевья между реками Стugna и Тясмин. В I в. н. э., по его

данным, здесь обосновалось какое-то сарматское племя, или даже целый союз племен [315, с. 52].

Надо полагать, что мигрировать в ту же самую лесостепь днепровского Правобережья раннескифских предшественников этих сарматов побуждало, вероятно, ухудшение экологической обстановки в степной зоне Причерноморья. Которую, конечно, кочевьям нужно было пересечь от края и до края, но в истории известны случаи не менее протяженных миграций номадов в поисках лучших пастбищ, водопоев, удобных зимников. В частности, на берега Сырдарьи и Аральского моря раннесредневековые предки башкир («народ баджгард» арабских источников) прибыли с верховьев Иртыша и с Алтая. Потом из присырдарьинской степи эти баджгард прикочевали в лесостепное Приуралье [162, с. 133]. По-видимому, в Среднем Поднепровье какая-то из скифских орд середины VII в. до н. э. также «обретает родину». По сведениям С.А. Скорого, в Киево-Черкасском лесостепном регионе насчитывается 106 курганных захоронений эпохи архаики, совершенных согласно скифскому кочевническому ритуалу, в погребальный инвентарь которых иногда входили вещи кавказского и даже переднеазиатского происхождения. К специфически кочевническим признакам этих курганов С.А. Скорый относит, в частности, надмогильные шатровые конструкции, которые воплощали идею переносного жилища древнего номада, жилища типа шатра или чума. На среднем Днепре эти шатровые сооружения местных прототипов лишены, зато аналогичные конструкции, а также некоторые другие, например, кольцевые подкурганые валы, представлены в больших Кубанских курганах кочевой знати. Неотъемлемыми элементами той же всаднической культуры эпохи архаики как на Северном Кавказе, так и в Среднем Поднепровье были, в сущности, одни и те же типы оружия и конского снаряжения. Укажем здесь, в частности, на тождественные келермесским парадные ножны меча-акинака из знаменитого Мельгуновского кургана, который и хронологически, и территориально тяготеет к рассмотренному С.А. Скорым массиву погребальных памятников лесостепи. В результате детального анализа обеих находок Е.В. Черненко пришел к выводу, что и келермес-

ские, и мельгуновские ножны были изготовлены по одному и тому же образцу в одной и той же мастерской, которая располагалась, по видимому, при царской ставке скифов в Передней Азии [371, с. 12]. Наиболее ранние из кочевнических курганов днепровского лесостепного Правобережья относятся к середине VII в. до н. э. (№ 2 и 524 около с. Жаботин, № 3, 15 и 375 около Константиновки, и др.), но самым замечательным из них является, безусловно, курган Перепятиха, расположенный в северной части лесостепного Правобережья. По своей величине, сложности устройства, а также по размерам погребальной камеры Перепятиха превосходит все остальные курганы Северного Причерноморья не только периода архаики, но вообще всей скифской эпохи. С.А. Скорый предложил сравнивать его с Аржаном или Большими Кубанскими курганами. Им подчеркивается также, что присутствие в инвентаре Перепятихи вещей кавказского и переднеазиатского происхождения «недвусмысленно говорит о том, что похороненный в кургане вождь мог быть одним из участников скифских переднеазиатских походов». Представляется, что предположение даже о царском статусе погребенного в кургане Перепятихе лица не будет вовсе невероятным уже из-за грандиозности этого кургана. Курган Перепятиха предложено датировать концом VII в. до н.э. – примерно так же, как и относимый к концу VII – рубежу VII – VI вв. до н.э. Мельгуновский [317, с. 75 – 92]. А Мельгуновский курган даже фигурирует в списке вероятных мест погребения самого Мадия, по А.Ю. Алексееву [8, с. 46]. Не была ли Перепятиха следним приютом легендарного Арианта? Который, как это следует, собственно, из самого Геродотова текста, повелевал также и скими-пахарями. В Перепятихе главное скифское трупоположение провождают выполненные по обряду трупосожжения захоронения едственников зависимого от кочевых пришельцев автохтонного селения – «скифов-пахарей», согласно С.А. Скорому. Местное мшдельческое население, генетически связанное с чернолесской льтурой предскифской эпохи, и ираноязычные кочевые пришельцы, скорей всего, были этнически совершенно чужды друг другу. По видимому, в Киево-Черкасском регионе эпохи архаики сложная эт-

ническая структура во многом была параллельной организации словесно-социальной.

Киево-Черкасский регион в эпоху архаики представлял собою только одну из составляющих обширного скифского мира. Предполагается, что на западе он имел продолжение в Подолии, в виде соответствующих раннескифских погребений Западноподольской локальной группы скифской культуры. На востоке, в лесостепном Левобережье, располагается скифский курганный массив Посулья. Оставившие их кочевники, по-видимому, сохранили контакт со своими соплеменниками на Северном Кавказе. Считается, что именно отсюда в скифскую лесостепь направлялся поток переселенцев. Как полагают С.С. Бессонова и С.А. Скорый, различные группы скифских погребений в лесостепной зоне были оставлены разновременными волнами кочевых мигрантов. С первой такой волною исследователи связывают тясминские курганы середины VII в. до н.э. Следующая миграционная волна, которая оставила в Левобережье старшую группу скифских курганов Посулья, а в Правобережье – Мельгуновский курган, Перепятиху и около трети от общего числа открытых там кочевнических погребений эпохи архаики, была датирована ими концом VII – рубежом VII – VI вв. до н. э. [318, с. 178 – 181]. Тогда в качестве следующей, третьей «волны» скифских переселенцев следует рассматривать направленную не в лесостепь, а уже непосредственно в саму степь. Положительные изменения в экологии северопричерноморских степей, состоявшиеся в VI в до н. э., сделали их пригодными для ведения кочевого хозяйства. Скифские кочевники, как допускается, в середине VI в. до н. э. двинулись сюда целой массой из Прикавказья по двум маршрутам, из которых один огибал с севера Азовское море, а другой, с переправой через Керченский пролив, крымскими степями и Перекопским перешейком выводил их на просторы Нижнего Поднепровья [229, с. 20]. С подобной трактовкой данной миграции, кстати, вполне согласуется и известный тезис о том, что ко времени нашествия Дария I «обширные пространства Северного Причерноморья были уже прочно освоены скифскими племенами, объединенными под властью скифов-царских» [219, с. 53]. Однако,

существует и другая точка зрения, согласно которой описанная Геродотом ситуация расселения степных скифских племен во главе с «царскими» соответствует времени не ранее середины V в. до н. э. и поэтому на конец предыдущего столетия механически проецироваться никак не может [245, с. 52]. Данные археологии заставляют предполагать, что вплоть до конца первой четверти V в. до н.э. степное Северное Причерноморье «было местом пребывания немногочисленной группы кочевников или здесь находились летние пастбища» [58, с. 37]. Весьма сомнительно, конечно, чтобы на ежегодные летовки в Северное Причерноморье приходили скифы из Прикубанья и Северного Кавказа. Гораздо более вероятно, что на лето в сторону моря откочевывали со своими стадами обитатели лесостепи. Разбросанные на огромных степных пространствах отдельные скифские памятники не дали еще, пожалуй, ни одной находки, которая препятствовала бы такому предположению.

Предположение о массовом вторжении в Северное Причерноморье около рубежа VI – V вв. до н. э. новой, следовательно, четвертой «волны» скифских кочевников из глубины евразийских степей и, возможно, с Северного Кавказа стало одним из оснований гипотезы А.Ю. Алексеева. Им подчеркивается приблизительность идущего, наверное, еще с античных времен представления об органически единой Великой Скифии VII – IV/III вв. до н. э. По мнению А.Ю. Алексеева, в историческом плане культура северопричерноморских кочевников распадается на две практически дискретные группы, представленные памятниками VII – VI и V – IV вв. до н.э., соответствующих Архаической и Классической Скифиям [8, с. 27]. По-видимому, с массивированным вторжением основателей Классической Скифии как раз и следует связывать те негативные изменения, которые археологически отчетливо фиксируются в материалах Северного Причерноморья во второй – третьей четверти V в. до н. э. Это время характеризуется Ю.Г. Виноградовым и К.К. Марченко как «период дестабилизации, усиления агрессивности скифов, войн и междоусобных столкновений». Его негативные последствия, по мнению обоих исследователей, проявились в том числе в резкой реду-

ции хоры античных полисов вследствие натиска на них степняков. Но прежде всего – в пожарах на многих городищах лесостепи. Раньше разгром этих земледельческих центров было принято связывать с последствиями Дариева похода в Северное Причерноморье, но ведь «Археологические материалы отчетливо фиксируют негативные изменения минимум через сорок лет (!) после победы над Дарием» [59, с. 36]. В частности, на городищах и поселениях бассейна р. Тясмин из-за вторжений кочевников жизнь замирает, согласно В.А. Ильинской и А.И. Тереножкину, только где-то около середины V в. до н. э. [125, с. 226]. Согласно А.Ю. Алексею, удары по центрам лесостепной оседлости были нанесены новопришлыми кочевниками [8, с. 27]. Действительно, их предшественникам из первой – третьей «волны» скифских переселенцев в Северное Причерноморье разорять лесостепь не было ни малейшей нужды, ни смысла. В лесостепи, где располагались их собственные кочевья, эти первопоселенцы, по видимому, пользовались всеми выгодами господства над своими оседлыми данниками, уничтожение которых лишало кочевников существенной, если не основной, части доходов.

Наоборот, для их коллег из последней «волны», обосновавшихся в степи, контроль над лесостепью был необходим по вполне понятным причинам, как экономическим, так и политическим. Наверное, политика этих новых пришельцев в отношении автохтонного населения днепровского лесостепного Правобережья соответствовала Страбону определению кочевнической политики в отношении земледельцев вообще: «Номады, говорит Страбон, занимаются больше войной, чем разбоем, и войны ведут из-за дани: предоставив землю во владение желающим заниматься земледелием, они довольствуются получением установленной умеренной дани, не для наживы, а для удовлетворения ежедневных умеренных потребностей; в случае же неуплаты денег данниками они начинают с ними войну...» [336, с. 284 – 285]. Разгром степняками центров оседлости на р. Тясмин в V в. до н. э. вполне согласуется с наблюдениями «отца географии». Считается, что экспансии степняков противостояло коренное земледельческое население лесостепи, прежде всего, его военно-

аристократическая прослойка. В.Ю. Мурзин возражает против ограничения событий, описанных Геродотом в его знаменитом рассказе о покорении вытесненными из Азии скифами потомков ослепленных рабов с помощью плетей [99, с. 98 – 101], рамками одного Крыма, или только Керченского полуострова. «Имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы, по мнению В.Ю. Мурзина, определенно свидетельствуют, что эти действия протекали в районах, примыкавших к территории Днепровского лесостепного Правобережья» [219, с. 64]. С такой интерпретацией Геродотовых известий, на наш взгляд, можно согласиться, но при условии, что в «потомках рабов» следует видеть не оседлое автохтонное, а скифское кочевое население лесостепи. Наследники соратников погребенного в Перепятихе вождя вступили в борьбу с прибывшими в соседнюю степь сородичами и конкурентами, но потерпели поражение и были вынуждены уступить этим «царским» господство и доходы. Их судьба вряд ли была завидной. Этим скифам-кочевникам вряд ли нашлось место в заново сложившейся в лесостепи системе господства и подчинения. Сомнительно, что им было позволено по-прежнему там оставаться, ведь это явно противоречило военным и экономическим интересам победителей. Когда монголо-татары завоевали Русь, они принудили прежних союзников киевских князей, «черных клобуков», покинуть издавна обжитую ими южную часть днепровской правобережной лесостепи и переселиться в степь, чтобы там обслуживать завоевателей в качестве пастухов их табунов и стад [332, с. 231]. Не случайно «царские» степняки, «самые лучшие и многочисленные», согласно Геродоту, считали всех прочих скифов, в том числе кочевников, своими рабами [99, с. 106 – 107].

Итак, скорее всего не до, а много позднее Дариева похода в северо-западное Причерноморье «царские» основатели Классической Скифии покоряют своих предшественников, которые, таким образом, были лишены чести как «рабы» этих новых господ, а заодно, по видимому, и своей былой славы. Славы победителей персов в Придунавье, которую выходцы с Северного Кавказа присоединили к своей собственной. Как уже отмечалось, Геродота, скорее всего, ознако-

мили с уже препарированной синкретической версией победоносной войны скифов-«царских» и их союзников против Дария. Версией, в которой подвигам предков современных ему скифов-«рабов» места, естественно, не нашлось

А между тем, в сущности, не имеется никаких других претендентов на роль противников Дария в северо-западном Причерноморье, кроме подкочевывавших к побережью скифов, чья постоянная база находилась в правобережной лесостепи. Ведь в степи, как отмечалось, в частности, С.В. Полиным, реальный противник персов попросту отсутствовал. Но для конной скифской орды вряд ли представляло проблему расстояние, которое отделяет правобережную лесостепь даже от Днестро-Дунайского междуречья, где около с. Огородное было открыто впускное кочевническое погребение VI в. до н. э. [12, с. 57]. Войско великого князя Святослава, состоявшее, как известно, в основном из пехоты, тем не менее, вело весьма продолжительные и крупномасштабные операции на Дунае и за Дунаем, надолго отрываясь от своей Русской земли в той же лесостепи вокруг г. Киева. Киевское правительство и купечество имело в северо-западном Причерноморье непосредственные торговые интересы, которые многократно и отстаивались силою древнерусского оружия. Аналогичными интересами, сосредоточенными в том же районе, обладали и обитатели лесостепи архаичеккой эпохи. Точнее, интерес тогда был взаимным, ведь считается, что для эллинских колоний на северном берегу Понта в VII – VI вв. до н. э. основным торговым партнером из числа местных «варваров» было как раз население лесостепного Днепровского Правобережья. Туда от Березани и Ольвии вел удобный водный путь по Южному Бугу с Синюхой и Ингулом, по Днепру с его правыми притоками Ингульцем, Тясмином и Росью. Важными пунктами этой торговли выступают такие выдающиеся лесостепные городища раннескифской эпохи, как Немировское, Пастерское, Жаботинское [13, с. 178 – 179]. Согласно В.Ю. Мурзину, в архаический период значительные группы лесостепного населения свободно пересекали степную полосу, отделявшую первые греческие поселения от земледельческих центров Среднего Поднепровья, пока,

как он полагает, в конце VI в. до н. э. не разразился конфликт между этой хлебопашеской Лесостепью и кочевой Степью. В подтверждение этого тезиса В.Ю. Мурзин ссылается, главным образом, на наличие в керамических сериях, полученных при раскопках на о. Березань, в Ольвии и на поселениях ольвийской хоры, небольшого, но устойчивого процента лепной керамики правобережных лесостепных типов (по К.К. Марченко) [219, с. 64]. Однако, здесь уместно сделать ряд уточнений. Во-первых, как уже отмечалось выше, конфликт со степняками-кочевниками, выразившийся, согласно Ю.В. Виноградову и К.К. Марченко, также и в упадке земледельческой хоры северопонтийских полисов, приурочен ими не к концу шестого, а ко второй – третьей четвертям пятого столетия до н. э. Во-вторых, по исследованиям К.К. Марченко, в составе лепной «варварской» керамики из ранних, до начала V в. до н. э., слоев на поселениях березанской и ольвийской округи наравне с лесостепной посудой скифов-пахарей присутствует также и степная, кочевническая группа сосудов [187]. Следовательно, говоря о проникновении в VII – VI вв. до н. э. каких-то выходцев из среды автохтонного земледельческого населения лесостепного Правобережья в греческие центры на морском побережье в архаический период, надо не забывать, что этому сопутствовало также и появление там номадов. Присутствие номадов в приморских центрах хлебной торговли со скифами-пахарями заставляет усомниться в том, что эта торговля была им неподконтрольна на всех ее этапах. В.Ю. Мурзиным роль скифов-кочевников в коммерческих контактах земледельцев правобережной лесостепи с северопричерноморскими греческими городами уподоблена роли печенегов в русско-византийской торговле. Но, по нашему мнению, роль эта была куда более существенной, чем простой контроль над торговыми дорогами через степь. Ведь печенеги, в отличие от скифских номадов, никогда не властвовали непосредственно над основными районами производства зерна в Правобережье.

Возражая В.Ю. Мурзину, отметим, что, по нашему мнению, покорение кочевников, хозяйничавших, будто бы, только на сухопутном отрезке долгого пути поступления товарного зерна из производя-

щей его северопричерноморской лесостепи к потребителям в Элладу, никак не могло являться стратегической задачей рейда Дария Гистаспа через Дунай. Выше мы уже останавливались на том, что вряд ли персам вообще было по силам осуществить такое покорение. Бескрайние просторы степи и лесостепи делали кочевников практически недосягаемыми для врага. Далее, хорошо известно, что в степи, до прочного ее освоения и заселения оседлыми земледельцами, разгром одной кочевой орды обычно только расчищает путь для следующей, часто еще более могущественной и опасной. Так, разгром в 1035 году печенегов великим киевским князем Ярославом Мудрым обеспечил, в сущности, появление в западной части Великой евразийской степи ответвления кипчаков – половцев, или команов. Которые, как известно, причинили Киевской Руси гораздо больше неприятностей, чем все другие кочевники домонгольской эпохи, вместе взятые. Стратегическая задача персидского экспедиционного корпуса, перешедшего через Дунай, напоминала скорее те цели, которые ставил перед византийской армией император Иоанн Цимисхий: оборона Фракии от «скифов», которых привел туда их архонт Святослав...

Наконец, осталась еще пара сюжетов, также имеющих, видимо, отношение к рассматриваемой теме. Искусственная версия скифо-персидской войны была не единственным способом идеологического освоения пространств между Исторм и Танаисом скифами «царским», а также правящей у них династией. Это выясняется, в частности, если помимо Геродота обратиться также к Диодору. Диодорова версия начальной скифской истории считается независимой от изложенной «отцом истории» и даже равноценной ей. В данном случае ценность Диодоровой версии видится еще и в том, что она, наверное, в отличие от изложенной у Геродота, не испытала редактирования в интересах скифов «царских».

Царская ставка в эпоху Классической Скифии находилась неподалеку от Ольвии. То есть и неподалеку от той самой пещеры, в которой Геракл, согласно одному из вариантов генеалогии базилидов, нашел зоантропоморфную прародительницу скифов и их царей. Змея Эхидна, согласно Геродоту, обитала в Гилее – на противопо-

ложном ольвийскому берегу Днепро-Бугского лимана [99, с. 102 – 103]. По Диодору же, эта Эхидна была рождена землею между Кавказом и Меотидой. Откуда скифы во главе со своими царями, потомками Зевса и Эхидны, и «подчинили себе обширную страну за рекой Танаисом до Фракии», то есть все Северное Причерноморье [95, с. 250]. Предполагается, что позднее скифы соответственно перенесли локализацию своего божества-прародительницы по мере продвижения на запад [363, с. 42]. Далеко к западу – к «торжищу борисфенитов» – оказался отодвинутым сам срединный пункт «исконной», или «старой» Скифии [99, с. 106 – 107, 140 – 141]. Согласно О.Н. Трубачеву, новая «родина» Эхидны – это Геродотова «лесная страна» Гилея. Как считают некоторые исследователи, современная Геродоту царствующая династия, скорее всего, не была связана кровным родством с предшествующей ей Иданфирсовой. Генеалогическая лакуна между ними признается вполне вероятной [8, с. 30]. С другой стороны, очевидно, что современный Геродоту скифский царствующий дом располагал хорошо разработанной версией о своем благородном и древнем происхождении, возводившимся, вероятно, не только к победителю персов, Иданфирсу, но и к покорителям Азии, Протогию и Мадью [99, с. 82 – 83, 130 – 131]. Поэтому и топонимическая связь новой «старой» Скифии в северо-западном Причерноморье с Прикавказьем не выглядит как что-то изолированное [352, с. 39 – 63; 353, 29 – 45], ведь обе эти области в официальной скифской идеологии связывались еще и генеалогически. Объединение в единой «Истории» разновременных эпизодов противостояния Дарию Гистаспу не выглядит выходящим вон из этого идеологического ряда ...

Итак, по нашему мнению, четвертая книга Геродотовой «Истории» – важнейший и полноценный источник. В его основе лежат достоверные, восходящие к собственно скифской традиции, сведения. Поэтому в изложении «отца истории» и действия соседних племен в период персидских военных акций преподносятся с позиции скифов-«царских».

ГЛАВА III.

НЕСКИФСКИЕ И СКИФИЗИРОВАННЫЕ ПЛЕМЕНА. НЕВРЫ, «СКИФЫ-ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ»

Согласно Геродоту, путешествующие от гавани борисфенитов, покидая Скифию, попадали сперва в землю невров. Итак, приступая к непосредственному рассмотрению имеющихся известий о северных и северо-восточных «заскифских» племенах, мы будем придерживаться Геродотова их перечня. Обратим внимание, что, если сопоставить соответствующие античные и современные научные труды, то, пожалуй, можно будет сказать, что невры и Неврида уже второе тысячелетие продолжают пользоваться популярностью. При этом они представляют собой своего рода ребус, разные варианты разгадки которого предлагало не одно поколение исследователей. Основное затруднение состояло здесь, видимо, в следующем. Пока археология раннего железного века не достигла соответствующего качественного уровня, исследователи явно не располагали достаточно надежными данными, пригодными для сопоставления с известиями античных писателей о неврах и Невриде. Ощутимую неполноту источниковедческой базы первоначально пытались компенсировать путем массивного использования фольклорно-этнографических и лингвистическо-топографических данных. Начало тому положил еще П. Шафарик. Определяя место локализации Геродотовой Невриды, выдающийся славист ориентировался, прежде всего, на концентрацию названий наподобие Нарев, Нарва, Нурка и т. п. в бассейне Западного Буга – т. е., в пределах Нурской земли средневековых хроник. «Дело очевидное, – утверждал П. Шафарик. Что Геродот называл Νευρίς, то славяне называли и называют Нурской землей». По мнению исследователя, там же в Западном Побужье, а также и в соседнем Полесье, веками сохранялся знаменитый Геродотов сюжет о ежегодных превращениях невров в волков. Таким образом, у П. Ша-

фарика выходило, что локализация «неврских» гидро/топонимов совпадала с местонахождением «первобытного источника всех наших сказаний о волколаках» [385, с. 322 – 327]. Несмотря на то, что данный вывод стал очень популярен [223, с. 130; 387, с. 6 – 7], его опровержение тоже не заставило себя ждать. Так, А.К. Погодин указал на широкое распространение и вне пределов летописной «Нурской земли» как названий, производных от основы 'нар-, 'нер-, так и преданий о волках-оборотнях [242, с. 346 – 348]. Позднее основательный разбор топонимическо-фольклорных средств топографизации Геродотовых невров был осуществлен С.М. Быковским. Названия наподобие «Нуров», «Нарев», которые будто бы заставляли связывать невров исключительно с Западным Побужьем, были отмечены им также в Поволжье, Западной Сибири, на Кавказе, в Южном Прикаспии. Имея в виду предположение о славянской принадлежности корней типа *pag-*, *puġ-*, С.М. Быковским было приведено хантыйское *poġ* – «мыс», албанское *peġi* – «человек», персидское *puġ* – «свет», и т. д. Получилось, что народы, принадлежащие к самым разным языковым группам, имеют такие же, как и славяне, лингвистические «основания» претендовать на связь с неврами. Предания о волках-оборотнях, согласно С.М. Быковскому, были распространены на просторах Евразии едва ли не так же широко, как и названия на «нар», «нур». Например, он ссылаясь на то, что, кроме отмеченных П. Шафариком в относительном соседстве с Нурской землей славянолутичей, «волками» считались также древние обитатели Гиркании – «страны волков» на юго-восточном побережье Каспийского моря [49, с. 840 – 842]. Таким образом, бесперспективность топографизации невров по фольклорно-топонимическим данным была подробно обоснована еще в 30-е гг. Однако, попытки отыскать их следы в географической номенклатуре или в фольклоре тех или иных регионов наблюдались и позднее, но ни одна из них сколько-нибудь удовлетворительных результатов, кажется, не принесла [199, с. 175 – 176; 301, с. 152; 357, с. 6]. По-видимому, дело здесь не только в чрезвычайной распространенности соответствующих названий и сюжетов: кстати, припомним еще римскую провинцию Норик на среднем Ду-

нае, племя нервиев на севере древней Галлии, департамент, реку и город Невер в современной Франции [337, с. 70 – 71]. Отметим также, что, аналогично Геродотовым неврам, на несколько (десять) дней превращались в волков герои норвежской «Саги о Волсунгах» [304, с. 114 – 115]. Дело, собственно, в том, что подобные сюжеты и названия не имеют сколько-нибудь определенной хронологической атрибуции. К тому же, например, такой, казалось бы, «неврский» гидроним, как Невда, успешнее связывается не с древностью, а со средневековьем. Разумеется, после невраов должны были остаться археологические памятники, то есть хронологически атрибутированные доказательства их существования, и пригодные, вследствие этого, для корреляции с соответствующими сведениями античных письменных источников. К археологии здесь первым обратился, по-видимому, С.М. Быковский. И его заслуга не уменьшается от того, что тогдашняя попытка отождествления с культурой потомков Геродотовых невраов Людинского могильника в настоящее время представляет сугобо историографический интерес [49, с. 851].

На сравнение Геродотовых известий с археологическими данными в основном опирался тот вариант локализации невраов, который был разработан М.И. Артамоновым. Невры, современники Дария и Геродота, отождествлялись им с носителями высоцкой культуры Прикарпатя и западной Волыни. Невры «за одно поколение перед Дариевым походом» – с носителями лужицкой культуры в Западном Побужье, в летописной Нурской земле. Вслед за П. Шафариком, М.И. Артамонов считал Геродотово упоминание о «змеях» аллегорией, символом неких враждебных пришельцев – по его мнению, носителей поморской культуры, экспансия которых в юго-восточном направлении хорошо известна [22, с. 73 (карта), 76 – 78]. Версия М.И. Артамонова считалась вполне устраивающей довольно долгое время. В несколько модифицированном виде эта версия воспроизводилась и в 70-е гг. [147, с. 30, 37]. Но со временем существенные недостатки в археологическом ее обосновании становились все очевиднее. Оказалась далеко неточной датировка высоцкой культуры – VIII—I вв. до н. э, по Т. Сулимирскому, которой воспользовался М.И. Артамонов.

В.И. Канивцом была разработана и обоснована, в пределах X – VI вв. до н. э., новая хронология висоцких древностей [134, с. 94 – 96]. Она позволила В.А. Ильинской убедительно отвергнуть саму возможность сопоставления висоцкого населения и невра Геродота [159, с. 122]. Что она была целиком права, подтвердили дальнейшие исследования. Оказалось, что, судя по закрытым комплексам висоцкой культуры, ее верхняя хронологическая граница относится ко времени не позднее VII в. до н.э. [405, с. 369 – 380]. Таким образом, эта культура прекратила свое существование в любом случае до событий с участием невра, произошедших, согласно Геродоту, «за одно поколение перед Дариевым походом». С другой стороны, финал висоцкой культуры еще более отдален во времени от начала экспансии поморской культуры. Действительно, в бывшем висоцком ареале и даже возле тех же самых населенных пунктов (например, Звенигород и Жуличи на Львовщине) известны и поморские памятники, но только с конца IV, или даже с III в. до н. э. [158, с. 276; 225, с. 194 – 205]. Очевидно, что принадлежать «змеям», изгнавшим, по легенде, Геродотовых невра, они тоже никак не могли.

Таким образом, сделанная М.И. Артамоновым попытка «расшифровки» Геродотовых известий о неврах с помощью археологических данных оказалась, к сожалению, вполне неудачной. Но именно ею, наверное, и была подготовлена почва для отождествления невра с другой археологической культурой, памятники которой имеются также и в Западной Волыни, именно, с милоградской. В отличие от висоцкой, милоградская хронология обнимает и пятый, и шестой века до н. э. – и Геродотовы, и Дариевы времена, и время бегства невра от «змей».

Локализацию невра и Невриды исследовательница милоградской культуры О.Н. Мельниковская попыталась обосновать, исходя из собственного представления о хронологическом соотношении локальных вариантов древностей этой культуры. Наиболее ранние милоградские памятники, по ее мнению, сосредоточены в западной Волыни. За ними по возрасту у О.Н. Мельниковской следуют восточноволыньские. Городища и могильники к северу от Припяти

были отнесены исследовательницей к заключительной фазе милоградской культуры – начиная с конца VI в. до н. э. Эти городища, по мнению О.Н. Мельниковской, возникли на территории южной Беларуси одновременно и в массовом порядке, занимая буквально каждый удобный мыс. Исследовательницей специально подчеркивалось отсутствие здесь каких-либо местных корней у их основателей. О.Н. Мельниковская объясняла это тем, что в нынешнюю Беларусь милоградская культура была принесена в готовом виде переселенцами с юго-запада. Этих переселенцев из западной Волыни исследовательница и предложила считать Геродотовыми неврами, а с их страной Невридой – связывать весь милоградский ареал целиком. Кроме археологических, О.Н. Мельниковская пыталась подкрепить свою гипотезу также лингвистическими данными. В частности, в качестве аргумента в пользу гипотетической миграции милоградского населения на север и северо-восток из-за Припяти она попробовала использовать факт наличия по обоим берегам этой реки «зеркальной» славянской гидронимии. Но ведь, во-первых, именно славянская этническая принадлежность «милоградцев» весьма и весьма проблематична [271, с. 24]. Во-вторых, присутствие среди этих «зеркальных» гидронимов производных, например, от этнонима «дулеб» показывает невозможность их отнесения ко времени ранее середины I тысячелетия н. э. [309, с. 34 – 35, 142 – 143]. Следы неврам середины I тысячелетия до н. э. О.Н. Мельниковская попыталась усмотреть также и в неславянской гидронимии. Так, продолжая, в сущности, идущую еще от П. Шафарика традицию, она обратилась к знаменитой «Нурской земле» по Западному Бугу, где представлены названия с аппеллятивами pag/pug. Эти названия предположительно, тоже связывались исследовательницей с возможной инфильтрацией сюда милоградского населения [199, с. 50]. Действительно, последующими археологическими исследованиями было зафиксировано продвижение отдельных групп милоградского населения далеко на запад, вплоть до р. Нарев [402, с. 110 – 115]. Но адекватны ли этим данным те «неврские» особенности местной топонимики, на которые упорно пытались обратить внимание последователи П. Шафарика? В.В. Седовым, напри-

мер, отмечалась концентрация подобных гидронимов, также и в За-немонской Литве. По численности они не уступают тем «неврским», по О.Н. Мельниковской, названиям, которые она только и смогла указать в пределах милоградского ареала и вблизи от него. Два очага концентрации созвучных им гидронимов, в Подляшье и в литовском Занемонье, сейчас сопоставляются специалистами, конечно, не с неврами. Ведь эти названия, хорошо объясняющиеся из языка летописных ятвягов, концентрируются на территории сосредоточения могильников этой западнобалтской народности средневековья [307, с. 39].

Таким образом, вряд ли можно считать удачной попытку иллюстрировать лингвистически отождествление с Невридой и неврами милоградской культуры, как таковой. Посмотрим теперь, насколько надежно археологическое обоснование такого отождествления.

Точка зрения О.Н. Мельниковской сразу приобрела как противников, так и не менее решительных сторонников. В.В. Седовым утверждалось, что основанием для рассматриваемой гипотезы послужило Геродотово упоминание о бегстве неvroв от змей, а вовсе не археологические данные [308, с. 268]. Наоборот, по мнению М.В. Скржинской и Б.А. Рыбакова, гипотеза О.Н. Мельниковской этим данным как раз наиболее полно соответствует [299, с. 147 – 148; 316, с. 50] Нам пришлось в свое время детально анализировать хронологию милоградской культуры, а также процесс трансформации ее ареала [275, с. 8 – 10]. При этом со всей очевидностью выяснилось, что археологическая аргументация гипотезы О.Н. Мельниковской результатами дальнейших исследований в том же направлении, была, собственно, разрушена. Ведь, после проведения там соответствующих изысканий, ни о каких корнях милоградской культуры именно в западной части Волыни не приходится и говорить. Выяснилось, что западную Волынь, по VII до н. э. включительно, занимало население с культурой могильянского типа, совершенно и безусловно чуждое милоградскому. Более поздние памятники западноволынского локального варианта милоградской культуры концентрируются в окре-

стностях г. Ровно. По мнению изучавшей оставленные могиланским населением памятники Л.И. Крушельницкой, оно было вытеснено отсюда пришельцами, то есть, как раз, носителями милоградской культуры [157, с. 20 – 22]. Получилось, что, вопреки О.Н. Мельниковской, следует говорить не о распространении милоградской культуры из Западной Волыни, а, наоборот, о привнесении ее туда извне. Далее, постепенно стало ясно, что на роль генетической предшественницы этой культуры раннего железного века в состоянии претендовать только лебедовская, существовавшая в предшествующую эпоху поздней бронзы. Не достигая, кстати, западной Волыни, ареал лебедовской культуры охватывал также и южную часть Беларуси. Лебедовские памятники известны теперь и севернее Припяти [36, с. 210; 160, с. 32]. Поэтому, в общем, неудивительно, что продолжателями исследований О.Н. Мельниковской на некоторых южнобелорусских городищах милоградской культуры были найдены датируемые вещи старше конца VI в. до н. э. Так, бронзовые зеркала с Лисковского городища дагируются, по раннетагарским аналогам, VII или VII – началом VI в. до н. э.; бронзовые наконечники стрел с городища Ясенец-1 – VII – VI или даже VIII – VII вв. до н. э. [112, с. 72 – 77; 170, с. 43 – 44; 275, с. 8 – 10]. Получается, что локализация неуров и Невриды, согласно О.Н. Мельниковской, лишена также и археологических оснований.

Впрочем, вопреки мнению Б.А. Рыбакова, далеко небезупречна она и в смысле соответствия известиям Геродота. Ведь место обитания современных ему неуров «отец истории» указал достаточно ясно для того, чтобы не связывать их с какой бы то ни было частью Поднепровья. Кстати, сам Геродот посчитал за необходимое особо подчеркнуть это обстоятельство последней фразой соответствующего параграфа своей «Истории». «От гавани борисфенитов, пишет Геродот, ... первыми живут каллипиды, которые являются эллиноскифами; над ними другое племя, которое называется алазоны ... Над алазонами живут скифы-пахари, которые сеют хлеб не для собственного потребления, а для продажи. Выше этих живут неуровы, а над неурами – земля, обращенная к северному ветру, на всем протяжении

безлюдная. Это племена, которые обитают вдоль реки Гипаниса, к западу от Борисфена» [99, с. 106 – 107]. Действительное местонахождение Невриды, по Геродоту, западнее Днепра, видимо, следует также и из того, что для определения южного рубежа этой страны у него служит исток Днестра – античного Тираса. «Тирас, пишет Геродот, движется в направлении северного ветра; он берет начало из большого озера, которое отделяет Скифию от Неврской земли» [99, с. 118 – 119]. Кстати, и по нашему мнению, за верховья текущего на самом деле с запада Днестра Геродот принимал, по-видимому, один из левых притоков этой реки: иначе направление «северного ветра» не может быть выдержано.

Соседями невра, согласно «отцу истории», были агафирсы и западные скифы: «... Скифия ограничена вначале агафирсами, после неврами ...» [99, с. 140 – 141]. С этими же племенами, по Геродоту, Неврида граничила и несколько ранее, в конце VI в. до н. э. Ведь маршрут пресловутого скифского «бегства» от Дариевых войск на заключительном этапе описывается им так: «... (Скифы) стали завлекать персов в Невриду. А когда те пришли в смятение, скифы, ускользнув, пошли к агафирсам ... Скифы не стали вторгаться к агафирсам, которые это им запретили, и из страны Невриды стали заманивать персов в свою страну» [99, с. 148 – 149]. Повествуя о скифо-персидском противоборстве, которое, согласно Геродоту, разворачивалось также и в стране будинов, никаких невра он там не упомянул. Равно как ни словом о них не обмолвился, когда довольно подробно описывал современное ему состояние земли будинов и города Гелона. Поэтому совершенно неожиданным выглядит Геродотово сообщение о массовой неврской эмиграции именно в Будинию еще задолго до персидского нашествия. «Вышло так, пишет Геродот, что за одно поколение до похода Дария они (негры) совсем покинули свою страну из-за змей. Дело в том, что много змей появилось у них в стране, а другие, более многочисленные, устремились к ним сверху из пустыни, пока, наконец, (негры), теснимые ими, не поселились вместе с будинами, покинув свою землю» [99, с. 140 – 143]. Данное известие «отца истории» заинтриговывало многих, и многие пыта-

лись его, на разные лады, истолковать. Оставляя пока вопрос о таинственных «змеях», остановимся сначала на проблеме «невры – будины». Надо заметить, что Геродотово сообщение о переселении первых ко вторым оценивалось по-разному. Некоторые в наличии у него исторически достоверной основы даже не сомневались. «Мы не имеем права не доверять этому преданию, представляющемуся нам в столь определенной, хотя и несколько легендарной форме. Очистив его от фантастических прикрас, мы получим крупный исторический факт, подтверждаемый побочными сообщениями», считал, например, Ф. Браун [44, с. 234]. Его современник Ф.Г. Мищенко, наоборот, подчеркивал, что слово «будины» обязано своим появлением в данном пассаже, просто-напросто, технической ошибке [73, с. 520]. Досадной опiskeй, вызывающей здесь противоречие «отца истории» самому себе, счел это позднее и А.И. Тереножкин [344, с. 7]. Впрочем, вопреки А.И. Тереножкину, а также и В.А. Ильинской, неожиданно фактически получила дальнейшее развитие одна из гипотез Б.Н. Гракова, который исходил, в общем, из тех же представлений, что и Ф. Браун. Имеется в виду предложенное Б.Н. Мозолевским отождествление мнимой «миграции» Геродотовых невров к будинам и археологически установленной экспансии носителей позднечернолесской культуры днепровского Правобережья на Ворсклу. В результате ее, будто бы, и возник град Гелон – Бельское городище, центр «союза гелонских (Восточное укрепление) и неврских (Западное укрепление) племен, занявших южную часть будинской земли» [345, с. 226]. Но ведь еще исходная гипотеза Б.Н. Гракова была убедительно опровергнута. В том числе, и потому, что, как известно, финал чернолесской культуры приходится на VII в. до н. э. [342, с. 11, 182]. То есть, до указанного у Геродота времени бегства от «змей» эта культура попросту не доживает – наравне с высоцкой, еще одним отвергнутым кандидатом на эквивалентность неврам. Лишенная археологических оснований, гипотеза Б.Н. Гракова – Б.Н. Мозолевского, по существу, лишена также и соответствия Геродотовым известиям. В которых, как было выше сказано, не нашло никакого отражения присутствие невров среди будинов и гелонов.

В.А. Ильинская прокомментировала желание все же отыскать их там следующим образом «К тому же, Бельское городище получается тогда не Гелон, а Неврон, или как-то иначе» [124, с. 86 – 87].

Действительно, невров внутри этого великого города ни посредством археологических изысканий, ни даже путем явного «перенапряжения» Геродотова текста обнаружить еще никому не удалось. Но зато обнаруживается, кажется, каким именно образом в этот текст могла вкрасться та самая ошибка, или описка, которая была отмечена еще Ф.Г. Мищенко. Обратим внимание на то, что в процитированном выше сто пятом параграфе «Мельпомены» трижды упоминаются «Скифия», «обычajan скифские», «скифы» – помимо явно неуместных «будинов». Возможно ли появление там «Βουδίνου», вместо авторского «Σκίθαι», благодаря ошибке кого-то из многочисленных Геродотовых переписчиков? Обратим внимание также и на то, что следом, в сто восьмом параграфе, говорится именно о переселении, и именно к будинам («эллинов»– гелонов). Может быть, этим техника интересующей нас описки, путем механического заимствования, как раз и проясняется?

Сам Геродот писал, по нашему мнению, о вселении невров к скифам. Это подтверждается, кстати, если учесть еще одно Геродотово известие. Об истоках той самой реки, самые верховья которой, согласно «отцу истории», как раз и населяли современные ему, уже переселившиеся невров. «Третья же река (Скифии), Гипанис, пишет о ней Геродот, движется из (пределов) Скифии, вытекая из большого озера, вокруг которого пасутся дикие белые лошади» [99, с. 138 – 139]. Итак, река сбежавших от пока неразъясненных «змей» невров, целиком помещается «отцом истории» в пределах Скифии. Правда, это некоторые пытались оспорить, отодвигая Геродотово озеро – «мать Гипаниса» слишком далеко на север. На том основании, что «белые лошади» были сочтены полесскими тарпанами, и озеро, вокруг которого они водились, смешалось куда-то в бассейн Припяти. Но, согласно мнению специалистов-зоологов, нынешний лесной тарпан может считаться только поздней угнетенной формой степного дикого коня. Он деградировал и измельчал в лесах, куда был отгес-

нен в результате прямого преследования человеком. Причем относительно недавно, так как еще в XVIII в. дикие тарпаны, действительно, преобладающей светлой масти, водились также и в Южном Побужье, в том числе в окрестностях г. Винницы [139, с. 107 – 163; 211, с. 718, 722]. И как раз на Винничине, на Южном Буге, были исследованы милоградские курганные могильники V – IV вв. до н. э., Куриловка и Мизяков [168, с. 19; рис. 3: 3; 178, с. 78 – 80; рис. 2: 7, 9 – 10]. Сопоставление этих подкурганых погребений Южного Побужья, с одной стороны, с такими же захоронениями из примыкающего с севера бассейна Горыни, с другой, позволили сделать вывод, что Куриловка и Мизяков, собственно, представляют собой результат дальнейшей эволюции той самой милоградской погребальной традиции, к предшествующей фазе которой относятся Владимирец и Дубой. Ведь хронология двух последних могильников ограничена, по нашему мнению, VII – VI вв. до н. э. [59, с. 53; 167, с. 11, 21 – 24, рис. 11, 12; 275, с. 8 – 9]. Таким образом, в данном случае полностью подтверждается справедливость вывода В.А. Ильинской и А.И. Тереножкина, которые рассматривали в качестве результата миграции, именно с севера, из бассейна Горыни, наличие, среди массы «скифских» древностей восточной Подолии, также и некоторого числа милоградских памятников [125, с. 289]. Кроме того, и территориальным, и хронологическим соотношением упомянутых комплексов милоградской культуры, подтверждается, по-видимому, также и достоверность не-испорченного Геродотова известия о бегстве невра «за одно поколение до похода Дария» – в Скифию, точнее, к «скифам-пахарям» Подолии.

На наш взгляд, тот факт, что Геродоту удалось собрать о неврах заметно больше сведений, чем, например, об андрофагах, как раз и объясняется проживанием какой-то группы их в пределах Скифии на верхнем Гипанисе, то есть в относительной близости от Ольвии. Сообщая, например, о ликантропоморфии невра, «отец истории» ссылается на «рассказни» не только самих скифов, но и на клятвенные утверждения эллинов, живущих в Скифии. [99, с. 140 – 141]. Обратим внимание, что, когда «отец истории» повествует о других не-

скифских племенах, на рассказы этих живущих в Скифии эллинов он больше не ссылается. Роль информаторов тогда принадлежала уже путешествующим торговцам, скифским и греческим, «из гавани борисфенитов и из других понтийских гаваней», караваны которых рисковали уходить на край света, вплоть до плешивых аргиппеев [99, с. 138 – 139].

Если предложенная локализация неуров правомерна, то она должна, по-видимому, помочь нам и в разрешении крайне запутанного вопроса о «змеях». В принципе существуют два варианта их идентификации. Некоторые исследователи конца XIX – начала XX вв., Ф. Брун, В.И. Семенкович, С.М. Середонин видели в Геродотовых «змеях» настоящих рептилий [49, с. 231]. Но такая, излишне упрощенная, трактовка никогда не была преобладающей, а к настоящему времени она, кажется, вовсе лишилась сторонников. Ведь еще П. Шафарику удалось привести целый ряд убедительных примеров широкой распространенности эпитета «змеи» в отношении неприятелей, враждебных племен и народов [384, с. 325 – 326]. Наверное, это и положило начало попыткам идентификации «змей» с каким-то древним народом – врагом Геродотовых неуров. Название этого народа, по предположению Г.Тейлора, было созвучным древнегреческому *οφιός*, «змея», благодаря чему и возникла соответствующая легенда, дошедшая до нас в Геродотовом изложении [99, с. 348]. Действительно, подобные этнонимы в древности были известны – хотя бы то же племя малоазийское *οφιόγενος*, о которых упоминает Страбон [336, с. 551]. Однако более популярным было и остается предположение о происхождении легенды не благодаря названию, а из-за офиолатрических верований, будто бы, изгнанного неуров народа. Соответствия этим змеепоклонникам предлагались самые различные. Врагов неуров пробовали отождествить с германцами-бастарнами, славянами-венетами, даже с кавказскими иберами [44, с. 246 – 247; 49, с. 852 – 853; 22, с. 77]. Но окончательный выбор, кажется, был сделан в пользу балтов. Объясняется это, по-видимому, укоренившимся взглядом на змеиный культ, как на именно балтскую этнографическую особенность [89, с. 75; 309, с. 177].

Видимо, тем же руководствовался и Б.А. Рыбаков, когда подчеркивал специально, что под Геродотовыми змеями следует подразумевать прибалтийские племена «с их извечным культом змеи». Он попытался подкрепить этот, казалось бы, и сам по себе надежный этнографический аргумент археологическим, доказывающим, будто бы, приход на Волинь древнебалтийского населения с севера, из-за Припяти. Согласно Б.А. Рыбакову, «археология позволяет нам уловить этих змей, вторгшиеся в Невриду: именно в бассейне Случи расположена особая археологическая группа скифского времени. «Скифская триада» – оружие, сбруя, звериный стиль – не распространялась на эту территорию. В культуре наблюдаются очень архаические черты, как, например, серпы с кремневыми вкладышами. Сюда почти не доходил античный импорт. Вполне возможно, что население балтской Случи, жившее в VI – V вв. до н. э. чересполосно с неврами-милоградцами, является тем самым пришлым «из северной пустыни» элементом, который привел неvroв в движение» [299, с. 190]. Но приведенных Б.А. Рыбаковым данных явно недостаточно, чтобы согласиться со сделанным им выводом. К тому же эти данные нуждаются в уточнении. Например, элементы «скифской триады» на этой территории все же представлены – находками наконечников стрел, меча-акинака, ритонов с протомами барана [25, с. 103]. Таким образом, следует говорить не об изолированности, а только о провинциальности этой части Волини по отношению к центрам скифской культуры. Провинциальность, наравне с известной архаичностью волинских древностей скифского времени, вовсе не свидетельствует, разумеется, именно о балтском происхождении оставившего их населения. По нашему мнению, В.А. Ильинской и А.И. Тереножкиным архаичность этих памятников гораздо убедительнее объяснялась отставанием развития производительных сил Волини скифского времени по сравнению, например, с соседней Подолией. Но одновременно эти же исследователи обосновали общее происхождение обеих групп населения, волинского и подольского – от племен чернолесской культуры [125, с. 288]. Если от чернолесья волинские древности на Случи соединяются выразительными генетическим

связями, то с синхронными памятниками на север от Припяти они ничего общего не имеют. В силу своей очевидности это не требует никаких особых доказательств. Кстати, никак нельзя рассматривать доказательством северного или балтского происхождения упомянутые Б.А. Рыбаковым серпы с кремневыми вкладышами. По той простой причине, что на древнейших городищах средней и северной Беларуси подобные орудия практически неизвестны [206, с. 35]. Они употреблялись не северными, а южными соседями древнего населения Волыни, например, в Подолии и Молдове [203, с. 225 — 229]. Получается, что аналоги архаичных волынских орудий происходят не из балтской, а из фракийской среды. Между тем, именно с фракийским этносам, полностью или частично, связывается чернолесская культура доскифского и сохранившие ее наследие древности скифского времени [37, с. 12 — 18]. Итак, разбор археологических аргументов Б.А. Рыбакова, наверное, свидетельствует, что наличие на западе Волыни, поблизости от местных милоградских памятников какой-либо балтской культуры очень проблематично. А вот присутствие фракийских древностей в ближайших окрестностях бесспорно. В Прикарпатье и Подолии их оставили несколько мощных волн переселенцев из Карпато-Дунайского региона, первые из которых двинулись на восток еще в эпоху гальштата. В скифскую эпоху, как считают исследователи, к фракийской общности принадлежали агафирсы — по Геродоту, ближайšie соседи невров с запада или юго-запада. Согласно Ю.К. Колосковской, во время персидского нашествия невры даже были подчинены агафирсам, входили в союз племён, который они возглавляли [149, с. 186]. Поэтому интерес вызывают данные о большой популярности во фракийской среде змеиного культа, подробно зафиксированной различными античными источниками. У древних фракийцев, как и у современных народов, сформировавшихся на фракийском субстрате, румын, молдаван, болгар, сербов, албанцев, змея считалась символом достатка и плодородия, а также защитником дома, семьи, общины. Не случайно главные боги фракийцев имели ее своим атрибутом, а фракоязычные дакийцы шли в бой под штандартами в виде змеи или дракона [116, с. 32—40]. Полу-

чается, что фракийцы могут создать конкуренцию балтам в смысле соответствия Геродотовым «змеям». Но в этих «змеях», на наш взгляд, не стоит по-прежнему усматривать обязательно какой-то воинственный народ с тотемом змеи. Несмотря даже на то, что с этими врагами Геродотовых невров сопоставлялись, например, змеи «с человеческими головами, блестящими, как солнце» из одной сибирской легенды. Согласно этой легенде, народность аринцы на Енисее стала малочисленной после нападения этих зооантропоморфных чудовищ [205, с. 185]. Поэтому и не стоит, кажется, предлагать «фракийскую» версию идентификации Геродотовых «змей», хотя эта версия ничем не хуже известной «балтийской». Попробуем поискать принципиально новый подход, ключ к которому, кажется, скрыт в извечной мифологической символике змеи. В фольклоре и искусстве разных эпох и народов змея выступает как символ влажности, воды, дождя [300, с. 191]. Учтем, что, согласно Геродоту, множество змей породила собственная земля невров. Считать и этих враждебными чужеземцами, по-видимому, затруднительно. Более логично рассматривать это Геродотово известие в качестве сообщения не о военно-политических, а о природно-климатических событиях. В соответствии с универсальными представлениями, змеи символизируют возрастание увлажнения. В этой связи очень интересны результаты палеоклиматологических исследований. Начало одного из семи больших периодов возрастания влажности и понижения средних температур, выделяемых для территории Европы, приходится на вторую половину VI в. до н. э., что совпадает, как видим, с Геродотовой датировкой нашествия змей. По мнению специалистов, подобное ухудшение климатических условий проявлялось в особенно сильных дождях, высоких паводках, также и в летние месяцы [43, с. 113]. Понятно, что подобные изменения не могли не иметь негативного влияния на жизненные условия древнего населения, в том числе и милоградского. Выше упомянутые городища Беларуси, на которых выявлены архаические вещи VIII/VII—VI вв. до н. э., занимали не мысы, а размещались среди низин. Увеличение влажности в конце VI в. до н. э. неизбежно вызывало заболачивание окрестностей, что и заста-

вило, по нашему предположению, жителей подобных низинных городищ перебраться повыше и заселить мысы. Хронология же мысовых городищ милоградской культуры юго-восточной Беларуси, судя по находкам, начинается с конца VI—V вв. до н. э., в чем можно, кстати, согласиться с О.Н. Мельниковской. По нашему мнению, с аналогичными неприятностями пришлось столкнуться одновременно и населению другой, юго-западной части милоградского ареала. Особенность локализации милоградских памятников на западе Волыни — сосредоточение основной их части в относительно небольшом районе к северу от г. Ровно, при впадении в Горынь р. Устья [306, с. 68 – 81]. Увеличение влажности здесь неизбежно должно было вызвать экономические затруднения из-за уменьшения пригодных для сельскохозяйственного использования площадей, которых, видимо, и так недоставало. В этом мы видим причину выселения некоторой части милоградского населения западной Волыни. Переселенцы перешли через водораздел и оказались в более возвышенной Подолии. Именно это событие, по нашему мнению, и легло в основу Геродотовой легенды о бегстве невров.

Таким образом, точный смысл подтвержденных археологическими данными известий «отца истории» заставляет нас связать все события с их участием со сравнительно небольшим регионом на средней и верхней Горыни, а также в верховьях Южного Буга. Но тогда большая часть обширного милоградского ареала оказывается вне пределов Невриды. Конечно, какую-то часть его займут «пустыни». Например, где-то на западной окраине припятского локального варианта милоградских древностей неизбежно окажется та страна «выше» Невриды, которая согласно Геродоту, была никем, кроме пресловутых «змей», не заселена [404, с. 73 – 84].

Однако ни с какой из Геродотовых «пустынь», безусловно, не может сопоставляться район концентрации подгорцевских памятников на Среднем Днепре. Среднее Поднепровье, безусловно, принадлежало к известным «отцу истории» и его коллегам частям ойкумены. Поэтому центральная часть украинской Лесостепи обязательно отводится тому или иному из упомянутых Геродотом племен – в со-

ответствии с различиями этногеографических концепций. Впрочем, постепенно возобладала тенденция относить, в том числе, и современную Киевщину именно к земледельческой Скифии. Но тогда имеется вероятность, что Геродотовым наименованием *Σκυθαι* неизбежно перекрываются также носители милоградской культуры – по крайней мере, ее среднеднепровского – подгорцевского – локального варианта. Могла ли и какая-то часть «милоградцев» восприниматься своими эллинскими современниками в качестве «скифов»? Это заслуживает, кажется, специального рассмотрения.

Начнем с того, что, очевидно, уже в предскифское время лебедовские предки подгорцевского населения проживали в Среднем Поднепровье чересполосно с гораздо более могущественными позднечернолесскими иноплеменниками [36, с. 190 – 221]. И эта традиция сохранялась и на протяжении всей последующей эпохи, когда здесь бок о бок обитали носители местного варианта скифоидной культуры, преемники чернолесья, и подгорцевские наследники лебедовской культуры. При этом структура расселения была весьма характерной. В ней, безусловно, главенствовали большие лесостепные городища – племенные центры, согласно В.Г. Петренко [235, с. 55]. Наоборот, подгорцевские поселения, по размерам весьма скромные, укреплений не имеют никогда. Правда, иногда подгорцевские материалы присутствуют и на некоторых городищах южной Киевщины – Большом Ходосовичском, Веприке – но только как отдельные включения. Предполагается, что это свидетельства проникновения в среду носителей скифоидной культуры отдельных лиц подгорцевского происхождения [31, с. 17 – 18; 232, табл. 6, 4, 38;]. Их статус, конечно, проблематичен, но, возможно, его проясняет комплекс кургана № 20 в могильнике Холодный Яр, который относится к той же, что и названные выше городища киевской локальной группе скифоидной культуры. Здесь основное погребение сопровождалось еще одним, которое рассматривается как погребение «рабыни подгорцевского племени» [125, с. 255]. Но считается также, что захоронениями выходцев именно из среды оседлых носителей скифоидной культуры сопровождается основное погребение в монументальном скифском

кочевническом кургане Перепах [317, с. 75]. Вероятно, в скифскую эпоху на среднем Днепре существовала довольно сложная социальная структура, которая к тому же должна была соответствовать полиэтничности, характерной тогда для этого региона. Пришлые иранцы-кочевники, первоначально даже обитавшие непосредственно в правобережной лесостепи, господствовали над оседлыми аборигенами, прямыми потомками чернолесья, по-видимому, совершенно чуждыми им по языку и этносу. Этнос чернолесской культуры традиционно определяется как праславянский, хотя довольно популярной стала также и древнефракийская его атрибуция [36, с. 12 – 18]. Но, так или иначе, в последующую эпоху прежняя этническая принадлежность основной массы обитателей Среднеднепровского Правобережья, по-видимому, не изменилась, и «скифами» они стали лишь номинально [342, с. 239]. И произошло это, по-видимому, прежде всего по политическим причинам. Но оседлые «скифы», обладатели среднеднепровских городищ, имели, в свою очередь, собственных данников – в лице обитателей подгорцевских селищ. Подчиненное положение последних, наравне с отсутствием у них укреплений, подчеркивает также и упомянутое погребение в одном из холоднярских курганов. Кстати, эти археологические подтверждения предлагаемой реконструкции межэтнических взаимоотношений в среде обитателей Среднего Поднепровья можно дополнить, наверное, также историко-этнографическими. Русские землепроходцы обнаружили в Сибири XVII в. аналогичную структуру: телеуты и буряты, имея собственных данников, «киштымов», в свою очередь, и сами выплачивали «ясак» кочевавшим в Джунгарии калмыкам [224, с. 11]. Енисейским киргизам его платили качинские «татары», то есть, тюркоязычные, как и они, хакасы, среди которых на правах данников проживали арины, первоначально самодийская или кетоязычная народность [155, с. 208]. Несмотря на довольно глубокую скифизацию, свою этническую самобытность «подгорцевцы», наверное, сохраняли. Об этом, в частности, можно судить по существованию у них оригинального ажурного стиля, от скифского «звериного» совершенно независимого [283, с. 263 – 274]. Но, вследствие низкого статуса –

данники данников! – эта самобытность должна была игнорироваться, и для внешнего мира подгорцевское население, наверное, терялось в общей массе среднеднепровских «скифов». «Земледельцев» или «пахарей»?

Еще со времен А.А. Спицына Среднее Поднепровье принято отводить именно скифам-пахарям [331, с. 87]. Прямой смысл Геродотова известия об обитании $\alpha\rho\omicron\tau\pi\rho\epsilon\varsigma$ на Гипанисе, а вовсе не на Борисфене, обычно попросту игнорировался. Получило хождение другое, расширительное толкование: Геродот-де, указывая скифов-пахарей на Гипанисе, якобы имел в виду, что они обитали на правом берегу Борисфена [221, с. 106]. Яркая земледельческая культура Правобережья Среднего Днепра не позволила окончательно изъять отсюда скифов-пахарей и Б.Н. Мозолевскому – даже вопреки тому, что памятники Киево-Черкасского региона отводились им Геродотовым неврам. Однако очевидно, что сам по себе земледельческий быт той среды, внутри которой находились среднеднепровские «подгорцевцы» и в которую внедрились кочевые иранцы, соорудившие Перепятиху, ни тех ни других автоматически именно Геродотовыми «пахарями», конечно, не делал [345, с. 225 – 226].

Впрочем, земледельческая культура в Геродотово время переживала расцвет не только на Киевщине. Подолия в этом смысле ей, видимо, не уступала. Во всяком случае, пребывание еще ранее середины VI в. до н. э. греческих торговцев документировано надписью $\Lambda\alpha\chi\epsilon\ \mu\epsilon$ на лепном горшке именно для подольского Немировского городища [81, с. 259 – 261]. Правда, по количеству античных импортов, в том числе и Геродотова времени, она явно проигрывает. Малочисленность греческих привозных вещей, на первый взгляд, совсем не вяжется с Геродотовым известием о товарном – экспортном зернопроизводстве скифов-пахарей. Что, кстати, заставило П.Д. Либерова усомниться в их подольской локализации [173, с. 77], а Д.А. Мачинского, наверное, побудило вообще отрицать хлебный вывоз от скифов-пахарей. Предложив свое оригинальное «сакральное» объяснение причин греческой колонизации вообще и северопричерноморской в частности, Д.А. Мачинский предпочел традиционному пере-

воду известного замечания «отца истории» о скифах-пахарях, которые, по Геродоту, «сеют хлеб ... на продажу» вариант перевода по А.Н. Щеглову: «сеют хлеб ... для сожжения» [194, с. 1].

Но этот археологический факт, на наш взгляд, может получить и другое – противоположное – объяснение. Ведь теперь уже установлено, что около рубежа VI – V вв. до н. э. происходят кардинальные изменения в распределении результатов торговли между населением лесостепи и степи в пользу последнего. Считается, что верхушка кочевников взяла хлебную торговлю оседлого населения с греками под свой контроль и извлекала из этого огромные прибыли, с чем связывают обилие импортных изделий в степных аристократических курганах соответствующего возраста [219, с. 64]. Таким образом, масса производителей товарного зерна лишалась компенсации за его вывоз в Ольвию и далее в Элладу. Между прочим, имеется интересная лингвистическая и одновременно социальная средневековая параллель этим Геродотовым *αροτήρες*. Ведь 'сабанчи по-татарски означает то же самое, от 'сабан – «плуг». В топонимии Поволжья имеются названия типа Русские Сабанчи – первоначально, специальные поселения русских пленников в Золотой Орде, обязанных снабжать завоевателей-кочевников сельскохозяйственной продукцией. О существовании у татар таких подданных сообщают также и западноевропейские авторы. В Ипатьевской летописи под 1241 годом имеется запись, что Болховская земля, во главе со своими князьями, отложились от Даниила Галицкого и превратилась в сельскохозяйственное вассальное владение ордынцев: «... оставили бо их Тотаром да им орють пшеницу и проса» [249, с. 37 – 38]. Любопытно, что летописная Болховская земля находилась в районе водораздела Горыни, Случи и Южного Буга – примерно там же, где в эпоху античности обитали тогдашние скифские «сабанчи», *αροτήρες*. Конечно, сопоставлять их со спартанскими илотами или средневековыми сервами вряд ли корректно. Однако представляется в какой-то степени вероятным предположение, что разница между Геродотовыми синонимическими наименованиями, *Σκύθαι αροτήρες* и *υεωρούι Σκύθαι*, определялась различными формами зависимости и эксплуатации соответствующих групп насе-

ления Лесостепи. Эти различия, как можно допустить, также были известны «отцу истории», или его информаторам. Во всяком случае, такая трактовка, наверное, предпочтительнее имеющихся «агркультурных» объяснений. Согласно одному из них, Геродотовы «скифы-пахари» – это пашенные земледельцы, а «скифы-земледельцы», наоборот, примитивные мотыжные [85, с. 45]. По Э. Боннелю, «пахари» отличались от «земледельцев» тем, что выращивали, кроме зерновых, также овощи и фрукты [400, с. 84]. А.С. Стрижак, напротив, считает настоящими земледельцами, знавшими также садоводство и огородничество, именно последних, а скифов-пахарей – некими полукочевниками (?), наподобие надазовских ногайцев, которые, засеяв поля, уходили со своими стадами, чтобы вернуться назад к уборке урожая [337, с. 45 – 46]. Кстати, к объяснениям такого рода примыкает практически и весьма популярная в скифологии, но явно упрощенная интерпретация, основанная, в сущности, лишь на одной чисто лингвистической гипотезе. Имеется в виду трактовка

В.И. Абаевым Геродотова термина γεωροῖι как огреченного скифо-иранского 'gaumvarga, «разводящие скот» [2, с. 130; 3, с. 74 – 76]. Подобный перевод, вроде бы, облегчил понимание Геродотова текста, например, освобождал от непонятной квазитавтологии наименований, γεωροῖι наравне с ἀροτῆρι. Он даже позволял, будто бы, снова вернуться к вполне опровергнутой локализации Геродотовых скифов-земледельцев не на среднем, а на нижнем Днепр [333, с. 44]. Археологически достоверные следы земледельческой оседлости на Левобережье нижнего Днепра Геродотова времени, как известно, отсутствуют [125, с. 193 – 195]. Но теперь и памятники степняков, казалось, можно было рассматривать в качестве древностей скотоводов-gaumvarga. Правда, объявить их, как того требовала логика, скифами-кочевниками, не решился никто: например, Б.Н. Мозолевский оперировал нейтральным непереведенным наименованием – «скифы георгой» [345, с. 182]. Однако, от путаницы здесь поможет нам избавиться, кажется, сам Геродот. Ведь никакого протвположного смысла в его обозначении Σκίθαι γεωροῖι, безусловно, нет: это – земледельцы, а никак не скотоводы. Скотоводам Геродотовы γεωροῖι недвусмыс-

ленно противопоставляются именно по типу хозяйствования: «...Эти скифы-земледельцы к востоку (от реки Борисфен) занимают пространство на три дня пути вплоть до реки, носящей название Пантикапа ... К востоку от этих скифов-земледельцев, за рекою Пантикапом, обитают уже скифы-кочевники, ничего не сеющие и не пашущие» [99, с. 106 – 107]. Следовательно, Σκίθαι γεωργοί занимались и тем, и другим, одновременно также и «почитая скот», ведь без животноводства они, конечно, обойтись никак не могли. Впрочем, наверное, нужно согласиться с тем, что «скифы георгой» обитали, по видимому, по обоим берегам Днепра. Но, конечно, не в нижнем его течении, где на Левобережье, во всяком случае, оседлость и земледелие появляются гораздо позднее. Следовательно, для Геродотовых Σκίθαι γεωργοί требуется зарезервировать непременно Среднее Поднепровье, включая, конечно, и какую-то часть лесостепного Левобережья. Какую именно? Согласно В.А. Ильинской, территория Геродотовых скифов-земледельцев простиралась по лесостепи далеко на восток от Днепра, обнимая даже верховья Ворсклы и Северского Донца [123, с. 118]. Однако, по нашему мнению, с этим трудно согласиться по ряду причин. Во-первых, неизбежно возникает противоречие Геродотову измерению расселения Σκίθαι γεωργοί в днях пути – одиннадцать вдоль Борисфена на север и только три на восток от него. Независимо от условности такой меры, как «день пути» или «день плавания», согласно «отцу истории», выходит, что область скифов-земледельцев имела совсем другую конфигурацию, чем та, которую подразумевает отождествление данного племени с посульско-донецким вариантом скифской культуры, согласно В.А. Ильинской. Во-вторых, результаты фундаментальных исследований этих древностей, самую же В.А. Ильинской и осуществленные, как раз и демонстрируют, со всей возможной убедительностью, именно иранское, подлинно кочевническое происхождение скифов лесостепного Левобережья. Это была одна из «волн» древних кочевников с востока, которые, вследствие аридного кризиса в степи, сделавшего ее непригодной для кочевания, обосновались в начале VI в. до н. э. в лесостепном Посулье. Вывод В.А. Ильинской о скотоводческо-

земледельческом характере хозяйства данного региона в скифскую эпоху представляется вполне приемлимым, но с учетом возражений против ранней седентаризации скифов-кочевников [219, с. 63; 363, с. 233]. Представляется более вероятным, что в левобережной лесостепи, точно также, как и в правобережной, хозяйственные различия совпадали с этническими: земледелием занимались оседлые аборигены, а доминировавшие пришельцы продолжали кочевать. Таким образом, не земледельцев, а кочевников уместно локализовать на Суле и далее к востоку. Тогда Сула и должна быть пограничной рекою Пантикапом...

Получается, что, в соответствии с Геродотовым указанием о трех днях пути до владений кочевников, мы и должны отнести скифам-земледельцам довольно узкую полосу лесостепи Левобережья среднего Днепра. В интересующий нас период эта территория была населена, судя по археологическим данным, этнически неоднородным, но одинаково скифизированным населением. Так, ближе к Днепру располагаются подгорцевские памятники, а дальше к востоку, на Десе и Сейме – юхновские. Интересно отметить, что в лесостепном Поднепровье наблюдается характерный параллелизм в трансформации обеих культурных традиций, как юхновской, так и милоградской, под воздействием одного и того же фактора – скифизации. В повседневный быт и подгорцевского, и юхновского населения приднепровской лесостепи одинаково широко внедряются разнообразные орудия труда, оружие, украшения и посуда скифских типов. Более того, из-за одинакового внешнего воздействия в одном направлении эволюционирует также и погребальная традиция обеих этих нескифских группировок. Сравнение погорцевских захоронений в Казаровичах и Рудяках, юхновских в Долинском и Мезине, скифоидных в Гришенцах и Пирогове обнаруживает, что все они были совершены практически по одному и тому же ритуалу [200, с. 50 – 54; 202, с. 60 – 68; 235, с. 142 – 152; 237, с. 9 – 22; 303, с. 56 – 58]. Такие труположения в грунтовых могилах, в сопровождении довольно скромного, но неповрежденного инвентаря – посуды, украшений, иногда орудий труда и оружия – считаются для рядового скифизированного населе-

ния Киевщины типичными. Наверное, поэтому юхновский могильник Долинское, например, и был ошибочно причислен к памятникам скифоидной культуры Посеймья [125, с. 344]. Что, впрочем, вполне объяснимо, ведь вне зоны скифизации юхновский погребальный обряд выглядит совершенно иначе. Несколько севернее Долинского, но уже в лесной Черниговщине расположено Кудлаевское городище, на котором исследовано ямное погребение остатков трупосожжения на стороне [200, с. 50, рис. 2]. Гораздо лучше известный милоградский обряд погребения лесной зоны Верхнего Поднепровья также предусматривал обязательную кремацию с последующим захоронением ее результатов в маленькой грунтовой могиле без инвентаря, если не считать отдельные черепки посуды или камни [199, с. 41 – 54]. Но оставившее такие могильники милоградское население тоже подверглось скифизации, хотя и в меньшей, конечно, степени, чем подгорцевское. Ведь, в отличие от Среднего, непосредственного скифского присутствия Верхнее Поднепровье не знало. Однако, проникновение, уже на ближние подступы, отмечено скифским курганом Малые Ладыжичи в устье Припяти [14, с. 21]. Правого берега этой реки, по предположению А.И. Тереножкина, могли достигать и отдельные поселения носителей киевского варианта скифоидной культуры [343, с. 34]. Расположенные севернее милоградские памятники, в частности, городище и могильник в Асаревичах, обнаруживают довольно существенную скифизацию многих сторон культуры. Выше по Днепру и Сожу это лесостепное влияние, конечно, ослабевает, но, наверное, остается достаточным для того, чтобы верхнеднепровские «милоградцы» не попадали под Геродотово определение «народ ... совсем не скифский». Такую характеристику уместнее, видимо, оставить для какой-то другой археологической культуры, находившейся вне зоны скифского влияния.

Милоградские и юхновские древности южных частей Верхнего Поднепровья, непосредственно примыкавших к Киево-Черкасскому региону земледельческой цивилизации Лесостепи, вместе с ним эквивалентны, на наш взгляд, Геродотовым $\Sigma\kappa\upsilon\delta\alpha\iota\ \gamma\epsilon\omega\rho\upsilon\iota$.

Но необходимо остановиться еще на одной проблеме, без решения которой предложенная здесь локализация как скифов-земледельцев, так и невра в принципе может быть поставлена под сомнение. Ведь некоторые позднеантичные авторы, вопреки Геродоту, связывают невра не с верховьями Тираса и Гипаниса, а именно с Борисфеном. Это позволило О.Н.Мельниковской предполагать следующее: «Такая перемена в локализации невра в ранних и более поздних источниках может соответствовать, как нам представляется, и археологическим данным о передвижениях племен милоградской культуры с запада на восток» [199, с. 172]. Из подобного понимания тех же самых античных известий исходила также и М.Гимбутас, но переселение этих невра = «милоградцев» было приурочено ею к событиям не середины, а конца I тысячелетия до н. э. «... Из-за вторжения носителей зарубинецкой культуры в ареал милоградской, писала исследовательница, первоначальное население, сопоставляемое мною с неврами было вынуждено мигрировать на север, в верховья Днепра и Западной Двины». М.Гимбутас попыталась даже развить соответствующее предположение О.Н. Мельниковской, путем сопоставления известий писателей римской эпохи с летописными, о даниках Руси 'nerava, 'neroma [401, с. 115].

Итак, попытаемся выяснить причины и происхождение интересующих нас в данном случае разногласий позднейших античных авторов с Геродотом. Для этого нам придется иметь в виду, по возможности, все дошедшие до нас сведения о локализации невра, фигурирующих в трудах творивших после «отца истории» его коллег. Таких античных авторов около десяти, но всем им, вместе взятым, явно не под силу конкурировать в отношении объема информации о неврах с Геродотом, подчеркивать необычайную осведомленность которого, особенно о востоке Европы, по сравнению с остальными географами древности, стало традицией [105, с. 131]. Показательно, что, говоря о неврах, некоторые авторы попросту воспроизводят фрагменты Геродотовых известий. Так, у Псевдо-Скимна мы прочтем следующее: «Эфор говорит, что первыми по Истру живут карпиды, затем пахари, далее невра вплоть до необитаемой вследствие холода страны...»

[33, с. 311]. Если ничего не опущено в Псевдо-Скимновом пересказе, то, надо полагать, в оригинале у младшего современника «отца истории», Эфора [396, с. 319 – 320], имелось не более, чем искаженное изложение Геродотова известия об обитателях берегов Гипаниса [99, с. 106 – 107]. И в появившемся спустя пятьсот лет «Землеописании» Помпония Мелы сведения о неврах являются, в сущности, такой же компиляцией из Геродота, причем, также не всегда добротной. Например, согласно Меле и вопреки Геродоту, «река Тира» берет начало непосредственно в земле неврав [250, с. 280]. Но вариант пересказа Мелы, как и все более поздние, проигрывает приведенному Эфором — Псевдо-Скимном: локализация неврав, равно как и других Геродотовых племен, на Тире-Днестре, в I в. н.э. представляла собой несомненный анахронизм. К тому времени этническая ситуация на западе бывшей Скифии давно выглядела совсем иначе. Ее действительное состояние, современное Помпонию Меле, отражает, в частности, Страбонова «География». Географ сообщает о населении этих земель следующее: «Все пространство, лежащее выше упомянутого промежутка между Борисфеном и Истром, занимает, во-первых, пустыня гетов, затем тирегеты, за ними — язиги-сарматы, так называемые царские, и урги ... Внутри материка бастарны живут в соседстве с тирегетами и германцами, вероятно, и сами принадлежат к германскому племени и будучи разделены на несколько племен..., а самые северные (племена), занимающие равнину между Танаисом и Борисфеном, называются роксоланами. Вся северная страна от Германии до Каспия, насколько мы знаем, представляет равнину; живут ли какие-нибудь народы выше роксоланов, нам неизвестно» [336, с. 116] Как видим, у «отца географии», который, по общему мнению, старался оперировать только точными и практически полезными сведениями, в Европейской Сарматии не нашлось места ни для неврав, ни для кого-нибудь еще из Геродотовой диафесы племен. Зато у Дионисия Геродотовы невраы упоминаются между мифическими Гомеровыми гиппемолгами и гиппоподами [97, с. 238 – 239]. У Присциана (V – VI вв. н.э.) к неврам, гиппемолрам и гиппоподам добавилось «потомство племени бастарнов, полчища даков, воинственные ала-

ны...» [251, с. 300]. Конечно, информация подобного качества вряд ли пригодна для уточнения локализации неврав послегеродотового времени. Невольно отмечаешь справедливость мнения крупнейшего специалиста по истории античной географии, Дж. Томсона, подчеркивавшего деградацию уровня знаний о востоке Европы в позднеимператорском Риме. Между прочим, весьма нелестно отозвался он и о Плиниевых географических штудиях. По Дж. Томсону, из источников Плиний «отдавал предпочтение римским, особенно произведениям неразборчивых компиляторов, таких же, как и он сам... Другие же разделы («Естественной истории») производят впечатлительные мозаики из цитат, что они, собственно, собой и представляют» [347, с. 324]. Что и говорить, оценка необычная и ... вполне обоснованная. Но ведь именно Плиний был первым, кто поместил неврав на Борисфене. Поэтому с его сведениями здесь придется разобраться подробнее. И, надо сказать, мнение Дж. Томсона целиком подтверждается. Ведь в «Естественной истории» можно прочесть, например, следующее: «...На побережье от Каркины расположены города: Тафры на самом перешейке полуострова (Тавриды)... От Тафр по направлению внутрь от материка живут авхеты, во владениях которых берет начало Гипанис, неврав, от которых вытекает Борисфен, затем гелоны, будины, базилиды и темноволосые агафирсы; выше их живут номады, потом антрофаги, а от Бука выше Меотиды — савроматы и эседоны...» [64, с. 279]. Как видим, и Плиний, подобно Меле, экстраполирует на свою эпоху этногеографические данные из Геродота, причем изрядно перепутанные. Впечатление искаженности усиливается при сравнении двух Плиниевых замечаний о Гипанисе: «... очень ошибаются те, которые передают, что эта река находится в азиатской части» и тут же: «Гипанис течет через земли номадов и гилеев искусственным руслом в Бук, а естественным — в Карет. Эта область называется Синдской Скифией» [64, с.279 – 280]. Получается, что, настаивая на европейской локализации Гипаниса, Плиний следом описывает Гипанис азиатский (Кубань), ведь Карет, согласно самому же Плинию, это «залив Меотийского озера». Что касается Гипаниса европейского, Южного Буга, то вызывает сильнейшее не-

доумение, почему Плиний поместил его исток ... на левобережье нижнего Днепра, в земле авхетов, которые «привязаны» у него к г. Тафрам, находившемся, несомненно, на Перекопском перешейке [347, с. 342, 484 – 488]. На черноморский берег западнее Днепра область Плиниевых авхетов не простиралась; от Буго-Днепровского лимана к востоку он последовательно называет народы лимнеев, сардов, сираков, энекадиев [64, с. 278 – 279]. Если Плиний «заставил» Гипанис Геродота протекать вспять и поперек Борисфена, то почему бы последнему не вытекать, подобно Тире у Мелы, от невра? Непозволительно вольное обращение автора «Естественной истории» с данными своих источников замечалось неоднократно. Так, указывалось, что он «перенес» ближе к Ольвии Аррианову Ахейскую гавань с кавказского и Страбоновых сираков с азовского побережий [105, с. 91]. М.В. Скржинская также была вынуждена согласиться с тем, что в §§ 82 – 84 IV-й книги «Естественной истории» имеет место смешение известий разного происхождения и что Плиний Старший «скомбинировал данные своего времени со сведениями ионийских географов». Данная комбинация неоднократно воспроизводилась Плиниевыми компиляторами, прежде всего Солином [319, с. 45]. Действительно, Гай Юлий Солин тоже сообщает, что «Гипанис... берет начало в земле авхетов» [65, с. 242]. Позже, в V в.н.э. сведения Солина об истоках Гипаниса и Борисфена в сжатом виде были пересказаны Капеллой: «В земле невра берет начало река Борисфен» [188, с. 280]. Но Капелла хорошо известен в качестве не добавляющего никаких оригинальных сведений компилятора Геродота, Мелы и того же Плиния, именно у которого, помимо приведенного выше, он позаимствовал и следующий пассаж: «Гипанис... берет начало в земле авхетов».

Итак, относительно локализации невра в позднеримской этногеографической традиции отчетливо прослеживаются две линии: первая представлена в «Хорографии» Мелы, а вторая — в сочинениях Плиния и его компиляторов. На наш взгляд, значение этой второй у М.В. Скржинской, наверное, переоценивается – когда, например, в заслугу автору «Естественной истории» ставится использование,

правда, опосредованное, каких-то древнеионийских сочинений, причем в вопросе о локализации неврав Геродоту именно альтернативных. Но далее ею в качестве источников Плиния указываются только Алкман и Аристей, неврав вообще не знающие. К тому же, причисление «Аримаспей» к «греческой литературе рубежа VII – VI вв. до н. э.» сейчас вызывает сейчас обоснованные сомнения. Но М.В. Скрижинской было совершенно верно отмечено, что впоследствии упоминания учеными римскими поэтами различных «заскифских варваров», в том числе и неврав, какого-либо конкретного содержания вообще лишаются [319, с. 52]. Итак, возникшая в римской литературе еще и третья линия неврской локализации, наверное, более принадлежала уже античной мифологии, чем этногеографии. Посмотрим, чем это обусловлено. У римских авторов укоренилось — и это нетрудно заметить — представление о Геродотовых неврах, как о народе, обитающем у истоков какой-нибудь великой скифской реки. А задолго до него в античной традиции стало бытовать другое мнение, согласно которому потоки Скифии рождаются в высоких горах на севере ее. Названия этих гор, как и рек, с них текущих, у разных авторов разные. Мела и Плиний с Рипейскими горами связывали истоки Танаиса, Маркиан Гераклеийский с Аланскими — истоки Борисфена. И произошел синтез обоих представлений, которому способствовала Геродотова локализация неврав на севере, на краю пустыни. То есть там, где последователями Гекатея Милетского мыслились великие горы с истоками великих рек. Не случайно Аммиан Марцелин, говоря, что Борисфен начинается в «горах Невриев», описывает климатические условия жизни последних как гиперборейские: «... невраы, соседи высоких и обрывистых гор, на которых все коченеет от мороза и порывистых северных ветров» [11, с. 303]. Пожалуй, пример Марцеллиновой «Истории» красноречиво свидетельствует об окончательной мифологизации сюжета о неврах. Там это заведомо не реально существующий народ, вроде гуннов или аланов, с которыми контактировали римляне, а некий фольклорный символ, наподобие, кстати, и гелонов, почему-то ставших в Риме, вопреки Геродоту, олицетворением «чрезвычайной дикости».

После того, как развитие «милоградцев» и на Южном Буге, и на Днепре давно достигло финала, развитие мифа о неврах продолжалось. Легендарный народ «переселился» к истокам другой великой реки. Так, в «Церковной истории» Филосторгия (IV в. н.э.) записано: «Эти унны (гунны) — вероятно, тот народ, который древние называли неврами, они жили у Рипейских гор, из которых катит свои воды Танаис, изливающийся в Меотийское озеро» [359, с. 281]. В общем-то, история неврского сюжета в римской литературе интересна сама по себе — как документированная история возникновения и развития одной из легенд поздней античности, восходящей, в конечном счете, к какому-то реальному факту. Этим фактом, как видим, была, в данном случае, запись Геродотом сведений о современном ему народе, к которой в положительном смысле позднее никто — от Эфора и Мелы до Филосторгия — не добавил ни буквы. Такова наша, противоположная вынесенной О.Н.Мельниковской, оценка значения информации о неврах из сочинений римских авторов. Если говорить об оппозиции известиям Геродотовой «Истории», то ее составляют сведения из Страбоновой «Географии», документирующие полное исчезновение невра с этнокарты днепровского Правобережья к I в. до н. э. Что, впрочем, вполне соответствует археологическим данным о судьбах волинских «милоградцев».

Итак, получается, что какая-то часть единоплеменников «заскифских варваров» была так прочно интегрирована в возглавляемую базилидами этно-политическую систему, что воспринималась уже в качестве части «скифов-земледельцев». Но другая их часть сохраняла собственную самобытность даже внутри Скифии: невра, удравшие от «змей» к «пахарям» на Гипанис и, как мы еще увидим, будины с гелонами.

ГЛАВА IV.

АНДРОФАГИ – ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВНЕСКИФСКОГО МИРА

Итак, выяснилось, что сообщения позднейших авторов о неврах-«нервиях» не в состоянии создать конкуренцию Геродотовым известиям о неврах и Невриде. А каким известиям следует отдать предпочтение в случае с «людоедами» андрофагами? От Геродотовых данных об этом племени значительно отличаются те довольно жуткие подробности, которые приводит, например, Исигон Никейский в своих «Невероятных сказаниях». «Из числа скифов, говорит он, так называемые андрофаги пьют из человеческих черепов, а кожу с головы врагов обрабатывают и делают полотенца. С остального туловища они сдирают кожу вместе с ногтями и набрасывают на лошадей» [127, с. 268]. Но ведь, согласно Солину, такие чепраки, например, делали не андрофаги, а гелоны [65, с. 242]. Впрочем, в обоих этих описаниях варварства андрофагов и гелонов, соответственно, хорошо видна та основа, которую и Исигон, и Солин позаимствовали у Геродота, произвольно приписавши при этом нескифским племенам один из скифских обычаев. Ведь, рассказывая о военных обычаях именно «настоящих», степных скифов-кочевников, «отец истории» упоминает изготовление и чаш из черепов убитых врагов, и полотенца из их скальпов, и конских попон из человеческой кожи [99, с. 122 – 123]. Таким образом, Исигоново, а также других авторов, «прибавления» к характеристике жестоких обычаев андрофагов, данной Геродотом, самостоятельного значения явно лишены. Очевидно, что писатели эпохи поздней античности все «скифские» племена варваров, в той или иной степени практиковавшие каннибализм, с легкостью «сопоставляли» с Геродотовыми андрофагами.

«Скифов-людоедов» упоминает также Плиний и – явно по его следам – Солин, Аммиан Марцеллин, Юлий Гонорий [11, с. 303; 64, с. 308; 328, с. 242; 397, с. 275]. Примечательно, что, в отличие от

Эфора [396, с. 285, 307, 319 – 320] и Псевдо-Скимна [33, с. 311], у автора «Естественной истории» локализация антропофагов далеко не соответствует локализации андрофагов у Геродота. Плиний и его последователи размещают это племя не где-то по соседству с неврами и скифами-пахарями, а вообще на краю света, на берегу омывающего землю с севера Скифского океана. При этом некоторые, изначально также явно Геродотовы, данные о географии и этнографии андрофагов приобрели весьма оригинальное истолкование. Геродотом наличие «пустынь» у границ андрофагов их пресловутым канибализмом, как известно, не объяснялось. Сделать подобное добавление не преминули наши римские авторы. «Все соседние народы, пишет, например, Аммиан Марцелин, покинули их вследствие этого бесчеловечного способа питания и ушли в отдаленные земли; поэтому вся страна, обращенная к летнему востоку, остается необитаемой вплоть до серов». Итак, «настоящая» пустыня «на большом пространстве», из которой, согласно Геродоту, вытекает Борисфен, в позднеантичной географии оказалась растянутой едва ли не до Китая. Но при этом «людоеды» где-то на севере Евразии, конечно, утратили непосредственное отношение к своему прототипу – Геродотову племени андрофагов. Итак, именно Геродотовы известия о них из всех содержащихся в античных источниках представляют в данном случае, очевидно, основной интерес

В четвёртой книге Геродотовой «Истории» четыре раза упоминаются андрофаги; еще дважды упомянут их «царь», Андрофаг. В первом случае «отцом истории» приводится крайне отрицательная, но очень любопытная этнографическая характеристика этого племени. «У андрофагов, говорит Геродот, самые жестокие обычаи из всех людей; они не почитают справедливость и не имеют никаких законов. Они кочевники, одежду носят наподобие скифской, но язык у них свой собственный. Из этих (племён) только они питаются человеческим мясом» [99, с. 142 – 143].

Во втором и третьем случае Геродот останавливается на географическом положении этого малосимпатичного ему народа. Но координаты андрофагов были указаны «отцом истории», по-

видимому, со всей возможной для него точностью. Ведь сперва Геродот упоминает их, продвигаясь с юга на север вдоль величайшей, после Истра, скифской реки, начиная от гавани Борисфена. «В сторону северного ветра, говорится у него о стране скифов-земледельцев, эта земля простирается на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену. Выше над ними пустыня на большом пространстве. За пустыней живут андрофаги, племя особое и совсем не скифское. Страна, которая находится выше их, уже настоящая пустыня, и никакого человеческого племени там нет на всем известном протяжении» [99, с. 106 – 107]. Потом Геродот продвигается уже с запада на восток, вдоль северной границы Скифии: «Начиная уже от Истра, в тех областях, которые находятся выше и внутри материка, Скифия ограничена сначала агафирсами, затем неврами, потом андрофагами и, наконец, меланхленами» [99, с. 140 – 141].

В остальных случаях андрофаги и даже их «царь» упоминаются Геродотом в связи с разными эпизодами скифо-персидской войны. Выше в специально посвященной данным военным событиям главе уже была отмечена совершенная, на наш взгляд, нереальность какого-нибудь в них участия этого отдаленного лесного племени. Была сделана также попытка выяснить причины, почему в Геродотово повествование о войне скифов против Дария оказались включенными явно недостоверные известия, в том числе и об андрофагах. Но определенный интерес известия такого сорта все же представляют. Хотя бы потому, что соседние со Скифией с севера племена во всех случаях перечисляются Геродотом в неизменном порядке: «... Собрались же цари ... агафирсов, и невров, и андрофагов, и меланхленов ...»; «... Агафирс, Невр, Андрофаг и (царь) меланхленов... ответили скифам ...»; «Меланхлены же, андрофаги и невры, после того, как персы ворвались к ним вместе со скифами, не отважились на борьбу и, забывши свои угрозы, бежали все время на север, в пустыню» [99, с. 140 – 141, 146 – 147, 148 – 149]. Таким образом, из-за того, что порядок этот всегда такой же, как в § 100 IV-й книги Геродотовой «Истории», андрофаги неизменно упоминаются у «отца истории» между неврами и меланхленами.

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении известия об андрофагах, к сожалению, лаконичны и для понимания довольно трудны. Так что неудивительно, что в историографии представлено значительное расхождение во мнениях, например, по вопросу территориальной атрибуции этого племени.

Адрофагов пробовали локализовать и в лесной, и в лесостепной, и в степной зонах к северу от Черного моря. При этом исследователи основывались на разных аспектах Геродотовых известий. Например, А.П. Смирнов ссылаясь на Геродотово определение андрофагов в качестве кочевников: «Таким образом, писал он, андрофаги не оседлое племя, а кочевое, основным занятием которых было скотоводство. Поэтому у нас нет никаких оснований видеть в андрофагах земледельцев и выводить их из пределов степи, особенно в лесистые области, расположенные к северу от современной Украины» [322, с.95 – 96]. Исследователь отвел андрофагам часть степного пространства на левобережье Днепра, но отметил, что археологическая наука пока не знает культуры, которую на этой территории возможно было бы связать с андрофагами.

Б.Н. Граков, который также считал Геродотовых андрофагов степными кочевниками, попытался эту задачу решить. Основываясь на том, что носителями одной и той же археологической культуры могли быть не только собственно скифы, но также и другие кочевники, он предложил считать андрофагскими скифские древности Надпорожья, в частности, курганы урочища Кичкас. При этом локализация андрофагов именно на нижнем Днепре объяснялась Б.Н. Граковым со ссылкой на Геродотово сообщение о них, как о племени, следующем за скифами, если подыматься вверх по течению Борисфена. Эта река, по мнению исследователя, была известна грекам только в нижнем ее течении. Но ведь у «отца истории» эти скифы названы именно Σκύθαι γαυροί. Чтобы избежать противоречия, Б.Н. Граков предположил, что на нижнем Днепре в Геродотовы времена, очевидно, жили не только скифы-кочевники [83, с. 17, 72].

Скифов-земледельцев на нижнем Днепре размещал и М.И. Артамонов. Но тот же самый Геродотов параграф был интер-

претирован им совсем иначе, потому и андрофаги получили совсем иную, чем у Б.Н. Гракова, локализацию. На большую «пустыню», упомянутую Геродотом между скифами и андрофагами, Б.Н. Граков внимания, по существу, не обратил. А у М.И. Артамонова читаем: «Помещались андрофаги к северу от обширной пустыни, то есть степи, раскинувшейся вдоль Днепра выше скифов-земледельцев или борисфенитов, из чего следует, что они жили в Среднем Поднепровье». Этой оригинальной интерпретацией предусматривалось также, что Геродотовы андрофаги были не отдельным племенем, а лишь ответвлением великого народа будинов, или гелоно-будинов, на р. Рось (согласно карте М.И. Артамонова). Им предлагалось, наравне с прочими «гелоно-будинами», также и андрофагам уделить какую-то часть открытых на Киевщине древностей скифского времени. Соответственно, Геродотово замечание о кочевом образе жизни этого племени М.И. Артамоновым было сочтено «ошибочным». Но зато другое известие «отца истории», по его мнению, нашло подтверждение в виде следов культового каннибализма, зафиксированных на некоторых памятниках Среднего Поднепровья [23, с. 158, 160 – 161]. Геродотово сообщение об этом «жестоком обычае» андрофагов стало одним из оснований для их локализации в днепровском Левобережье. Б.А. Шрамко ссылался на находки человеческих костей с обломанными эпифизами при раскопках Басовского городища в бассейне Сулы. Но вообще-то для обоснования локализации андрофагов в Посулье Б.А. Шрамко использовались, главным образом, другие Геродотовы данные: перечисление северных соседей Скифии и тех племен, на которых скифы, будто бы «навели» персов. Действительно, в обоих случаях андрофаги упомянуты, в общем, где-то к западу от меланхленов. По-видимому, Б.А. Шрамко на этом основании счел оба племени непосредственными соседями, потому что от своей локализации меланхленов (в верхнем течении Северского Донца) он ставил в зависимость определение места жительства андрофагов (в прилегающем с запада Посулье) [389, с. 233 – 234].

По-видимому, на сходном, восходящем еще к Ф. Брауну представлении о «непрерывной цепи» из нескифских племен севернее

Скифии было основано также и мнения о локализации андрофагов, высказанные О.Н. Мельниковской и М. Гимбутас. «Последних, подчеркнула она, бесспорно, следует локализовать на Левобережье Днепра» [199, с. 170]. В какой именно части Левобережья, исследовательницей не уточнялось. М. Гимбутас в своей локализации «Menschenfressern» также исходила из представления о непосредственном их соседстве с неврами. Неврам исследовательницей отводилась обширнейшая территория восточнобалтийских, по ее мнению, археологических культур раннего железного века, вплоть до верхней Оки. Соответственно, андрофаги восточнее неврам оказывались у нее уже в древнем финно-угорском ареале. Отождествляя Геродотовых андрофагов с мордвою, М. Гимбутас ссылаясь на мнение А.А. Шахматова: ἀνδροφάγοι – греческий перевод иранского обозначения мордвы, 'mardxvar, ('mard = «человек», 'xvar = «пожиратель») [401, с. 113]. В.В. Седовым также предполагалось обитание андрофагов где-то далеко на востоке. Правда, свою локализацию этого племени он не уточняет. В.В. Седов подчеркнул только, что андрофаги, равно как и будины с меланхленами, обитали, по его мнению, вне границ Днепровского бассейна [309, с. 10 – 11].

Б.А. Рыбаков, наоборот, связывал андрофагов непосредственно с течением Днепра. Но так как, в отличие от М.И. Артамонова и Б.Н. Гракова, он размещал скифов-земледельцев не в Нижнем Поднепровье, а в Среднем, то андрофаги попали у него не в степь или в лесостепь, а в леса Верхнего Поднепровья. Естественно, что роль эквивалента Геродотовых андрофагов, согласно гипотезе Б.А. Рыбакова, должна была сыграть одна из археологических культур Верхнего Поднепровья. При этом между культурой штрихованной кермики и днепро-двинской исследователь склонен был выбрать все же последнюю. Он объясняет это так: «Аргументом в пользу днепро-двинской культуры (впрочем, не очень надежным) является то, что информаторы Геродота, описавшие ему весьма подробно местоположение андрофагов вверх по Борисфену, удовлетворили его любознательность и в отношении истоков Днепра, точно определив, что

для плавания от истока до порогов потребуется сорок дней. А Днепр вытекает из области днепро-двинской культуры» [299, с. 151].

Интересно, что подобная, в общем-то, локализация этого племени, повторяет предлагавшуюся еще в прошлом веке. Ведь Э. Боннелем допускалось расселение этого племени также в пределах Черниговской и даже Могилевской губерний; при этом Геродотова характеристика андрофагов в качестве кочевников понималась им в том смысле, что у них на верхнем Днепре или не имелось вовсе, или было очень мало постоянных поселений [400, с. 94]. Несколько позже Ф.Г. Мищенко поместил это племя непосредственно в области днепровских истоков: «Андрофаги жили приблизительно на местах теперешней Смоленской губернии» [73, с. 12].

Также в лесной зоне Верхнего Поднепровья, но к юго-западу от указанной Ф.Г. Мищенко и Б.А. Рыбаковым территории размещал андрофагов А.И. Тереножкин. На его этногеографической карте это племя показано к северу от Припяти – в области милоградской культуры (?) [342, с. 224, карта]. К сожалению, исследователь такую локализацию никак не прокомментировал. Кстати, вопреки мнению О.Н. Мельниковской, А.И. Тереножкиным андрофаги с культурой штрихованной керамики никогда не связывались; на его карте эта культура даже не обозначена.

Итак, рассмотрены, кажется, все основные варианты локализации андрофагов. Контрастность их очевидна. Имеющиеся расхождения обусловили неизбежную полемику – впрочем, с положительными результатами. Выяснилось, например, что некоторые из ориентиров, использовавшиеся для территориальной атрибуции андрофагов, очевидно, «не работают».

Так, В.А. Ильинская совершенно справедливо отрицательно отнеслась к предложению считать одним из «андрофагских» критериев архелогически определяемые следы каннибализма. Дело в том, что подобные находки известны и на правом, и на левом берегу Днепра, и на Северском Донце, и на Дону, и во многих других местах. «Вопрос о находках человеческих костей в культурных слоях разных поселений, наверное, найдет какое-то иное, более прозаическое объяснение» –

считала исследовательница скифских древностей бассейна Сулы. Ею подчеркивалась также близость этих древностей верхнеднепровскому единству памятников обоих регионов, согласно В.А. Ильинской, вовсе не соответствует предложенное Б.А. Шрамко разделение их между андрофагами и меланхленами Геродота [121, с. 35 – 36]. По нашему мнению, аргументы В.А. Ильинской очевидно противоречат также и версиям Б.Н. Гракова и М.И. Артамонова, согласно которым древности андрофагов могли быть лишены существенных особенностей среди массивов памятников скифской эпохи на нижнем и среднем Днепре, соответственно. В.А. Ильинской подчеркивалось, что взаимные отличия среднеднепровской скифоидной культуры в бассейнах Тясмина и Роси не выходят за рамки этнографических особенностей разных ветвей одного и того же народа. Данное археологическое единство, по мнению В.А. Ильинской, именно в таком виде должно находить себе соответствие и в Геродотовом тексте.

Считается, что сообщения Геродота обычно получают подтверждение в археологическом материале, что справедливо подчеркивалось, в частности, П.Д. Либеровым [175, с. 13 – 15]. При этом неправомерность локализации андрофагов в Правобережье среднего Днепра им аргументировалась также указанием на один из существенных просчетов М.И. Артамонова. Ведь он фактически игнорировал то обстоятельство, что Геродот, многократно упоминая племена будинов, меланхленов и андрофагов, ни разу не назвал их, ни прямо, ни косвенно, неким единым «народом» с тремя именами. Напротив, он явно представлял себе эти нескифские племена как совершенно отдельные и самостоятельные. Например, согласно Геродоту, во время войны с Дарием и в ходе предшествующих ей переговоров позиции гелонов и будинов, с одной стороны, и андрофагов с меланхленами, с другой, были диаметрально противоположны.

Но основным аргументом против локализации андрофагов в области оседлых земледельческих лесостепных культур всегда была, разумеется, апелляция к Геродотовому определению этого племени как «кочевников». При этом однозначно подразумевалось, что кочевое племя не могло находиться в лесной зоне. Поэтому для локализа-

ции андрофагов оставляли только степь. А в степи не удавалось выделить какие-то особые андрофагские памятники, и получалось, что, в лучшем случае, нужно снова принять точку зрения А.П. Смирнова.

Но хотелось бы надеяться, что загадочные андрофаги не есть какой-то фантом, археологически нуловимый. Ведь Геродот говорит о них, причем неоднократно, как о совершенно реальной этнографической единице. Но вся сложность, конечно, в том, чтобы верно интерпретировать известия Геродота.

Итак, андрофаги, согласно Геродоту, «номады». Но всегда ли в этот термин «отцом истории» вкладывается одинаковый смысл? В одних случаях он, однозначно, имел в виду именно степных кочевников-животноводов, например, когда характеризовал образ жизни несостоявшихся подданных мудреца Анахарсиса: «... Они же не основывают ни городов, ни укреплений, но все они конные стрелки и возят свои жилища с собою, получая пропитание не от плуга, а от разведения домашнего скота; жилища у них на повозках» [99, с. 116 – 117]. Отметим, что Геродотом неоднократно специально подчеркивается, что вся земля этих скифов, которые «ничего не сеют и не пахут», совершенно безлесная, за исключением приморской Гилеи [99, с. 106 – 107, 116 – 117, 120 – 121]. В других случаях то же определение, *νομάδες*, используется Геродотом при характеристике несомненных обитателей не степных, а лесных пространств, таких, как будины. Им дважды подчеркивается, что всю страну будинов занимают густые «разнообразные» леса [99, с. 108 – 109, 142 – 143]. Сообщая об образе жизни этих лесных «номадов», Геродот указывает их основное занятие – охоту.

Будинскому у Геродота противопоставляется образ жизни земледельцев-гелонов, имеющих сады и питающихся хлебом. Здесь у Геродота, очевидно, та же оппозиция, что и в сюжете о степных скифах: «Не земледельцы они, а кочевники» [99, с. 98 – 99]. В случае с андрофагами, по нашему мнению, «отец истории» воспользовался тем же критерием: они «не земледельцы», а, следовательно, «номады». Но не такие же, как те, у которых «жилища на повозках», а «номады»-охотники, наподобие будинов. Впрочем, определение «кочев-

ники» до сих пор в обиходе, и также применительно к охотничьим, главным образом, племенам лесов, экваториальных и тропических: индейцам Амазонии, пигмеям бассейна р. Конго, даякам Калимантана.

Таким образом, как будто нет необходимости связывать андрофагов именно со степью. Но тут имеется еще одно обстоятельство, связанное с проблемой священной для скифов «местности Геррос». Б.Н. Граков попытался использовать ее в качестве ориентира. «Андрофаги, писал он, жили выше скифов по Борисфену и того места, до которого плавали по нему греки ... Из скифских областей ниже андрофагов находился Геррос. Его положение мы пробовали определить вокруг Каменского городища. Значит, искать андрофагов надо еще в степной зоне» [82, с. 72].

Вопрос о локализации легендарного Герроса сам по себе сложен и далеко не решен. Но, например, по мнению В.П. Белозора, это была мифическая «страна» скифских богов и героев, наподобие Валгаллы у скандинавов. Поэтому ее отождествление с какой-то конкретной местностью в Скифии вряд ли уместно [34, с. 18 – 20]. Добавим также, что Геродот и не сообщает вовсе, что андрофаги были отделены от скифов Герросом. Непосредственно за страну скифов-земледельцев, выше нее по течению Борисфена, у него названа, причем дважды, какая-то «пустыня», а вовсе не Геррос [99, с. 106 – 107, 118 – 119]. Геррос, конечно, в любом случае этой «пустыне» не тождественен.

С другой стороны, вопреки мнению М.И. Артамонова [23, с. 158], «пустыней» никак не могла считаться в эпоху Геродота также и степь Северного Причерноморья, ведь аридный кризис к тому времени уже давно закончился. Самим «отцом истории» сообщается, что равнина к северу от Понта хорошо орошаема и поэтому изобилует травой, что богатство этих пастбищ в полной мере используются кочевыми скифскими скотоводами [99, с. 116]. Этим Геродотовым современникам, как раз и принадлежат, как известно, многочисленные и великолепные скифские курганы степной Украины. Поэтому размещать андрофагов «выше пустыни» в лесостепной ее части воз-

возможным не представляется – как на правом, по М.И. Аргамонову, так и на левом берегу среднего Днепра, по О.Н. Мельниковской. Ею был принят на веру Геродотов рассказ о том, что скифы, преследуемые Дарием, отступали, будто бы, от Танаиса через области северных племен – от меланхленов к андрофагам, от них к неврам, и т. д. [199, с.148 – 149]. О.Н. Мельниковская, на основании этого рассказа, полагала, что андрофаги должны территориально соприкасаться с меланхленами, обитавшими, как известно, где-то за Борисфеном. Поэтому и андрофаги категорически локализируются ею на левом берегу Днепра, по-видимому, в среднем его течении. Ведь против их размещения «в далеких северных областях» Верхнего Поднепровья О.Н. Мельниковская высказалась так же решительно [199, с. 170].

Но существует также и другая интерпретация того самого Геродотова сообщения, на котором строится локализация андрофагов у О.Н. Мельниковской. Б.А. Рыбаковым отмечалось, что хотя у Геродота андрофаги действительно «названы в перечне между неврами и меланхленами, но нигде не говорится, что они являются непосредственными соседями невров и меланхленов». А вот предпринятая Б.А. Рыбаковым попытка найти компромисс в вопросе локализации андрофагов вряд ли удачна. «Вполне возможно, пишет исследователь, что определение Геродота: «андрофаги и – кочевники, одеваются по-скифски» относится не к современным ему племенам Верхнего Поднепровья, а к тем старым андрофагам, с которыми скифы воевали в 512 г. Они находились где-то южнее и могли соприкасаться со скифской степью или лесостепью». Характерно, что Б. А. Рыбаков даже не попытался привлечь какие бы то ни было археологические данные в подкрепление своего предположения о переселении в конце VI в. до н. э. части южных племен в северные леса «под влиянием военных событий» [299, с. 145, 151 – 152].

Так где все-таки нужно искать андрофагов? Очевидно, что не в степи: они же совсем другие «номады», чем скифы-кочевники или скифы-басилиды. И не в лесостепи. Кстати, лесостепь, как самостоятельная ландшафтная зона, переходная между травянистыми черноземными степями и густыми лесами, «отцом истории» не выделялась

вообще [347, с. 99]. «Зональность», которой оперировал Геродот, может быть названа, наверное, ландшафтно-этнографической и реконструируется примерно так: страна кочевников безлесной равнины – страна земледельцев – страна «кочевников» густых лесов. Получается, что границы средней «зоны» у Геродота совсем не обязательно должны быть тождественными реальным границам лесостепи. Но применительно к течению Геродотова Борисфена подобное отождествление как раз и делалось. По-видимому, поэтому «пустыню», разделявшую, согласно Геродоту, скифов-земледельцев и «кочевников»-андрофагов Б.А. Рыбаков размещал поближе к Киевщине. По мнению Б.А. Рыбакова этой «пустыней» была ... восточная оконечность Белорусского Полесья между Припятью и Днепром, то есть, согласно его же точке зрения, часть Невриды. Но Б.А. Рыбаков попытался преодолеть данное затруднение. «Это – пустота внутри Невриды, объясняет он; на юго-запад и северо-восток от нее памятники неврам неизвестны ... До наших дней эта обширная лесная и болотистая область и припятско-днепровский клин остаются крайне малонаселенными» [299, с. 150].

Б.А. Рыбаков руководствовался устаревшей картой О.Н. Мельниковской. Однако на основании дальнейших исследований городищ милоградской культуры Белорусского Полесья было сделано существенное в данном случае уточнение, что «максимальная их концентрация наблюдается как раз в междуречье Днепра и Нижней Припяти» [179, с. 15 – 16]. Итак, «пустыня» здесь, вслед за неврами на Борисфене, попросту исчезла? Впрочем, на наш взгляд, не стоит подыскивать, как эквивалент, некую территорию, напрочь лишенную археологических памятников. Ведь эта «пустыня» на Борисфене, между скифами-земледельцами и андрофагами, не характеризуется Геродотом с помощью эпитетов «безлюдная», или «настоящая». Вообще об этих «пустынях», которые указываются Геродотом вокруг андрофагов, Е. Колендо полагает, что они представляли собой зоны безопасности на подступах к агрессивному племени [404, с. 73 – 84].

Чтобы не противоречить как результатам многолетних археологических исследований, так и Геродотовым известиям, в предыдущей главе уже предлагалось распространить его наименование, «скифы-земледельцы», также и на часть древних обитателей Верхнего Поднепровья, примерно до устья Березины. Геродотово определение андрофагов, как «племени особого и совсем нескифского», совсем не соответствует, на наш взгляд, значительной скифизированности подгорцевско-милоградской культуры. Наверное, «совсем нескифское племя» уместнее помещать в свободных от какого-либо южного влияния частях Верхнего Поднепровья.

Где именно, можно определить, опять же, только верно поняв Геродота. Действительно, реальный исток Днепра, будто бы, должен склонить наш выбор в пользу древних городищ Смоленщины. Но, по Геродоту, его Борисфен вытекал вовсе не от андрофагов: они у него – только самый «верхний» народ на этой реке. «Только у этой реки и у Нила я не могу назвать истоки и, полагаю, никто из эллинов не назовет», подчеркивает «отец истории» [99, с. 118 – 119]. И аннулирует, таким образом, шансы Смоленщины быть родиной андрофагов – вопреки Ф.Г. Мищенко и Б.А. Рыбакову.

Кроме того, есть основания полагать, что античные представления об истоках Борисфена с позднейшими об истоках Днепра, скорей всего, не совпадали. «Я положительно думаю, писал еще Сигизмунд Герберштейн, что эту Березину древние считали за Борисфен, на что, по-видимому, указывает и само созвучие ее названия» [71, с. 166]. Имеется еще одно гидронимическое дополнение в пользу, опять же, Березины. Согласно И.Е. Забелину, «у самой вершины Березины существует озеро Берешта, через которое проложен Березинский канал; это, быть может, прародитель самой Березины» [110, с. 233]. Этот Борисфен античных авторов, по мнению В.А. Булкина, мог отклоняться еще юго-западнее, продолжаясь уже по правому притоку Березины, Свислочи [48, с. 6 – 7].

Верхний Борисфен древних приводит нас, в любом случае, не на Смоленщину, а на Минщину. В средней части Беларуси к началу железного века относятся материалы из нижних слоев городищ на-

подобие Лабенщины. Первоначально эти материалы были отнесены А.Г. Митрофановым также к культуре штрихованной керамики. Но их своеобразие, однако, без внимания не осталось, поскольку средне-белорусские памятники объединялись в особый локальный вариант этой культуры [206, с. 6 – 7]. В дальнейшем отличия древностей типа Лабенщины от классических городищ со штрихованной керамикой стали еще очевиднее. Это нашло отражение, в частности, в попытке А.А. Егорейченко отнести эти древности уже к милоградской культуре, в виде среднебелорусского ее варианта [104, с. 54 – 61]. Возражения насчет этого уже были изложены в специальной публикации. Они заключаются, если коротко, в следующем: материалы нижних слоев Лабенщины на примерно таких же основаниях можно объединять и с днепро-двинской культурой. Степень сходства и различия будет примерно такая же, как по отношению к милоградской. Поэтому уместнее говорить о существовании в начале эпохи железа на территории средней Беларуси особой культурной группы древностей типа нижних слоев Лабенщины, а не локального варианта одной из соседних культур, штрихованной керамики, днепро-двинской или милоградской [278, с. 68 – 70]. Отличие от милоградской культуры, кстати, заключается еще и в том, что на памятниках типа Лабенщины находки вещей скифского происхождения совсем неизвестны.

Судя по географии соответствующих импортов, связи со скифским миром не распространялись на среднюю и северную части территории сегодняшней Беларуси [270, с.66 – 74]. Правда, на северо-белорусских памятниках днепро-двинской культуры (западно-двинский вариант) были обнаружены несколько экземпляров скифских по своему типу топоров, но их появление там, скорее всего, следует относить уже к послескифской эпохе [381, с. 52].

Днепро-двинские же памятники другого, смоленского варианта, наоборот, демонстрируют результаты влияния скифских традиций. «Железные изделия смоленских городищ, по замечанию, например, П.Н. Третьякова, могут характеризоваться как «скифо-днепровские» ... [351, с. 20]. Видимо, данная особенность древнейших городищ Смоленщины также не свидетельствует в пользу лока-

лизации там Геродотова «племени особого и совсем не скифского». Но не стоит и ограничивать локализацию андрофагов только бассейнами верхней Березины и Свислочи. К этой сравнительно небольшой территории примыкала часть западновинского бассейна, в древности заселенная носителями культуры, близость которой среднебелорусским древностям типа Лабенщины отмечалась не только нами [207, с. 102]. К тому же, уровень информированности «отца истории» о далеких «заскифских» землях явно не позволяет ожидать от него знания рек бассейна Балтийского моря. Этому препятствовала также и сама географическая концепция Геродота, как известно, отрицавшего даже само существование янтарной реки Эридан.

Таким образом, с андрофагами, по нашему мнению, можно связывать не только среднебелорусские древности типа нижних слоев Лабенщины, но и северобелорусские городища днепродвинской культуры, которые также не знали какого-либо южного влияния в соответствующую эпоху. Наверное, имеются основания и те, и другие считать соответствующими Геродотову определению андрофагов, как лесных «кочевников». Для хозяйства как средней, так и северной Беларуси в начале железного века подчеркивается большая роль охоты и животноводства – занятий, предусматривающих подвижность населения, по крайней мере, сезонную. Существование земледелия допускается исключительно в примитивной форме подсеки [206, с. 43 – 47; 381, с. 90 – 97]. Обязательным же условием эффективности подсечного земледелия была регулярная, не реже чем каждые два-три года, перемена места посевов. Этим диктовалась и смена места проживания, также в зависимости от сезона. Сошлемся на специальное исследование, в котором подвижность подсечных земледельцев иллюстрируется многочисленными этнографическими примерами. В нем приведены также и термины, которыми пользовались исследователи этой архаической формы земледелия в прошлом столетии: «полуоседлая жизнь», «кочевой промысел», «лесные кочевники», и т. д. [236, с. 14 – 16].

По-видимому, искать в названных древностях археологическое отражение существования у андрофагов «самых жестоких обы-

чаев», неуважения ими справедливости, отсутствия у них законов бессмысленно. Как оказалась лишённой смысла и упомянутая выше апелляция к следам каннибализма, выявленным на памятниках различных культур. С.А. Жебелевым предполагалось даже, что специфическая характеристика, которую «отец истории» дал андрофагам, была просто-напросто его собственной выдумкой, призванной мотивировать употребление необычного этнонима [109, с. 342]. Теперь это объяснение представляется несколько упрощенным. На наш взгляд, следует говорить не о собственной выдумке Геродота, а о пересказе какого-то известного ему сюжета, пересказе, разумеется, авторизованном.

Попробуем установить, каким из возможных Геродотовых источников могло быть обусловлено его восприятие одного из заскифских племен в качестве отвратительных каннибалов. Косвенными доказательствами, вероятно, исключаются в данном случае греческие источники, например, Аристеева «Аримаспейя» и Гекатея «Землеписание». Конечно, Геродот упоминает андрофагов на пути к исседонам, о котором поведал Аристей. У него «отцом истории», возможно, и было позаимствовано представление о «справедливости» тех же исседонов или массагетов. Интересно, что Геродоту было известно о практиковавшейся обоими этими племенами некрофагии. Однако, в отличие от андрофагов, он их вовсе не осуждает, а, наоборот, оправдывает: «Сын делает это для отца, подобно тому, как эллины справляют праздник поминовения» [99, с. 110 – 111].

По мнению И.В. Куклиной, андрофагов следует относить к народам, не известных традиции, восходящей к Аристею [163, с. 88]. Гекатея традиция, очевидно, отрицательной характеристики андрофагов не содержала. Сошлемся здесь на следующее. Геродот, очевидно, в значительной степени придерживался Гомеровской оценки северопричерноморских номадов, как «дивных мужей гиппемолгов, бедных, питавшихся только млеком, справедливейших смертных» [77, с. 214]. Геродотом также восхваляются достоинства кочевого образа жизни скифов-животноводов. «У скифского племени самое значительное из всех человеческих дел устроено самым мудрым об-

разом», подчеркивает, например, Геродот [99, с.116 – 117]. Контрастом этому были дикарские нравы андрофагов и «отец истории» не случайно подчеркнул, что они – племя совсем не скифское. Это замечание объясняется как проявление скрытой полемики с Гекатеем, который, в противоположность Геродоту, считал андрофагов скифским племенем. Единственная «скифская» черта андрофагов, это, по Геродоту, сходство одежд. Можно полагать, что «отец истории» имел в виду такую несвойственную греческому костюму «скифскую» деталь, как анаксириды – штаны. Естественно, не по-гречески, а также «по-скифски» одевались, согласно Геродоту, даже отдаленные аргиппеи [109, с. 342].

В отличие от сообщения о ежегодном оборотничестве невра, Геродотом не указывается, из каких источников им были получены сведения об образе жизни андрофагов. Но, как надо полагать, хотя бы исходя из контекста, источники эти в обоих случаях были одни и те же: «скифы и эллины, которые живут в Скифии», то есть, источники, собственно, скифские. Скифская мифологическая традиция, включая ту ее часть, которая посвящена отдаленным землям Севера, принадлежит к общему индоиранскому кругу. Это убедительно подтвердили результаты специального сравнительного исследования [42, с. 29 – 49].

В соответствии с общим для древних индоиранцев представлением, на далеком севере находилась гора – жилище богов и страна «счастливого народа». На пути туда имеется множество препятствий, в том числе пустыни, встречи с упырями и людоедами. Здесь нетрудно заметить аналогию Геродотову описанию пути к аргиппеям, «счастливному» народу у подножия высоких гор. И у него пустыня сразу за Скифией, а потом – людоеды ... Легендарные известия об аргиппеях переплетаются у Геродота с заслуживающими доверия сведениями об их этнографии. Похожая ситуация и с андрофагам. Тенденция связывать мифологические черты с именами народов, в реальности которых Геродот не сомневался, считается характерной для его «Истории» [105, с. 84].

Попытаемся установить происхождение использованного Геродотом наименования безусловно реального, соседствовавшего со скифами через пустыню на Борисфене, племени. Если выясняется скифский источник Геродотовой информации об андрофагах, то следует предполагать, прежде всего, скифское происхождение также и их названия. Можно предположить, далее, что Геродот употребил созвучное скифскому название. Наподобие того, как в сибирских документах XVII в. употреблялось «брат», «братские», по созвучию с настоящим этнонимом бурят, «бур'аат», «бар'аат» [226, с. 29 – 30]. Но «отец истории» мог использовать также и кальку, греческий перевод скифского названия соседнего племени. Подчеркнем, что на Борисфене у Геродота локализованы не *ἀντρολοφαγοί* – «людоеды», как у некоторых его младших коллег и продолжателей, а именно *ἀνδροφαγοί* – собственно, «мужееды» [337, с. 87].

Видимо, подтверждение вероятности предположения об этнониме-кальке имеется у самого Геродота – в сообщении, что скифы называют амазонок Оюрлата, и это, в переводе на греческий, означает «мужеубийца» [99, с. 142 – 143]. Кстати, этот Геродотов вариант перевода, в общем, получил поддержку крупнейшего лингвиста-скифолога В.И. Абаева [1, с. 176]. Возможно, точный смысл названия «мужееды» поможет прояснить сравнение с зулусской идиомой «поедатель вождей» и с кличем «Ngadla!» («Я поел!»), каким королем Чакой объявлялось о победе в бою. Ни то, ни другое не предполагало буквального каннибализма [287, с. 44, 131].

Но все это не лишает оснований и другое предположение: Геродотов «этноним» *Ανδροφαγοί* мог быть таким же литературным эпитетом, как и очень популярные в античную эпоху определения, наподобие *ιππφαγοί* («конееды»), *γακτοφαγοί* («млекоеды»), *φθειροφαγοί* («вшееды»). «Фтейрофагами» у Геродота назван народ, настоящее имя которого ему было прекрасно известно: будины. Предполагается, что настоящее название Геродотовых андрофагов было известно уже его современнику, логографу Гелланику [107, с. 145]. Интересно, что у Гелланика, если судить по пересказу Стефана Византийского, упоминание андрофагов отсутствовало. Вместо

этого читаем: «Амадоки – скифское племя, которое упоминает Гелланик в сочинении «О Скифии». Земля их называется Амадокией» [335, с. 314].

Реальность этой Амадокии, по-видимому, нашла подтверждение у Птолемея. Он указал в Европейской Сарматии «местность Амадока», «озеро Амадоки», «Амадокские горы», а также и самих амадоков «ниже соименных гор» [142, с. 235, 238]. Птолемея «озеро Амадока», с вытекающим из него «западным рукавом Борисфена», было сопоставлено у П. Шафарика с истоком Березины [383, с. 324]. Тогда «Амадокские горы», находившиеся, согласно Птолемею, на незначительном удалении от истоков Борисфена, можно сопоставить с Минской или Оршанской возвышенностью. Получается, что Птолемея этноним «амадоки» может быть локализован примерно там же, где и Геродотов – «андрофаги».

Согласно В. Томашеку, этноним *αμαδοκιαι* «переместился» в Поднепровье из Фракии. Там они, под собственным своим именем, были известны рядом с одрисами. Два одрисских князя носили имя *Αμαδοκος*: Амадок старший (405 – 391 гг. до н.э.) и Амадок младший (359 – 351 гг. до н. э.). Происхождение этнонима амадоков В.Томашеком объяснялось, исходя из санскритского *amadaka* – «сыроядцы», нем. *Rohfleischesser*. «Истинные фракийцы-скотоводы, писал он, постоянно употребляли животную пищу. Уже младенцы иногда получали лошадиную кровь, смешанную с молоком. Мясо всех видов было сырым или лишь частично прожаренным, разрезанным на тонкие ломти» [418, с. 98, 122, 206]. Надо полагать, впрочем, что днепровские андрофаги от этих фракийских амадоков совершенно не зависели.

Итак, несомненно, что места обитания «номадов» лесов, андрофагов, не перекрывались «вуалью» влияния скифского Юга. Область этих «мужеедов», известная также как Амадокия, располагалась, примерно, в бассейне Березины – Днепровской.

ГЛАВА V.

ДРЕВНИЙ МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ СИМБИОЗ: БУДИНЫ И ГЕЛОНЫ, ГЕЛОН И КАРИСК

Пожалуй, ни одному из Геродотовых племен «выше» Скифии, включая также и амадоков-андрофагов, не пришлось так «кочевать» по географической карте, как будинам. Их пробовали размещать в разных частях огромного пространства, от устья Немана и Вольни до Урала, Прикавказья и Закавказья. Еще в прошлом веке локализация будинов приводилась как пример особенных разногласий [156, с. 180]. А к настоящему времени, согласно подсчетам Б.А. Рыбакова, насчитывается целых семнадцать различных ее вариантов. А так как от локализации будинов прямо зависит локализация гелонов с их городом Гелоном, то и последняя, соответственно, тоже весьма многовариантна. Правда, большинство из известных вариантов будино-гелонской локализации к настоящему времени представляют уже скорее историографический интерес. Но, на наш взгляд, некоторые из попыток локализации будинов даже более чем столетней давности все же заслуживают внимания. Хотя бы потому, что некоторые из высказанных еще в XIX веке на этот счет идей, пусть и в несколько измененной форме, имеют хождение и поныне. Фактически они и лежат в основе некоторых новых и новейших вариантов локализации. А часть из очень давно допущенных ошибок со временем успели стать традиционными.

Итак, одна из традиций будино-гелонской локализации восходит к версии выдающегося слависта П. Шафарика. Критически подойдя к известиям «отца истории», П. Шафарик усмотрел в них существенный изъян, ведь, на его взгляд, Геродотово «помещение будинов за Дон противоречит преданию, по которому невры обитали в пределах будинов». Сообщение Геродота об обитании будинов близ Танаиса П. Шафарик счел ложным, а о переселении к ним невров, наоборот, истинным. Поэтому будины, считал он, и не могут быть

оторваны от невра. А так как Неврида П. Шафариком отождествлялась с летописной Нурской землей по Западному Бугу, то будинам им отводилась, соответственно, соседние Волынь и Беларусь. Он сослался, в частности, на то, что в Мстиславском уезде имелось село Будище и река Буда. «Буды», или «Будин» – так, по предположению П. Шафарика, должен был на самом деле называться и Геродотов город Гелон. Гелонов он считал не отдельным народом, а лишь «особенной ветвью будинов». А будины, по П. Шафарик, были одним из древних славянских племен [385, с. 308].

Отдельные моменты этой версии получили развитие в позднейших трудах историков, археологов и даже лингвистов. Так, М.И. Артамоновым на протяжении многих лет утверждалась будинская принадлежность многочисленных памятников скифской эпохи практически во всей лесостепной Украине, от Ворсклы до Южного Буга [22, с. 70 – 86; 23, с. 129 – 171]. Получалось, что на западе эти лесостепные будины соприкасаются с неврами, которые М.И. Артамоновым отождествлялись тогда с носителями высоцкой культуры Волыни и Прикарпатья. При этом гелонов, а также меланхленов и андрофагов он считал ответвлениями будинов, археологически от них неотличимыми.

Таким образом, данная версия скорее соответствовала, чем противоречила изложенной П. Шафариком. По существу отличие состояло лишь в смещении Шафариковых будинов несколько южнее, из лесной Беларуси в украинскую лесостепь. Свое объяснение тому рискнул предложить В.П. Кобычев [147, с. 45]. Он полагал, что лишь ко времени Геродота скифам удалось отгеснить будинов в леса и болота Полесья, где вслед за П. Шафариком и Э. Эйхвальдом их размещали также и некоторые белорусские исследователи [204, с. 28; 387, с. 71]. Древняя же родина будинов, по мнению В.П. Кобычева, находилась южнее, как раз там, где они были локализованы М.И. Артамоновым. В.П. Кобычев исходил из того, что этот прежний будинский ареал отмечен топонимами с корнем 'буд-, 'Буда-. То есть, наподобие тех, на которые в свое время ссылался П. Шафарик. Вместо них у А.А. Вержбовского уже были приведены гидро/топонимы типа Бал-инь, Слукова. По мне-

нию этого лингвиста, подобными названиями промаркирован «будино-голядско-летго-литовский», то есть древнебалтийский ареал в пределах Беларуси и Украины, вплоть до границы степей [55, с. 8 – 39]. То есть, для будинов отводилась все та же территория, несмотря на то, что в славянстве им было, наконец, отказано.

Впрочем, идея П. Шафарика о славянской принадлежности будинов всеобщей поддержкой никогда и не пользовалась. С нею издавна и вполне успешно конкурировало представление о финно-угорских будинах. Ведь В. Томашеку, например, удалось обнаружить в топонимии Вотяцкого края (Удмуртии) названия, которые имели не менее «будинское» звучание, чем те белорусские или украинские, на которые ссылались П. Шафарик и его последователи: 'Body, 'Bod'a, 'Bodino-pilga [417, с. 20]. Кроме того, многие исследователи в конце прошлого – начале нынешнего века серьезно увлекались тем, что самоназвание вотяков-удмуртов напоминало соответствующий древний этноним, «будин» или «вудин». «Корень самого имени вудины, писал, в частности, И.Е. Забелин, до сих пор сохраняется у вотяков, которые сами себя называют одо, от, ут, уд, уд-мурт, морт, откуда и мордва. Уд – собственное имя народа, а мурт или морт означает вообще человека» [111, с. 239]. Возражая против предложенной П. Шафариком славянской атрибуции Геродотовых будинов, И.Е. Забелин не менее решительно выступил в защиту «отца истории». Ведь свою гипотезу славянской принадлежности этого племени П. Шафарик построил, в конечном счете, на допущении, что Геродот элементарно ошибся, когда сообщил об обитании будинов выше савроматов. Такое допущение И.Е. Забелин считал совершенно недоказанным, потому что «достоверный Геродот» прямо, точно и очень ясно говорит о том, что на Дону живут савроматы, а выше их (к северу) живут будины, «народ многочисленный». Таким образом, он отказывался от компромисса, который предлагал, например, Ф. Браун. Ф. Браун отмечал очевидное несоответствие будинов из предания о бегстве невров будинам за Доном и допускал, что, возможно, «географический горизонт Геродота обнимает две народности этого наименования». Но представления И.Е. Забелина о чрезвычайно широ-

ком, от Десны до Камы и нижней Волги, расселении финноязычных будинов им, в общем, вполне разделялись. Ф. Браун попытался даже как-то примирить Геродотово известие о будинах «выше» степняков-савроматов с представлением о том, что их прямые потомки – это обитатели таежного Приуралья, удмурты и коми-зыряне. В самоназвании зырян, 'süg-ja, или 'sügta – «бок», «край», он видел индоиранский (савроматский) этноним «сирматы». Так савроматы, по Ф. Брауну, называли крайнюю южную часть будинов, потомки которых оказались впоследствии заброшенными даже в Архангельскую губернию [44, с. 85].

Как и выдвинутая П. Шафариком, версия, разработанная В. Томашеком, И. Забелиным и Ф. Брауном тоже оказалась продуктивной. Ведь это, в сущности, из нее и развились те две гипотезы о локализации Геродотовых будинов, гелонов и Гелона, которые остаются основными и по сей день.

Первая из них возникла довольно простым путем лингвистической, так сказать, модификации. Дело в том, что, вслед за многими тогдашними лингвистами Ф. Браун и И. Забелин неславянские названия большинства рек и речек в Левобережье верхнего Днепра и по верхней Оке считали древнефинскими – то есть, по их мнению, будинскими [44, с. 246; 111, с. 226]. Но, как известно, впоследствии финноугорская интерпретация массы этих гидронимов была специалистами пересмотрена в пользу древнебалтской. Соответственно, уже с древними балтами стали отождествляться и открытые на тех же территориях археологические памятники скифского времени, объединенные впоследствии под названием юхновской культуры [24, с. 82]. Кстати, о будинах в верховьях Оки у А.Д. Удальцова шла речь еще в 1947 г. [357, с. 6]. Впоследствии данная версия о балтских будинах, носителях юхновской культуры, была окончательно оформлена [299, с. 87; 401, с. 115 – 116]. И вышло так, что как раз она оказалась удачнее развивавшейся параллельно.

Локализация будинов по обоим берегам Дона в среднем его течении определенно восходит к представлениям столетней давности о задонских «сирматах» – «финских будинах». Характерно, что П.Д.

Либеров, основной разработчик среднедонской локализации Геродотовых будинов, тоже исходил из того же представления об их финно-угорской принадлежности. Свою версию он вообще попытался все-сторонне обосновать [174, с. 33 – 38; 175, с. 5 – 26; 177, с. 100 – 104]. Но главная из встретившихся при этом трудностей, по нашему мнению, состояла в том, что трактовка этой культуры в качестве будинской лишь приблизительно согласуется с Геродотовыми известиями. Что и заставило П.Д. Либерова явно «перенапрягать» эти известия. Как, впрочем, и археологические данные. В частности, чтобы найти соответствие Геродотову сообщению о номадизме будинов, понятию им вполне буквально, исследователь прибегнул к расчленению этого народа фактически надвое. Он отделил от оседлых будинов на Правобережье среднего Дона неких «кочевых» на Левобережье. Но, во-первых, ни сам Геродот, ни кто-либо из его античных коллег, ничего не знали о подобном раздвоении этого «племени большого и многолюдного» по образу жизни. Наоборот, Геродот, исходя из этого критерия, противопоставил гелонам, горожанам, хлебопашцам и садоводам, всех лесовиков-будинов целиком [99, с. 142 – 143]. И, во-вторых, искусственность выделения П.Д. Либеровым из их состава неких левобережных «кочевников» хорошо видна археологически. В задонской степи, как наш автор сам же и отметил, имеются лишь единичные крайне бедные и невыразительные памятники, которые он смог связать со своими «кочевыми» будинами. При этом поблизости располагается окраинная часть громадного массива достоверно савроматских древностей. Поэтому задонскую степь по Хопру и Битюгу, на наш взгляд, уместнее не «отдавать» этим археологически близким и неуловимым «кочевым» будинам, а считать савроматским аналогом той позднейшей «области страха», которая, согласно Тациту, простиралась на подступах к сарматским владениям римской эпохи [404, с. 73 – 84].

Далее, предложенная П.Д. Либеровым локализация будинов на обоих берегах Дона в среднем его течении может быть увязана с Геродотовыми данными на этот счет, в лучшем случае, только частично. Так, благодаря размещению «степных» в среднедонском Ле-

вобережье, будины в целом у него оказываются приблизительно «выше» – северо-западнее – савроматов. Не больше соответствия Геродотовым сведениям наблюдается и тогда, когда П.Д. Либеров говорит о взаиморасположении будинов и тиссагетов, среднедонской и городецкой культур, соответственно. Сопоставление последней с тиссагетами представляется нам вполне оправданным, на чем в соответствующей части данной работы специально остановимся и мы. Здесь подчеркнем, что из-за неверной, на наш взгляд, археологической атрибуции соседей тиссагетов, будинов, П.Д. Либерову снова не удалось избежать противоречия с Геродотом. Ведь, согласно Геродоту, непосредственно из земли тиссагетов берут начало впадающие в Меотиду северные реки, и среди них Танаис [99, с. 148 – 149]. Между прочим, в полном соответствии с этим указанием «отца истории», установлено наличие городецких древностей в Верхнем, а частично и в Среднем Подонье. С юга с ними тесно соседствуют памятники среднедонской, будинской, по П.Д. Либерову, археологической культуры. Но от будинов, по Геродоту, тиссагетская область должна находиться не так близко и не непосредственно к северу, а на довольно значительном удалении, в северо-восточном именно направлении. «Выше будинов к северу, говорит он, сначала простирается пустыня на семь дней пути, а за пустынею, более в направлении к востоку, живут тиссагеты ...» [99, с. 108 – 109].

Интерпретация соседства будинов именно с гелонами, географически ограниченная, в соответствии с его гипотезой, бассейном Среднего Дона, оказалась для П.Д. Либерова наиболее проблематичной. Выделить в массе памятников среднедонской культуры обладающие какой-то «гелонской» спецификой ему однозначно не удалось. Он попытался объяснить эту явную невозможность разделить древности среднедонского Правобережья на «будинские» и «гелонские» значительной культурной интеграцией. В доказательство П.Д. Либеров сослался также на Геродотово, якобы, сообщение «о том, что будины ведут такой же образ жизни, как и гелоны, хотя и говорят на языке особом» [175, с. 22]. К сожалению, это явная ошибка, так как на самом деле из своего сравнения образа жизни тех и других

Геродот делает противоположный вывод: «Будины же говорят не на том же языке, что и гелоны, и образ жизни у них не один и тот же» [99, с. 142 – 143]. Более того, Геродотом подчеркивались очевидные антропологические различия между ними. Будины, по его словам, все были голубоглазы и рыжеволосы, а также отличались от гелонов, помимо этого, телосложением и даже цветом кожи – видимо, большей ее пигментацией. Получается, что П.Д. Либеров зря пренебрег Геродотовой критикой в адрес некоторых эллинов, за то, что они и будинов неправильно именовали гелонами [99, с. 142 – 143].

Впрочем, П.Д. Либеров попытался следовать известиям «отца истории» буквально. Буквально по сюжету Геродотовой легенды об эллинском происхождении гелонов, им допускалось проникновение на Средний Дон древнегреческих эмигрантов, садоводов и торговцев [177, с. 102]. Присутствие первых осталось целиком гипотетическим. Материальным свидетельством деятельности вторых П.Д. Либеров считал наличие некоторого количества изделий греческих ремесленников в обиходе среднедонского населения, прежде всего, его военно-аристократической верхушки. Действительно, аристократические среднедонские захоронения имеют иногда в составе инвентаря великолепные образцы греческих импортов, как например, курган № 2 Мастюгинского могильника. Но при этом погребальный ритуал здесь остался типично «варварским», и о каких-либо заимствованиях из эллинской обрядности не приходится и говорить. Поэтому утверждение о «высокой степени эллинизации» погребенного в данном кургане воина-всадника, это, по крайней мере, неточность. Эллинизация, наподобие той, которую переживали соседние Ольвии или Боспору «варвары», на Среднем Дону, конечно, не происходила и произойти не могла. Обилие в этом регионе привозных изделий греческого ремесла свидетельствует скорее об успехах в торговле, обогативших местную верхушку. Сходным образом, обилие восточного серебра о какой-либо «иранизации» обских утров, конечно, никак не свидетельствует, хотя и придает раннесредневековой археологии Западной Сибири неповторимый колорит. При этом ни о каких сасанидских или византийских переселенцах за Уралом не идет и речи. Видимо, и на Среднем Дону

лишен смысла поиск «эллинических» гелонов. Кстати, здесь, наверное, будет любопытно привести оригинальное Боннелево объяснение «эллинизма» гелонов: не означало ли это, что они понимали греческий язык, равно как и скифский? [400, с. 94].

На среднем Дону, к тому же, отсутствуют какие бы то ни было следы большого поселения городского типа. Шанс на тождество граду Гелону у группы обыкновенных лесостепных городищ близ д. Волошино не увеличивается, даже когда П.Д. Либеров апеллирует к Фукидидову описанию Спарты – города, который «лишен пышных храмов и строений, но, по древнему обычаю Эллады, он состоит из селений». Но искомым объектом в данном случае была отнюдь не скромная Спарта, а Гелон, в Геродотовом описании которого как раз и фигурируют «храмы эллинических богов, украшенные по-эллинически деревянными статуями, алтарями и наосами» [99, с. 142 – 143]. Но справедливости ради, надо подчеркнуть, что в своем представлении об эллинизированных гелонах П.Д. Либеров был не одинок. В.А. Ильинская тоже высказывала предположение, что гелоны должны быть самым эллинизированным из числа сопредельных со Скифией нескифских племен [124, с. 91].

Но существуют еще гипотеза кавказской локализации Геродотовых будинов, гелонов и даже самого города Гелона. Эта гипотеза была активно поддержана также И.В. Куклиной, по мнению которой, в частности, «кавказская локализация будинов имеет под собой реальные основания в сообщениях античных авторов» [164, с. 139]. К этому можно еще добавить, что гидро/топонимия Кавказа также оказалась не лишеной некоторых, так сказать, «будинских» моментов. В частности, одно из озер в долине Маныча так и называлось – Будинское [337, с. 98]. Что будины на Северном Кавказе, в том числе в долине р. Маныча, были показаны, например, у П.Н. Кречетова и других авторов, И.В. Куклиной также отмечалось. Одновременно исследовательница ссылается на Л.А. Ельницкого, в нескольких публикациях которого получила развитие его попытка всестороннего обоснования локализации не только будинов и гелонов, но также и

меланхленов Геродота еще южнее, в Закавказье [105, с. 57 – 147; 106, с. 64 – 74; 107, с. 113 – 147].

При этом, согласно Л.А. Ельницкому, настоящими Геродотовыми будинами следует считать именно этих, закавказских, а не весьма удаленных от них континентальных. По мнению Л.А. Ельницкого, восточноевропейские будины вообще были обязаны своим появлением «топографическому недоразумению»: Геродот, будто бы, некритически перенес исконно кавказское название на одно восточноевропейских племен – Птолемеевых бодинов, или воудинов [107, с. 132 – 134]. Действительно, «гора Бодин» указана у Птолемея в Европейской Сарматии [142, с. 235]. Считается, что топографически она может соответствовать лишь Валдайской возвышенности. Правда, истинные ее координаты установить трудно, поскольку считается, что Птолемеева градусная сетка содержит ошибку примерно на одну треть, а долготы также сильно искажены [45, с. 141; 165, с. 13]. Поэтому, видимо, бодины у него оказались где-то севернее Карпат, «выше» певкинов, бастернов и карпианов. Наверное, в данном случае не прибавляет Птолемею доверия также и то, что современные ему этнонимы перемешаны с Геродотовыми и даже с мифологическими. Получилось, что гелоны, в частности, будто бы проживали по соседству и одновременно, с одной стороны, с аланами, и с «коненогими» – гиппоподами, с другой [142, с. 237]. Геродотовым Птолемеевы известия в случае с будинами и гелонами вряд ли способны создать серьезную конкуренцию, поскольку были, скорей всего, от них производными. В Птолемеевых, а также некоторых позднейших авторов, сообщениях о бодинах-видинах и гевинах-гелонах уместнее видеть не альтернативу известиям «отца истории» о будинах и гелонах, а скорее результат их искажения. Но прав ли был Л.А. Ельницкий в другом случае, когда указывал на кавказский, в конечном счете, первоисточник этих известий?

Аргументы, которые были использованы им для подкрепления своих выводов, сами по себе интересны, а в ряде случаев даже оригинальны. Но они, однако, далеко не всегда достаточно убедительны. Например, этим исследователем была усмотрена прямая

связь дионисийства гелонов именно с кавказским виноградарством. Конечно, невозможно отрицать, что традиции виноградарства, виноделия и винопития на Кавказе очень древние. Но ведь в Геродотовом упоминании о гелонских «вакхических» празднествах попросту невозможно усмотреть именно кавказскую их специфику [99, с. 142 – 143]. С другой стороны, существует также явно заслуживающее внимания предположение, что за «дионисийство» жителей града Гелона Геродотом (или уже его информаторами) было принято отправление ими собственного традиционного земледельческого культа [390, с. 194 – 206]. Органистические элементы, наподобие вакхических, в той или иной степени представлены в аграрных культах всех времен и народов [362, с. 56].

По-видимому, не был лишен их и культ земледельцев северо-причерноморской лесостепи скифского времени.

В других случаях интерпретация Л.А. Ельницким известных древних авторов лишена убедительности из-за неточностей. Например, он говорит о «взятии и разрушении г. Гелона войсками Дария», как о чем-то не подлежащем сомнению. Однако у «отца истории», на которого Л.А. Ельницкий, соответственно, сослался, в известном рассказе о походе армии Дария Гистаспа сквозь область будинов назван вовсе не великий город гелонов, а какая-то безымянная деревянная крепость будинов, этими будинами (а не гелонами) заблаговременно покинутая [99, с. 148 – 149]. Стоит отметить, что такую же ошибку произвольного отождествления г. Гелона и безымянной будинской крепости допустил в свое время еще И. Забелин. У И. Забелина она была усугублена сопоставлением, по чисто формальным признакам, античного Гелона со средневековым Увеком, лишенном, как показали археологические исследования, нагластований старше золотоордынского времени [111, с. 234]. Л.А. Ельницкий также обходится практически без археологической аргументации. Разве что жилые и оборонительные сооружения из дерева, обычные для древнего Кавказа, были поставлены им в связь с мнимым пожаром Гелона, согласно Геродоту, также сплошь деревянного ... Но этого явно недостаточно, чтобы локализовать данный пункт, вслед за Л.А. Ель-

ницким, где-то в Прикаспии или на Западном Кавказе. Как это будет видно в дальнейшем, географическая приблизительность, к сожалению, присуща также и предложенной Л.А. Ельницким локализации на просторах Закавказья различных древних этнонимов.

Несмотря на это, его гипотеза о первоначально закавказском проживании тех же гелонов нашла поддержку со стороны основного исследователя Большого Бельского городища Б.А. Шрамко. Он ссылается на Псевдо-Скилака, который, по его мнению, «фиксирует размещение гелонов между меланхленами и колхами» [392, с. 160]. В соответствующей части настоящей работы подчеркнуто, что эти кавказские «черноодетые» вовсе не обязательно должны считаться тождественными тем меланхленам, которых Геродот помещает севернее скифов «царских», вовсе не в горах, а в степи. Параллельно, и второй этноним, «гелоны», может быть точно таким же названием-«двойником», так же применявшимся эллинами для обозначения совершенно различных и чуждых друг другу «варварских» народов. На наш взгляд, этноним «гелоны» также мог иметь какой-то нарицательный смысл. Ведь, согласно Геродоту, гелоны – это, будто бы, эллины, «в древности» покинувшие гавани. Но продолжавшие, будто бы, пользоваться, наравне со скифским, также и эллинским языком [99, с. 142 – 143]. Поэтому этимология этнонима «гелоны» и топонима «Гелон», исходя из дорийского, *Ελλᾶν(ος)* – «эллин» – не выглядит случайной [337, с. 110]. Эллинизированных «варваров» было достаточно и на черноморском побережье Кавказа. Их происхождение и названия «эллинизировались» задним числом, например, гениохи – «возницы» (Диоскуров). В случае с гениохами имело место, согласно Ю.Н. Воронову, переосмысление, на греческий лад, какого-то местного наименования [61, с. 46 – 47]. Не удивительно, что, наравне с этими «лаконскими» гениохами или «Ясоновыми» ахеями, на кавказском побережье нашлось место и Псевдо-Скилаковым гелонам-«эллинам». Но тезки этих кавказцев в совсем другой части ойкумены могли иметь с ними не больше общего, чем скифские алазоны с малоазийскими гализонами-халибами на противоположной от них стороне Эвксинского Понта [336, с. 515 – 516]. Таким образом, преуве-

личивать значение созвучия Геродотова названия гелонов и их города с тем или иным из древних этнонимов Закавказья, будь то Страбоновы гелы или Псевдо-Скилаковы гелоны, не приходится.

Тем не менее, кажется, прямо в развитие соответствующих взглядов Л.А. Ельницкого, Б.А. Шрамко была выстроена целая теория поэтапной эмиграции Геродотовых гелонов на берега Ворсклы именно из-за Кавказа. По его мнению, дальнейшее продвижение гелонов на север зафиксировано Псевдо-Орфеевой «Аргонавтикой», согласно которой гелоны обитали рядом уже не с колхами, а с меотами [253, с. 269 – 270]. Б.А. Шрамко полагал даже, что эти гелоны к северу от Кавказа входили в киммерийский союз. В VIII – VII вв. до н. э. «киммерийские» гелоны из Приазовья изгоняются скифами и перебираются на окончательное жительство в левобережную лесостепь. В подтверждение такого переселения Б.А. Шрамко ссылался на ... Плутархово сообщение об изгнании киммерийских «предков» германских кимвров. Плутарх, кстати, дополняет пересказанную им литературную легенду о происхождении кимвров от киммерийцев комментарием, что сведения эти, дескать, основаны скорее на предположениях, чем на исторических данных [240, с. 72]. Никаких археологических данных в подтверждение предполагавшейся им миграции Б.А. Шрамко тоже не приводил.

Ни он, ни Л.А. Ельницкий даже не пытались как-то привлечь остальную часть античных известий о гелонах. Правда, за рамки Кавказа эти известия выходят, но не интересными из-за того, кажется, не делаются. Любопытно, например, что у Псевдо-Орфея гелоны упомянуты наряду не только с приазовскими меотами, но и с илирийскими батиаграми и фракийскими гетами, а также и с савроматами [253, с. 269 – 270]. Необходимо подчеркнуть, что обе эти темы, с одной стороны, о фракийской принадлежности гелонов, и о кочевнической принадлежности, с другой, вообще звучат в античной литературной традиции, пожалуй, еще более отчетливо, чем тема их связи с Кавказом. Иногда оба мотива сливаются вместе, как, например, у Вергилия: «как это обыкновенно делают бисалты и отважные гелоны, когда они перекочевывают на Родопу и в гетские пустыни и пьют

сгущенное молоко с конской кровью ...» [257, с. 197]. У Вабия Секвестра упомянуты «гелоны во Фракии, с разрисованной частью тела» [50, с. 272 – 273]; у Аммиана Марцеллина с гелонами «сопредельны агафирсы». Последним живописуется также гелонская «чрезвычайная дикость», доходившая, будто бы, до сдирания кожи с убитых врагов [11, с. 303]. Вообще этот скифский обычай гелонам был приписан еще Помпонием Мелоею, которого повторяют потом многие авторы – Солин и др. [250, с. 282; 65, с. 242]. Образ «быстрых, как птицы», «стрелonosных», «вооруженных колчанами», «чрезвычайно диких» гелонов вообще стал у латинских авторов нарицательным. В римскую эпоху популярны были также и рассказы о различных чудесах гелонской земли – об излечивающем бесплодие источнике, о неодолимо зловонном Гелонском болоте [65, с. 241], о «ненавидящих Марса» гелонских псах [84, с. 246] и даже о звере таранде, изменяющем окраску подобно хамелеону [103, с. 247].

На основе подобных известий, как о «фракийских» гелонах, так и о воинственных гелонах-«номадах», в принципе можно выстроить соответствующие гипотезы, альтернативные и равноценные как «кавказской», по Л.А. Ельницкому и Б.А. Шрамко, так и друг другу. Но вряд ли это имеет какой-нибудь смысл.

Зато требуется, кажется, наконец разобраться, есть ли рациональное зерно в гипотезе о кавказской локализации компаньонов Геродотовых гелонов – будинов. Бросается в глаза, что и в этом случае Л.А. Ельницкий опять обошелся практически без археологической аргументации [106, с. 70]. Остальные приведенные им доказательства, в общем, из области традиционных, наподобие использовавшихся еще в XIX веке. В частности, вслед за П. Шафариком, И. Забелиным и Ф. Брауном, он тоже оперировал напоминающими Геродотовы названиями, естественно, кавказскими. Л.А. Ельницким был приведен ряд этнонимов древнего Закавказья, скрывающий, с его точки зрения, реальный прототип будинов Геродота. Во-первых, это куты/гуды клинописных источников. Во-вторых, Страбоновы утии (витии), а также Плиниевы удины. И, наконец, будии самого Геродота.

Но обращает на себя внимание лишь приблизительное созвучие всех этих названий как между собою, так и с именем, собственно, будинов. Потом, вряд ли было корректным в принципе выводить название одного и того же племени от имен всех этих явно различных древних народов. Ведь, например, удины западного Прикаспия явно не тождественны будиям Мидии.

Впрочем, именно из тождественности для обоснования своей гипотезы Л.А. Ельницкий исходил и в другом случае. У него читаем: «Будинов на Западном Кавказе локализуют Страбон и Арриан, которые называют их также фтейрофагами, последний при этом ссылается на Геродота ...».

Но действительно ли в соответствующих местах «Географии» и «Перипла Понта» речь идет именно о будинах? Обращение к этим источникам заставляет усомниться в правильности предложенной Л.А. Ельницким интерпретации. Ведь Географ говорит, буквально, следующее: «К числу народов, собирающихся в Диоскуриаду, принадлежат фтейрофаги, получившие имя от своей нечистоплотности и грязи». В другом месте Страбон упоминает «ахеян, за ними зигов, затем генихов, далее керкетов, мосхов, колхов, живущих над ними фтейрофагов и другие мелкие народцы у Кавказа» [336, с. 471]. Видимо, есть больше оснований полагать, что под обидной кличкой «вшееды» у «отца географии» скрываются не Геродотовы будины, а один из «мелких народцев Кавказа». Те же обитавшие вблизи абхазского побережья Плиниевы салтии, например: «... народ салтии, у древнейших называвшийся фтейрофагами» [64, с. 290]. Итак, очевидно, что, по Плинию, кличка «вшееды» принадлежит вовсе не будинам ... Как, кстати, и по Птолемею. «Бодины», как уже говорилось, локализованы у Птолея где-то к северу от Карпатских гор. А «фтирофаги» – очень далеко от них, где-то в Заволжье, «на восток от реки Ра» [142, с. 247].

Л.А. Ельницкий предпочел не Плиниев, а Аррианов комментарий. «Итак, сказано в «Перипле Эвксинского Понта», если двинуться из Диоскуриады, первая стоянка будет в Питиунте, на расстоянии трехсот пятидесяти стадиев. Отсюда сто пятьдесят стадиев

до Нитики, где в древности жило скифское племя, о котором упоминает Геродот: он говорит, что этот народ ест вшей, и такая молва держится до настоящего времени [20, с. 271].

На ошибку, допущенную здесь Аррианом, в свое время указал еще Ф.Г. Мищенко. «Не зная, писал он, никакого народа вшеедов, кроме Геродотовских будинов, Арриан смешивает кавказское племя фтейрофагов, живущее неподалеку от Питиунта (ныне Пидунда), с будинами и полагает, что Геродотовское определение τούς φθειροτρωχτεοντας (вместо φθειροτραχεοντας) относится к этому кавказскому племени» [210, с. 85 – 86]. Получается, что Аррианово объяснение происхождения нелестного прозвища одного из племен черноморского побережья Кавказа (возможно, салтиев) – не более, чем литературный домысел.

Таким образом, по-видимому, нет никаких достоверных известий в пользу обитания где-то к югу от Кавказского хребта племени будинов, описание которого дал Геродот в своей «Истории». Но и в Элиановой «Истории животных», со ссылкой на Аристотеля, какие-то будины тоже упоминаются: «Приведем еще и следующее известие сына Никомахова: он говорит, [согласно известиям танаитов], что у будинов, живущих кругом Кариска, не рождаются белые овцы, но что все они черные» [141, с. 225]. Это Аристотелево сообщение, по мнению Л.А. Ельницкого, необходимо связывать именно с Прикавказьем. В данном случае с ним можно было бы согласиться, если бы черные грубошерстные овцы водились исключительно на Кавказе ...

Оставляя в стороне овцеводческий аспект, заметим, однако, что, на наш взгляд, о северокавказской локализации Геродотовых «будинов», точнее, фтейрофагов, в любом случае можно говорить лишь в высшей степени предположительно. Предположение о том, что под этим именем в Геродотовом изложении соответствующих эпизодов скифо-персидской войны могли скрываться союзники скифов, прикавказско-азовские меоты, уже высказывалось нами в первой главе. При этом была сделана ссылка на опубликованную В.В. Латышевым карту древнекавказских племен, где фтейрофаги показаны как раз в Прикубанье. Но к этому следует добавить, что, к сожа-

лению, такую их локализацию В.В. Латышев никак не аргументировал [333, с. 227].

Некоторые из коллег и современников В.В. Латышева попытались определить место жительства Аристотелевых и Элиановых будинов с помощью лингвистических доказательств. При этом исследователи исходили, во-первых, из предположения, что Кариск – сохранившееся оригинально будинское название. Во-вторых, этот топоним воспринимался ими как «несомненно финское слово» [44, с. 85]. Поэтому В. Томашек, в частности, ссылаясь на параллели, обнаруженные им в языке коми. На коми ‘Каг означает «город», ‘Кагус – «крепость». По В. Томашеку, производное, ‘Кагусок, «маленькая крепость», в эллинизированной форме и было передано как Καρίσκος [417, с. 20 – 21].

Довольно долго эта версия казалась вполне убедительной и надежной. Несмотря на то, что ее, собственно, легко можно поколебать, если предъявить лингвистические же контраргументы, но не из области финноугроведения.

Ведь надо принять во внимание, что предки коми, или любые другие древние финно-угры, обитали отнюдь не где-то по соседству с танаитами. Между тем, если верить нашим источникам, танаиты были осведомлены даже о деталях будинского овцеводства. Получается, что имеет смысл поискать аналоги названию «Кариск» в топонимике более близких к Понту областей, например, на черноморском побережье Кавказа. Сам Кавказ у Помпония Мелы и Плиния назван, соответственно, Кораксийскими горами и Кораксийским хребтом [64, с. 286; 250, с. 274]. Еще Гекатей, а за ним и другие древние авторы, упоминали на западном Кавказе Кораксийскую страну (Кораксика) и народ кораксов [18, с. 323 – 324; 67, с. 300; 142, с. 246 – 247; 253, с. 242]. Кораксов, то есть «воронов», Ю.Н. Воронов считал одним из гениохийских племен. Он сопоставил Птолемею реку Корак с Кадором. В Кадорском ущелье Ю.Н. Вороновым была локализована и страна кораксов, а Кораксийская крепость Гекатей Милетского сопоставлена с Пацхирской циклопической цитаделью, основ-

ной комплекс которой датируется V – I вв. до н. э. [60, с. 133 – 142; 61, с. 47].

Итак, почему бы не сопоставить эту Пацхирскую, или Кораксийскую, крепость с античным Кариском? Ведь созвучие здесь тоже налицо, да и место обитания будинов-овцеводов тогда не придется искать где-то в таежной стране Коми. Однако поддержать, даже таким образом, локализацию по Л.А. Ельницкому, видимо, не получится. Потому что, кроме камско-уральского и западнокавказского аналогов, для древнего топонима Кариск можно указать еще и другие.

Например, у Птолемея на южном берегу Крыма указан «мыс Коракс» (мыс Аю-Даг?) и Харакс на Ай-Тодоре [142, с. 240, 244 – 245]. Далее, в своем комментарии к Элиану В.В. Латышевым для сопоставления с Кариском предлагался известный в Нижней Мезии пункт *Καρίσκς*, или *Securisca* [142, с. 233, прим. 6]. Впрочем, и самим В. Томашеком во Фракии и Дакии указывались практически тезки его «финского» Кариска: *Καρίσκα* между Никополом и Свиштово, дакийский *Σκάρες*, византийский *Σκαρία* около Доростола [148, с. 282]. В. Георгиев в районе современного болгарского г. Видин отмечает еще касталь Каралара, *Σκαρίлара* [70, с. 188]. К этим фракийском названиям, по-видимому, ближе несколько иное прочтение Элианова топонима, предлагавшееся также и как *Σκαρίσκος*. Сейчас смысл подобных древнефракийских гидро/топонимов частично уже выяснен. Основа ‘*kog-*, ‘*ku-*, ‘*ku-*, представленная также, по-видимому, и в интересующем нас «будинском» названии, во фракийском языке имела значение «красный», согласно В.П. Яйленко. Согласно В. Георгиеву, ‘*skog-os* во фракийском имело значение «быстрый»; отсюда дакийские названия *Scoris*, *Σκωρίς* [68, с. 222 – 223]. Конечно, эти лингвистические подробности не могут нас заставить начать поиски будинских чабанов уже где-то на Балканском полуострове. Ведь для VII – V вв. до н. э. предполагается большая распространенность фракийских названий также в Северном Причерноморье, в частности, в Крыму и в Прикубанье. Там отмечено по несколько подобных топонимов. А одно из древних имен самой Кубани, *Ιταρίς*, связывается с фрако-дакийским ‘*up(a)* – «вода», «река» [398]. У Пом-

пония Мелы нижняя Кубань фигурирует как «река Кораканда, изливающаяся двумя руслами в озеро (Меотиду) и в море (Эвксинский Понт)» [250, с. 275]. У Страбона на Таманском полуострове упоминается селение Коракандама [336, с. 469 – 470]. Этот, скажем так, намек на возможную локализацию Элианова Кариска в Прикубанье представляет определенный интерес. В связи с тем, что, как уже было сказано, именно с Кубанью отождествляется Танаис Геродотова изложения перипетий скифо-персидского конфликта, который следует приурочить к Северному Кавказу. Итак, Кариск, кубанская крепость с фракийским именем, был, скорее всего, меотским. Скорее уже этот Аристотелев-Элианов Кариск, а совсем не град Гелон, мы склонны считать тождественным той брошенной будинами деревянной крепости, на которую, согласно Геродоту, «натолкнулись» персы.

Приходится вспомнить, получается, старое допущение Ф. Брауна о том, что Геродотов географический горизонт включал две народности с одинаковым наименованием «будины». Причем, к тому же, обе эти Геродотовы народности оказываются на одноименных реках. Ведь, как уже говорилось выше, тот Танаис, через который переправлялись персы, до того как они сожгли крепость будинов, считается Кубанью, а не Северским Донцом или Доном.

И все же Дон-Танаис был, по Геродоту, естественной границей между современными ему скифами и савроматами. Степная Савроматия, совершенно лишенная, согласно Геродоту, и дикорастущих и садовых деревьев, простирается на пятнадцать дней пути, если считать от «самого дальнего угла Меотиды», в который и впадает Дон-Танаис. Выше Савроматии у «отца истории» недвусмысленно и однозначно, и в этом И.Е. Забелин был совершенно прав, помещается лесная страна будинов [99, с. 108 – 109]. Но оказывается, что в данном случае попытка следовать Геродотовым указаниям так же однозначно и неизбежно вступает в противоречие с реальной географией. Ведь если отложить вдоль «ногайского» – левого берега Дона то расстояние, которое, согласно Геродоту, отделяло будинов от «угла Меотиды» – Таганрогского залива, то они окажутся у нас в голой степи по Медведице и Хопру, а не в области, «поросшей разнообраз-

ным лесом» [192, с. 40]. К тому же, как это уже однажды отмечалось, Геродотово утверждение о затанаисской локализации будинов противоречит другому его известию, о локализации тиссагетов. Согласно Геродоту, тиссагеты проживали, во-первых, на семь дней пути к северо-востоку от будинов. И, во-вторых, этим тиссагетам принадлежали верховья Танаиса [99, с. 148 – 149]. Считается, что большой излучины Дона Геродот не знал и эта река представлялась ему текущей прямо с севера на юг [386, с. 18]. Тогда Геродотовы будины, если бы они действительно занимали только какой-то участок на Левобережье Дона, никак не могли одновременно оказаться юго-западнее от его верховьев.

Наличие отклонений от строгого направления пути из Ольвии к исседонам предполагалось Б.Н. Граковым; позднее существование таких же дорожных «петель», проложенных по землям безопасных для торговцев мирных и дружественных племен, допускалось также Д.А. Мачинским [189, с. 36]. Согласно Геродоту, торговыми дорогами, которые вели в богатые пушниной земли лесных племен, пользовались не только борисфениты, но и купцы из других понтийских гаваней [99, с. 108 – 109]. Считается, что некоторые из этих гаваней, а именно греческие города на Боспоре Киммерийском, «отец истории» не назвал по именам из политических соображений [24, с. 119]. Боспорские торговцы к будинам, которые в самом большом своем озере ловили бобров, выдр и еще каких-то пушных зверей с квадратными мордами, вполне могли добираться кружным путем. Сперва, от «угла Меотиды», пятнадцать дней через савроматскую степь по левому берегу Танаиса - Дона, потом – преправа через него, не доходя до тиссагетов, и еще несколько дней пути на той стороне в западном, в общем, направлении. Только тогда и будет соответствие с Геродотовым взаиморасположением племен, савроматов, будинов и тиссагетов.

Конечно, ольвийские и скифские торговцы, чтобы попасть к будинам и далее, вряд ли пользовались той же самой задонской дорогой, что и боспоряне. Считается, что торговый путь из Скифии к раннегородецким городищам рязанской группы проходил по верхней

Оке и ее притокам [324, с. 58]. Бассейн верхней Оки был включен О.Н. Мельниковской в ареал юхновской культуры, на наш взгляд, совершенно справедливо [201, с. 10 – 11]. В частности, такое хорошо исследованное городище эпохи раннего железа данного региона, как Сатинки, обладает довольно выразительной юхновской принадлежностью материальной культуры. Установлено, что Сатинкское городище было заметным центром бронзолитейного производства по скифским образцам [120, с. 122 – 139]. Возможно, оно также играло роль важного транзитного пункта на вышеназванной торговой дороге. Один из ее отрезков непосредственно соединял юхновские поселения в Верхнем и городишки в Среднем Поочье. Тогда он должен быть ничем иным, как тем самым семидневным отрезком великого торгового пути от Ольвии в глубину заскифских земель, который, согласно Геродоту, от будинов поворачивал на северо-восток к тиссагетам.

Специально остановимся на том, что, на наш взгляд, среди прочих синхронных ей археологических культур восточноевропейской лесной полосы именно юхновская обладает наилучшим соответствием всем Геродовым сообщениям о будинах. В частности, многолюдность «юхновцев» не может вызвать сомнений. Ведь они действительно расселились на поросших разнообразными лесами огромных пространствах среднерусской полосы. Установлен высокий удельный вес в их хозяйстве охотничьих промыслов, в том числе и бобрового [369, с. 57]. Уже сам характер ландшафтов должен был располагать носителей этой культуры и к другим, также требовавшим «номадизма» занятиям, к числу которых следует отнести и подсечно-огневое земледелие. Впрочем, вопрос о смысле «кочевания» лесных Геродотовых племен нами уже был затронут. Может быть, стоит еще добавить, что само представление о кочевом, наподобие скифского, образе жизни будинов – это ни что иное, как результат довольно поздней вульгаризации. На эту мысль наводит, например, сравнение соответствующих Геродотовых известий с таким вот комментарием Стефана Византийского: «Будины – скифское племя, на-

зывается так потому, что кочует (δινεῖται) на телегах, влекомых быками (Βύς), ибо скифы – народ кочевой» [335, с. 317].

Конечно, особняком стоит вопрос об истолковании, на юхновской, так сказать, почве, Геродотова известия о фтейрофагии будинов. Многие авторы снова и снова пытались снять с этого племени подозрение во вшеедстве, применяя для этого разные способы. Наиболее удачным было, кажется, предложение считать будинов зачинателями русского народного обычая грызть семена *pini sembrae* – кедровые орешки. Ведь ареал сибирского кедра частично захватывал также территорию финно-угорских народностей в Приуралье, то есть, бывших «финских» «вудинов» [49, с. 25; 210, с. 75]. После того, как и это объяснение будинской фтейрофагии не подтвердилось, появилось, в конце концов, весьма оригинальное, и применительно именно к нашим «юхновцам». Было предложено считать поедание ими, якобы, шишек неким древним анекдотом, который сочинили о них соседи, более цивилизованные лесостепные земледельцы [299]. Но поедание шишек – вовсе не анекдот, о чем свидетельствует, в частности, испанский путешественник Кабеса де Вака, который сообщает даже рецепт изготовления индейских лепешек из семян североамериканской сосны [129, с. 89]. Но все же убедительнее выглядят доводы тех исследователей, которые считали Геродотовых будинов одним из многих племен, вполне атавистически не брезгавших раскусыванием собственных паразитов [210, с. 88; 347, с. 99].

В свете Геродотовых известий о будинах и о переселении в их страну гелонов, по-видимому, особый интерес представляют миграционные процессы, происходившие в лесостепном днепровском Левобережье еще накануне начала скифской эпохи. Здесь тогда существовала бондарихинская культура позднего бронзового века, которая считается предшественницей интересующей нас в связи с будинами культуры юхновской, целиком принадлежащей уже к эпохе железа. Генетическая связь между обоими этими культурами признается несомненной, о чем свидетельствует совпадение многих основных черт их обеих. Но не совпадают юхновский и бондарихинский ареалы, расположенные, соответственно, в основном в лесной и в лесостеп-

ной зонах [121, с. 63; 123, с. 73 – 95; 221, с. 126 – 131; 392, с. 10 – 12]. Отселение «бондарихинцев» в северный лес объясняется давлением на них, накануне начала скифской эпохи, во-первых, киммерийских степняков, а также чернолесских пришельцев из-за Днепра, во-вторых [47, с. 85, 89]. В древнем бондарихинском ареале, по нашему мнению, как раз и следует видеть ту самую страну будинов, которую имел в виду Геродот, когда он говорил о переселении в нее гелонов. Гродотовы гелоны, следовательно, это чернолесские переселенцы из Среднего Поднепровья. Основанное ими на Ворскле Бельское городище, соответственно, надо считать градом Гелоном. Здесь, конечно, возможно возражение такого плана: хорошо известно, что этот Гелон – Бельское городище расположен все же не в лесных дебрях, как следовало ожидать, буквально, по Геродоту, а в лесостепи. Но это затруднение, кажется, исчезнет, если учесть, что, как уже отмечалось, лесостепь не выделялась «отцом истории» в качестве самостоятельной ландшафтно-географической зоны, наравне со степной и лесной. Лесостепное Поворсклье, по-видимому, вполне могло восприниматься как противоположность степей, очень бедных лесом, согласно Геродоту, или даже вовсе безлесных [99, с. 108 – 109, 120 – 121].

Наличие этого единственного города, известного Геродоту в глубине Скифии на значительном удалении от берега Понта – главный признак земли гелонов. Вопрос о локализации Гелона продолжает дискутироваться, но вряд ли Бельскому городищу всерьез можно противопоставить какую-либо другую кандидатуру. Шансы волжского Увека, как было сказано, исчезли сами собою. Не составили никакой серьезной конкуренции даже несколько городищ среднедонской культуры у с. Волошина, вместе взятые. Их далеко превосходят по масштабам Пастерское, Шарповское, Будянское и Макеевское городища на Тясмине, совокупность которых И.В. Фабрициус попыталась представить как «гелано-эллинский полис Гелон». Но эта попытка давно и обоснованно отвергнута [341, с. 147 – 153]. Не выдерживают критики и попытки смешать град Гелон со сгоревшей будинской крепостью и локализовать его то ли в Прикаспии, то ли в

западном Закавказье только на том, собственно, основании, что в те края «легко могли проникать персидские отряды» [106, с. 70].

Видимо, успех локализации Гелона обусловлен главным образом корректным, без их «перенапряжения», использованием Геродотовых известий об этом городе. Притом, по-видимому, наконец, настала пора отказаться от поисков следов присутствия в Гелоне неврагов, которые «эмигрируют» туда только благодаря явной коррумпированности исходного Геродотова текста. Милоградских материалов на Бельском городище нет и быть не может. Но нет там также и юхновских комплексов. Впрочем, у самого Геродота о присутствии среди горожан Гелона также и будинов нигде и не говорится. Из того варианта перевода Геродота, который предложили А.И. Доватур и его соавторы, особенно ясно следует, что известия об участвовавших в регулярных дионисиях горожанах целиком относятся к гелонам, а совсем не к будинам [99, с. 143]. Будины непосредственно с этим городом стали связываться, собственно говоря, только благодаря слишком вольному пересказу Геродота Помпонием Мелой: «Будины населяют деревянный город Гелоний» [250, с.276]. Его «Хорографии» в этом доверились, к сожалению, не только многие римские, но и, как оказалось, некоторые современные авторы. На наш взгляд, некоторые бондарихинские реминисценции в культуре Бельского городища логичнее считать не свидетельством проживания в Гелоне отдельной будинской общины, а только проявлением местного субстрата в среде горожан-гелонов.

Кажется, лишен также перспективы и поиск среди них переселенцев с дальних морских побережий, будь то понтийские эллины или эллинизированные варвары Нижнего Подонья [392, с. 91]. В сущности, оба эти мнения опираются только на генеалогическую легенду, объяснявшую происхождение гелонов или, вернее, их этнонима, созвучного самоназванию эллинов [40, с. 29 – 32; 124, с. 91].

Геродот явно нуждался в подобном сюжете, «эллинизирующим» происхождение гелонов. Потому что, с одной стороны, он особо подчеркнул, как северопонтийские «варвары» избегают заимствования чужеземных обычаев и какое особенное отвращение питают

они к вакхическим обрядам [99, с. 128 – 131]. С другой стороны, именно этим, отвратительным скифам, обрядам и следуют его гелоны. Их «греческое» происхождение снимало противоречие. Если скифские божества получили у Геродота свой греческий эквивалент, то неудивительно, что гелонский земледельческий культ был воспринят как тождественный эллинскому национальному, тем более, что культовые постройки гелонов в какой-то степени напоминали, по-видимому, греческие храмы. Например, просторное, 260 x 40 м, святилище VI – V вв. до н. э. с деревянной колоннадой, открытое на восточном Бельском городище. По-видимому, поселение, где имелись подобные храмы и ежегодно справлялись «вакхические» празднества, не могло в глазах эллинов низводиться до статуса прочих окрестных варварских, и поэтому Геродот называет Гелон «полисом».

Согласно В.А. Ильинской, коль скоро, согласно легенде, гелоны были потомками эмигрантов из греческих гаваней, то их переселение в страну будинов могло произойти лишь в то время, когда античные города в Северном Причерноморье уже существовали – не раньше середины V в. до н. э. Но, по нашему мнению, никакой необходимости подобной увязки нет. Обратим внимание, что «эллинизирующая» родословную гелонов легенда, на которой остановилась В.А. Ильинская, в принципе, не уникальна. Она принадлежит к кругу аналогичных преданий о довольно многих племенах и народностях Причерноморья, особенно кавказского побережья, ведущих свой род, будто бы, от эллинов или даже от героев эллинских мифов. В таких легендах в мифологизированной форме оказались запечатленными контакты между греческими колонистами и различными группами туземного населения. Что же касается сюжета, в котором фигурируют будто бы «покинувшие гавани» гелоны, то, по-видимому, реальной хронологией основания и расцвета колоний может быть лимитировано только время оформления самой этой легенды. Вернее, самой поздней ее версии. Потому что само ядро сюжета (рассказ о переселении гелонов) присутствует также и в явно более древнем мифе – о полугреческом, от союза Геракла и Эхидны, происхождении их эпонима, вместе с Агафирсом и Скифом. Возраст легенды о трех братьях

от времени основания колоний независим. Какие-либо препятствия для сопоставления сюжета об изгнании Гелона с переселением «чернолессцев» на Ворсклу в VIII – VII вв. до н. э., видимо, отсутствуют. Подчеркнем кровное родство мифических Гелона и Скифа, а также археологически установленной культурной близости Поворскля и днепровского лесостепного Правобережья в скифскую эпоху.

Надо остановиться еще на одном немаловажном моменте. У нас получилось, что вселившиеся в древнюю Будинию гелоны и основанный ими великий город Гелон очутились именно внутри Скифии, а не вне нее. Конечно, это противоречит издавна утвердившемуся представлению о взаиморасположении скифской и будинской земли. Считалось (и считается) вполне естественным видеть в будинах одну из соседних со Скифией народностей, наравне с агафирсами, неврами, андрофагами и меланхленами [124, с. 84]. Но как раз вот такой традиционный подход самому Геродоту и противоречит. Ведь «отец истории», называя по очереди всех северных соседей Скифии, вовсе не упоминает ни о каких будинах: «Начиная уже от Истра, в тех областях, которые расположены выше и внутри материка, Скифия ограничена вначале агафирсами, после неврами, затем андрофагами и, наконец, меланхленами» [99, с. 140 – 141].

По нашему мнению, Геродот не назвал в данном случае гелонов и будинов отнюдь не по забывчивости, а вполне сознательно. Чтобы понять это, припомним рассмотренную уже этнополитическую ситуацию Среднего Поднепровья скифского времени. А она была такова, что Геродотова дефиниция «скифы-борисфениты» неизбежно должна была относиться также и к носителям милоградской культуры. «Милоградцы» Среднего, и, вероятно, частично Верхнего Поднепровья принадлежали к Скифии прежде всего политически. Такими же политическими причинами, наверное, было обусловлено и отнесение к Скифии гелонов и будинов.

Случайно или нет, но в Геродотовом описании «саммита» по вопросу противоперсидского союза «басилевсы» отказавших скифам агафирсов, невров, андрофагов и меланхленов названы в том же самом порядке, в каком выше эти народы были уже однажды перечис-

лены «отцом истории» в качестве северных соседей Скифии [99, с. 140 – 141, 146 – 147]. Кажется, причину отсутствия в последнем перечне будинов и гелонов можно установить также и с помощью самого Геродота. Ее проясняет отмеченная у него солидарность со скифами, которую «цари» этих народов проявили, будто бы, наравне с савроматским.

Но, вопреки мнению Б.А. Шрамко [392, с. 161], для предположения политической независимости будинов и гелонов вряд ли достаточно одного Геродотова известия об участии в переговорах, наравне с другими «царями», также гелонского и будинского. Более уместно здесь, по-видимому, как раз противоположное предположение. О гегемонии скифов-басилидов в том обширном военно-политическом союзе, к которому на каких-то вассальных правах принадлежали также скифоязычные и родственные скифам гелоны вместе с иным по крови и языку народом – будинами. Впрочем, эти будины в Геродотовы времена были уже так тесно интегрированы со своими партнерами, что у эллинов они тоже именовались гелонами. Гелонское или скифское влияние не охватывало весь огромный юхновский ареал. Но в некоторых частях его, в Посеймье, в среднем Подесенье и верхнем Поочье юхновская культура была, пожалуй, не менее скифизированной, чем соседняя милоградская в южных частях своего ареала [120, с. 122 – 139; 310, с. 52 – 62]. Видимо, такие памятники, как Сатинки, и следует связывать с Геродотовыми будинами.

Итак, «тезкой» раннеюхновских будинов, по-видимому, было какое-то из раннемеотских объединений Прикубанья, обладавшее «деревянной крепостью» – Кариском. Этим сходство между обоими будинскими группировками не ограничивалось: их сближало также и то, что они обе являлись составными частями прочного союза с иноплеменниками, соответственно, гелонами и скифами. Гелонский город, по нашему мнению, в археологии давно известен – как Бельское городище на Полтавщине.

ГЛАВА VI. ВОПРОС О ЛОКАЛИЗАЦИИ МЕЛАНХЛЕНОВ, ТИССАГЕТОВ, ЙИРКОВ И «ОТЛОЖИВШИХСЯ» ОТ «ЦАРСКИХ»

Мы постепенно «приблизилась» к тому углу «скифского тетрагона», где наш «заскифский» Север «переходит» в Северо-Восток. Здесь нас ожидают несколько племен, и в числе их скифы, «отложившиеся от царских», локализация которых всегда вызывала определенные затруднения.

Итак, первое из этих племен – меланхлены – представляют определенную загадку в античной этногеографии. Их упоминают многие авторы, поэтому сомневаться в реальности существования этого племени не приходится. Однако о меланхленах достоверно известно, собственно, лишь то, что их имя означает по-гречески «черноризцы», «черноодетые» и т. п. Гекатей из Милета считал меланхленов скифским племенем [67, с. 299], а Геродот напротив, иным, не скифским [99, с. 106 – 107]. Если у этих авторов меланхлены помещаются в Европе, то Псевдо-Скилак указывает их в Азии, на черноморском побережье Кавказа [255, с. 242]. Отдав предпочтение Геродотову или Псевдо-Скилакову варианту локализации меланхленов, исследователь получит еще одну дилемму. Постольку, поскольку обоим этим вариантам локализации альтернативен третий, опирающийся на такой надежный документ, как декрет в честь Протогена [93, с. 634 – 638]. По декрету, в районе Ольвии также было известно племя «одетых в черное», но не под греческим названием *Μελάγγλοινοι*, а под иранским, 'saudaratai – савдараты. К тому же и Дионом Хрисостомом сообщается, что одежда у горожан Ольвии – Борисфена большей частью черного цвета, по примеру одного скифского племени, меланхленов [96, с. 230]

Получается, что большое разнообразие известных в науке мнений о месте обитания меланхленов, равно как и об их этнической и языковой принадлежности и т. д. [99, с. 234, 340 – 351; 221, с. 133 – 136], обусловлено особенностями самых древних письменных источников. Письменные источники пыгались комментировать с помощью других данных, но и эти имеют подобный противоречивый характер. В частности, В. Томашеком предполагалось, что этнографические данные о мари - черемисах, вплоть до XVIII в. носивших только черные кафтаны, позволяют отождествлять меланхленов с их предками [417, с. 18]. Однако черные одежды были не менее в прошлом традиционны и у некоторых кавказских народов, у отдельных групп славян, балтов, германцев и др. [111, с. 230]. И.Е. Забелин обратился также к лингвистическим (топонимическим) данным: названия Чернигов и Воронеж, которые дают понятие о черном, обозначали, по его мнению, располагавшуюся между ними в древности «полосу жилищ меланхленов». Но в этой же полосе представлены и другие древние названия, связанные, наоборот, с белым цветом: Белая Вежа старая, город в Черниговском княжестве, Бельск, на Ворскле, Белгород и т. д. Результаты же археологических изысканий допускали локализацию меланхленов и на Десне [348, с. 55 – 630], и на Северском Донце [389, с. 233].

Видимо, ведущая роль в вопросе о меланхленах принадлежит не этнографическим, лингвистическим и пр. данным, а все же сведениям письменных источников. Требуется, следовательно, объяснить противоречия этих источников. Л.А. Ельницкий исходит из того, что локализация меланхленов у Гекатея и Геродота в глубине материка Европы, в двадцати днях пути от морского побережья, есть результат географической аберрации. Поэтому исследователь отдает предпочтение прикавказской локализации меланхленов, как у Псевдо-Скилака, а появление Геродотовой объясняет так. Рипейские горы, изначально тождественные Кавказу, по его мнению, со временем стали помещаться греками не к востоку, а к северу от черноморского побережья. Эти северные горы, но без имени Рипеев, упомянуты и у Геродота, у которого, в результате той же аберрации, переместились

вслед за ними и некоторые прикавказские племена. По Л.А. Ельницкому, наименование меланхленов «вызывает совершенно определенные ассоциации и заставляет вспомнить о бурках - оригинальной одежде, употребляемой кавказскими народами, которая вполне могла стать причиной подобного имени» [105, с. 72].

Однако «меланхленские» ассоциации знаменитыми бурками все же не исчерпываются. С учетом мнения К.Ф. Смирнова, племенное имя «одетых в черное» должно связываться не с горцами Кавказа, а со степняками-сарматами. Сославшись на В.И. Абаева, который считал савдаратов сартматским племенем, этот исследователь отметил также, что принадлежностью одежды сарматов были короткие, вероятно, темные плащи [1, с. 184]. Если говорить о вероятности Геродотовой ошибки, из-за которой имя меланхленов «перекочевало» на север, будучи связанным с Кавказом – Рипеями, то она невелика. Ведь у подножия высоких непроходимых гор, к которым из страны скифов ведет дальняя и трудная дорога, у Геродота помещаются вовсе не меланхлены, а аргиппеи.

Допустимо, конечно, что Гекатей и Геродот использовали для наименования народа, обитавшего в глубине материка Европы, этноним, под которым эллины знали также одно из кавказских племен: как известно, названия-«двойники» в античной географии совсем не редкость. Но это не дает оснований сомневаться в реальности существования, наравне с кавказскими, также и европейских меланхленов, или предполагать зависимость источника Геродота от того, которым пользовался автор Псевдо-Скилакова перипла. Между прочим, М.И. Ростовцевым ставилось под сомнение даже наличие в последнем каких-либо частей, восходящих к сочинению самого Скилака Кариандского или к какому-либо другому периплу V в. до н.э. Перипл Псевдо-Скилака отнесен им ко времени не ранее первой половины IV в. до н.э., тогда как Геродотова «История» создавалась, самое позднее, в третьей четверти V в. до н.э. За период, разделяющий источники Геродота и псевдо-Скилака, успел произойти, согласно М.И. Ростовцеву, поворот в торгово-географических интересах эллинов [292, с. 23 – 25]. До конца V в. до н.э. интерес вызывала прежде всего Оль-

вия, на торговых путях от которой вглубь скифских земель и далее специально останавливается Геродот. Позднее Ольвия почти игнорировалась, а на первый план вышли Крым, Синдика и кавказское побережье с местными меланхленами, чем и объясняются отличия Псевдо-Скилака от Геродота. Геродотовы сведения о меланхленах, кстати, обнаруживают самостоятельность и в отношении более ранних, Гекатеевых данных, если, конечно, при репродукции последних Стефаном Византийским не допущены искажения. Согласно Гекатею, меланхлены – народ «скифский» [67, с. 299], тогда как по Геродоту они «племя иное, не скифское» [99, с. 106 – 107]. Допустимо, что Геродотовы сведения о меланхленах, так же как и о других племенах, проживавших «выше» скифов, последними ему и предоставлены. В частности, скифский источник своей информации о неврах-оборотнях Геродотом называется непосредственно [99, с.140 – 141]. Поэтому, перефразируя М.И. Ростовцева, можно сказать, что устами Геродота с нами говорит не только иониец, но и скиф. Один из семи переводчиков, услугами которого пользовались, согласно Геродоту, добравшиеся до плешивых аргиппеев скифские торговцы, видимо, предназначался для меланхленов, землю которых они проходили. Следовательно, ираноязычность Геродотовых меланхленов маловероятна. Из-за этого уменьшается и вероятность их тождества с сарматскими, по В.И. Абаеву, савдаратами декрета в честь Протогена. Этот документ принято датировать концом III в. до н. э.: от Геродотова времени его отделяет продолжительный и бурный период изменений в этнической истории Северного Причерноморья, в результате которых близ Ольвии оказались племена – выходцы из бассейна Дона и т. д. Поэтому высказанное относительно савдаратов еще Ф. Брауном [44, с. 90]. предположение, – «Не меланхлены ли это, увлеченные сарматами?» – не приходится сбрасывать со счета.

Безотносительно к наличию у них связи с позднейшими савдаратами, современные Геродоту меланхлены, очевидно, не тождественны кавказским, которых Псевдо-Скилак помещал «за народом коликою». Геродотовы меланхлены помещались им где-то за скифами, но локализация их весьма неотчетлива. Меланхлены не связыва-

ются у него прямо ни с какой рекой, а ведь именно речная сеть играет роль географического костяка Геродотовой Скифии. Это племя связывается с какими-то λίμναι – болотами, или, – вариант перевода – озерами, отделявшими будто бы меланхленов от безлюдных земель [99, с. 106 – 107]. Попытки сопоставить упоминаемые Геродотом с реальными болотами (Рокитовскими близ Ровно, полесскими, муромскими) или озерами (Ладогой, Ильменем и др.) в сущности, ни к чему не привели: и те, и другие имеются в любой части полосы, прилегающей с севера к причерноморской степи [99, с. 234]. Как известно, Геродот считал, что большие скифские реки, кроме Борисфена, вытекают из озер, расположенных в глубине материка. Он называет такое озеро – «мать Гипаниса», озера в истоке Тираса и Танаиса [99, с. 118 – 121]. Эти озера, по предположению Дж. О. Томсона, просто-напросто придуманы Геродотом – потому что, отрицая существование на севере Европы пресловутого Рипейского хребта, как у Гекатея, он нуждался в другом источнике, объяснявшем многоводность скифских рек [347, с. 99]. Если предположение Дж. О. Томсона правомерно, то право на реальность могут потерять и озера «выше» меланхленов.

Вполне реально, что ориентир, помещенный Геродотом с противоположной от них стороны, – это область самых храбрых и многочисленных скифов – «царских». Но их владения от Таврики и «отрывающегося» от Борисфена Герра доходили до Танаиса [99, с. 106 – 107], т. е. охватывали такую обширную территорию, что меланхлены «выше» нее не могут быть локализованы точно. Используя подобный ориентир, их с равным успехом можно помещать на Десне, Донце, на Дону. Оптимизировать ориентировку по «царским» попытался Б.А. Рыбаков. По его мнению, говоря об этих соседях меланхленов, Геродот имел в виду не основной массив «царских», а отложившихся и удалившихся от них «особых» скифов. Последние у него помещены на среднем Дону, в области знаменитых воронежских курганов, и помещены весьма произвольно. Ведь уже одну знаменитую находку в «Частых» курганах серебряного сосуда с иллюстрацией к генеалогическому мифу скифов «царских» Б.А. Рыбаков счел достаточным

доказательством как для бытования в IV в. до н. э. на среднем Дону этой легенды, так и для локализации именно там отщепенцев от «царских» [299, с. 121]. Но с подобным истолкованием не согласен Д.С. Раевский, на чьей интерпретации данной находки Б.А. Рыбаков как раз и основывался. Ведь неким этническим определителем произведения греческой торевтики, к числу которых относится также и знаменитый серебряный сосуд из воронежских курганов, служить не могут. И уже поэтому данной находки явно недостаточно для вывода об одноэтничности «царских» скифов и населения Среднего Дона. Идеологию последних, по Д.С. Раевскому, изображение на упомянутом сосуде вообще вряд ли отражает. [244, с. 44].

Далее, Б.А. Рыбаковым, очевидно, не было замечено, что соседями этих «отложившихся», по Геродоту, являются совсем не меланхлены, а йирки: «Выше йирков, если отклониться к востоку, живут другие скифы, отложившиеся от царских скифов и по этой причине прибывшие в эту страну». Об йирках Геродот сообщает также, что они обитали в тех же самых местах, что и тиссагеты - следовательно, недалеко от истоков Танаиса [99, с. 108 – 109]. Геродотову сообщению об йирках, конечно, больше соответствует совсем другая локализация «отложившихся», в частности, предложенная Д.А. Мачинским: восточнее Дона, в Заволжье [192, с. 34]. Таким образом, если соблюдать предложенную Б.А. Рыбаковым ориентацию меланхленов по «отложившимся», но с необходимой, как видим, поправкой по йиркам, то интересующее нас племя «черноризцев» окажется где-то в области «справедливейших» аргиппеев.

Однако, Б.А. Рыбаков несомненно прав в другом вопросе, также касающемся локализации меланхленов. Они в Геродотовых перечнях племен, ограничивающих Скифию с севера, всегда называются рядом с андрофагами: отсюда неоднократно делался вывод, что эти «поедатели мужей» были западными соседями меланхленов. Б.А. Рыбаков специально обратил внимание на то, что Геродот говорит лишь о соседстве тех же андрофагов или меланхленов со скифами, но совсем не имеет в виду их соприкосновение между собой [299, с. 149]. Геродотово повествование о преследовании скифов персами

в ходе войны 512 г. до н.э. данный вывод, наверное, не отменяет. Действительно, по Геродоту получается, что скифы повели за собой персов от меланхленов к андрофагам [99, с. 148 – 149]. Но, как уже отмечалось выше, описанный Геродотом маршрут абсолютно нереален и не соответствует ни одной из когда-либо составленных этнокарт Скифии, а сводить счеты с враждебными им племенами скифы могли, во всяком случае, только после стратегической победы над персами. Скорей всего, основу изложенного у Геродота нереального сюжета составил синтез фольклоризованных воспоминаний о разновременных событиях скифской истории: о военных столкновениях с персами в Северном Причерноморье и на Кавказе, набегах на северных соседей и т. д. Таким образом, локализация Геродотовых меланхленов с помощью ориентировки по андрофагам или скифам-басилидам также мало эффективна, как и с ориентировкой по фантастическим озерам.

Впрочем, обычно меланхленов топографируют, руководствуясь Геродотовым сообщением, что от моря до них – двадцать дней пути [99, с. 140 – 141]. Эти цифры принимались на веру, и получалось, что меланхленов надо искать где-то в 4000 стадиях (740 км) от черноморского побережья [47, с. 30]. Это примерно соответствует удаленности от моря современной Черниговщины, где, кстати, помещалась область *Russia Negra* на некоторых старинных картах. Однако подобные совпадения только на первый взгляд создают прочную основу для локализации там древних меланхленов. Дело в том, что исследования последних лет ставят под сомнение достоверность Геродотовых измерений расстояний в Скифии. По мнению И.А. Шишовой, такая мера, как «день пути», настолько условна, что вычисления, произведенные Геродотом на ее основе, ненадежны. К тому же они сколько-нибудь соответствуют реальности только в наиболее известном Геродоту районе, в окрестностях Ольвии, и только тогда, когда речь идет о двух-трех днях пути. По мере удаления вглубь Скифии надежность измерений пропорционально уменьшается. Согласно А.И. Шишовой, расстояния даже в десять дней пути не поддаются никакому учету [386, с.21]. До меланхленов же дол-

жен быть пройден путь в двадцать дней. Это длина одной стороны квадрата, в виде которого Геродоту представлялась Скифия. Переводить его «двадцать дней пути» в современные меры длины, откладывать на карте, очевидно, бессмысленно. Видимо, истинное значение Геродотова сообщения о протяженности пути к меланхленам – «очень далеко от моря». Притом направление этого пути скорее всего не совпадало с меридианом, как можно полагать, имея в виду, что меланхлены помещены «выше» базилидов. Тот же термин, «выше», в Страбоновой «Географии» означает, согласно Д.А. Мачинскому, просто большую удаленность от античных центров и может соответствовать также понятию «северо-восточнее» [193, с. 125].

В случае с меланхленами это северо-восточное направление, видимо, предпочтительнее северного, по которому от морского побережья механически откладывались пресловутые 20 дней пути = 4000 ÷ 740 км, и меланхлены попадали на Черниговщину, оказывались где-то поблизости от впадения Десны в Днепр-Борисфен. Предпочтительнее потому, что у Геродота меланхлены с Борисфеном никак не связываются, напротив, он знает об их обитании где-то вблизи северо-восточного угла скифского квадрата. В перечислении племен, живущих, по Геродоту, вдоль северной стороны этого квадрата, меланхлены определенно показаны как самое восточное из них. А с востока Геродотова Скифия ограничивалась рекой Танаисом. То, что в Геродотовом повествовании упоминание этой реки предшествует сведениям о местоположении меланхленов [99, с. 140 – 141], представляется вовсе не случайным. Видимо, на западном, «скифском» берегу Танаиса, где должны сходиться северная и восточная границы Скифии, и следует помещать Геродотовых меланхленов. Притом речь не должна идти о верховьях этой реки, поскольку они, по Геродоту, находились в землях уже другого племени, тиссагетов [99, с. 148 – 149]. Да и соседство меланхленов с царскими скифами, безусловно, номадами степей, не позволяет отодвигать место их обитания в глубину лесной зоны, а свидетельствует скорее в пользу лесостепи.

Возникает вопрос об археологическом эквиваленте Геродотовых меланхленов, который по традиции решался в пользу юхновской культуры. Традиция восходит еще к 50-м гг., когда П.Н. Третьяковым был предпринят поиск древностей славянских племен скифской эпохи. Сам П.Н. Третьяков видел тогда в Геродотовых меланхленах древнеславянское племя под «вуалью» скифского влияния, обитавшее на Левобережье, где-то по соседству с родственными им неврами [348, с. 55 – 63]. Выходило, что культура меланхленов должна была располагаться недалеко от Днепра, структурно напоминать славянскую раннесредневековую и обнаруживать скифское влияние. Выбор, сделанный тогда П.Н. Третьяковым в пользу юхновской культуры, кажется, вполне понятен. Хотя от идеи ее славянской принадлежности исследователь впоследствии и отказался [349, с. 186], репутация меланхленской за этой культурой закрепилась прочно. В 70-е гг. с меланхленами она связывалась, к примеру, В.А. Ильинской. Юхновский вариант археологической атрибуции меланхленов был сочтен более предпочтительным по сравнению с другим, северско-донецким, предложенным В.А. Шрамко. Возражая ему, В.А. Ильинская апеллировала к общности материальной культуры, которая объединяет скифские древности верховий Донца и бассейнов Сулы, Псла, Сейма. По В.А. Ильинской, археологическая общность отражает этническое единство, поэтому отделение северскодонецких от общей массы скифских древностей и идентификация их с нескифским племенем меланхленов представляется ей неправомерной [122, с. 36]. Кстати, данный аргумент действителен не только против меланхленской, но также и против будинской атрибуции лесостепных древностей всего Левобережья, по Б.Н. Гракову, которая вновь была аттестована в качестве оптимальной, предлагающей, к тому же, «редкую согласованность сложной системы письменных и археологических данных» [244, с. 47]. Что это далеко не так, следует уже хотя бы из Геродотовой характеристики будинов – лесных звероловов, а вовсе не лесостепных земледельцев.

Получается, что Геродотовы меланхлены западнее Дона-Танаиса не имеют надежного археологического соответствия ни на

Десне, ни на Северском Донце. Приходится, следуя Геродотовым известиям, обратиться к археологии лесостепного Правобережья Дона-Танаиса. Яркие скифские черты в местной среднедонской культуре отчетливо зафиксированы при раскопках ее курганных погребений. С другой стороны, в ее ареале фиксируется древний финно-угорский пласт гидронимов, на чем основывается предположение о финноязычности среднедонского населения [175, с. 5 – 26]. И то, и другое, кажется, соответствует Геродотовым данным о меланхленах [99, с. 106 – 107, 142 – 143]. С одной стороны, это «племя иное, не скифское» (по языку?). С другой стороны, «обычаи у них скифские» (погребальные и др.?). Не соответствует Геродоту, с нашей точки зрения, распространенное представление о принадлежности среднедонской культуры будиным (вместе с поселившимися у них гелонами). Отметим, еще раз, очевидное отсутствие на среднем Дону остатков поселения, сопоставимого с описанным Геродотом городом Гелоном. Отметим также явное отличие лесостепных ландшафтов среднедонского Правобережья от природы области будинов, которая сплошь поросла, по Геродоту, разнообразным лесом.

Отдавая предпочтение среднедонской локализации меланхленов, мы не упускаем из виду проблемы, археологией еще не решенные. В частности, видимо, имеются довольно веские основания для сомнения в реальности самой среднедонской культуры, как таковой. Ведь взаимные различия материалов городищ среднего Дона, Северского Донца и Посеймья не выходят за рамки особенностей отдельных локальных вариантов внутри одной и той же «скифоидной» археологической культуры [198, с. 29]. На фоне такого культурного единства особенно отчетливы особенности воронежских курганных могильников, типа Мастюгинских и «Частых». С другой стороны, согласно новейшим разработкам, в рамках «среднедонской культуры» VI – III вв. до н.э. существовали фактически две культуры – городищенская и курганная. Первую принято определять как оставленную рядовым оседлым населением, а вторую – как некую «субкультуру военно-аристократической верхушки» [198, с. 38]. Представляется, однако, более вероятным, что лишь сословно-социальными

причинами принципиальное различие между ними вряд ли объяснимо. И что статус «субкультуры» для воронежских курганов вряд ли достаточен. Здесь мы в определенном смысле следуем за Б.А. Рыбаковым, по мнению которого эти комплексы достойны отождествления даже с ответвлением самих «царских».

Не следует ли предполагать, что этнокультурная ситуация на среднем Дону скифского времени напоминала таковую в первых веках нашей эры? Сюда проникают аланские кочевники и, по видимому, подчиняют себе местное оседлое население, что выразилось, согласно А.П. Медведеву, в их присутствии на некоторых воронежских городищах [196, с. 180].

Впрочем, вопрос о том, какой характер, социальный или этнический, имели различия в культуре воронежских городищ и курганов пока открыт. Открытым остается, следовательно, и вопрос об именно меланхленских археологических памятниках. Но считать таковыми среднедонские поселенческие древности, на наш взгляд, затруднительно, хотя бы из-за их культурной близости «скифоидным» памятникам из примыкающих с запада и северо-запада районов. Чуть ли не все лесостепное Левобережье отводить Геродотовым меланхленам, конечно, не приходится. С другой стороны, воронежские курганы, после мотивированного, как это представляется, удаления из их области «отделившихся скифов», предоставляют тем же меланхленам хорошую вакансию.

Итак, если Геродоты меланхлены действительно обитали где-то в бассейне Дона, то неподалеку от них, но уже вне прямого контакта со скифским тетрагоном, обитали также тиссагеты вместе с йирками. Обоим этим племенам, вместе взятым, «отец истории», в сущности, посвятил всего несколько слов. Ни те, ни другие в связи с главной темой IV-й книги Геродотовой «Истории», скифо-персидской войной, даже не упоминаются. В изображении Геродота это два охотничьих народца, затерянных в отдаленных дебрях где-то «за Скифией» и заслуживающих упоминания, главным образом, в связи с тем, что через их земли приходилось пробираться торговцам

на пути от эллинских гаваней Северного Причерноморья до отдаленных исседонов.

Но в историографии тиссагеты и особенно йирки издавна вызвали живейший интерес. Дело в том, что *turki*, как передают их этноним Мела и Плиний, некоторыми принимались за тюркское племя. Тюрков в племени *iircae-turcae-turcae* усматривал еще П. Шафарик [382, с. 241]. В наши дни его идея была поддержана довольно многими лингвистами, историками и археологами, особенно тюрками по происхождению [183, с. 19 – 20; 185, с. 24; 294, с. 341 – 343; 399, с. 13]. Они говорят или об удревнении - причем на целую тысячу лет! - начала миграции тюркских племен на Запад в Европу, или вообще об автохонности этих племен на Урале и Волге, ссылаясь на Геродотовых йирков...

С другой стороны, тиссагетов многие исследователи без колебаний причисляли к древним финно-угорским племенам. В частности, Ф.Г. Мищенко уральские топонимы Чудь и Чусовая интерпретировал как следы их прежних поселений [73, с. 255]. Может быть, здесь как раз стоит заметить, что там же, на северном Урале, в бассейне р.Вишера есть р.Сарматиха [337, с. 160], однако ее название, конечно, вовсе не свидетельствует о проникновении в тайгу сарматов. Этноним античных источников «йирки» – «турки» приобрел известную популярность не только в среде тюркологов. Другие исследователи считали их предками мадьяр и сопоставляли со Страбоновым этнонимом угры или урги [299, с. 34]. А название одного из левых притоков р. Суры в ее нижнем течении, Урги, предложено рассматривать даже как гидроним, в сущности, идентичный (с озвончением согласных) этнониму Геродотовому *Ἰυρκαι* [244, с. 49].

Получается, что на основании созвучий сделаны далеко идущие и ко многому обязывающие выводы. В соответствии с ними требовалось, конечно, определить оставленную йиркам и тиссагетам археологическую культуру, которая должна была представлять угорскую – или тюркскую! – архаику Европы... Определению археологического эквивалента для обоих племен предшествовали попытки их умозрительной локализации. Разнобой здесь не удивителен: сторон-

ники «угорской» версии обычно помещали оба этих племени на северном Урале, отождествляя их, в частности, с предками чуди и вогулов-манси [73, с. 255], а сторонники «тюркской» - на южном, где источники документируют пребывание наиболее ранних исторических тюрков Европы. Но наиболее популярной оказалась локализация, восходящая еще к К. Бэру, который помещал тиссагетов и йириков в междуречье Волги и Камы. То есть там, где впоследствии были открыты и исследованы самобытные, яркие древности ананьинской археологической культуры. Значительный процент костей диких животных в остеологических материалах памятников этой культуры дал повод припомнить Геродотово замечание, что и тиссагеты, и йирики живут охотой [321, с. 67]. Казалось, что их локализация, предложенная К. Бэром, получила археологическое подтверждение...

Размещение тиссагетов и йириков в области ананьинской культуры, тем не менее, оставило вопрос об их этнической принадлежности открытым. Ведь считается, что в ананьинскую эпоху уходит своими корнями традиционная культура современных народностей Среднего Поволжья, как угро-финских, так и тюркских [111, с. 206, 215]. И ярко выраженная монголоидность черепов из ананьинских погребений удовлетворительного объяснения в рамках ни той, ни другой версии также не получила. На этот счет осторожно предполагалось только наличие некоторой монголоидной примеси у йириков [294, с. 328].

Проблема тиссагетов и йириков продолжает оставаться проблемой. Испробованные подходы ее решения в рамках умозрительных допущений как о тюркской, так и об угорской этнической принадлежности этих древних племен ни к чему не привели. В таком случае, не вернуться ли в самое начало пути?

Как уже отмечалось, очевидно следует отказаться наконец от попыток определения этноса известных из античных источников племен по созвучию их названий с наименованиями средневековых и современных народов.

Объективность требует сопоставления известных различных авторов об интересующих нас племенах. Правда, не следует прини-

мать в расчет утверждение Стефана Византийского, что тиссагеты - народ у Меотийского озера, со ссылкой на Геродота [335, с. 320]. Это явное искажение: в действительности у «отца истории» в окрестностях Меотиды указаны совсем другие племена. Не заслуживает также доверия и поэтическое описание образа жизни тиссагетов из «Аргонавтики» Валерия Флакка [63, с. 348]. Ведь оно составлено по всем канонам дионисийского мифа, и ни о какой этнографической достоверности упомянутых в нем тимпанов, флейт, а также якобы украшенных цветами копий у «tirsagetæ» не может быть и речи [102, с. 145]. Но любопытно, что, наравне с «невинными» аримаспами, «чрезвычайно дикими» гелонами, «воинственными» неврами так же и Геродотовы тиссагеты нашли свое место в художественной литературе Рима. Северные «варварские» племена, имена которых стали известны античному миру еще в классическую эпоху, со временем превратились в некие поэтические аллегории, стали символами определенных качеств и свойств. Впрочем, вполне вероятно, что тиссагеты были «опоясаны за спиной развевающимися шкурами», т.е. пользовались накидками из меха.

Этнографически правдоподобным представляется также замечание из «Пословиц александрийцев» относительно того, что тиссагеты жертвуют богам только кости, а мясо съедают сами [115, с. 291]. О такой детали их культовой практики не упоминается Геродотом. Это тем более любопытно ввиду того, что сообщения о тиссагетах и «турках/тирках» в «Хорографии» Помпония Мелы и «Естественной истории» Плиния, собственно, представляют только краткую редакцию аналогичных известий Геродота [64, с. 294; 250, с. 276 – 277].

Таким образом, круг письменных источников о тиссагетах и йирках определился: в основном это известия «отца истории». Так уж повелось, что здесь в первую очередь внимание исследователей привлекает Геродотово описание способа охоты, практиковавшегося йирками. Они, будто бы, охотились так: всадник спешивался и заставлял лечь, кроме собаки, и свою лошадь, а потом забирался на дерево. Затаившись там, он высматривал сверху добычу. Когда охотник замечал зверя, он стрелял из лука, потом, быстро спустившись на

землю и вскочив на коня, начинал преследование в сопровождении собаки [99, с. 108 – 109]. Подчеркнем: достоверность данного описания никогда не подвергалась сомнению. Исследователи, полностью доверяя Геродоту, постарались определить, в каких именно ландшафтно-географических условиях мог применяться такой оригинальный способ охоты. Это представляется важным в плане широтной локализации йирков, а вместе с ними и их соседей, тиссагетов. Предполагалось, что конная охота требовала открытых пространств, и потому многими йирки связываются не с лесным, а с лесостепным ландшафтом [99, с. 248]. Правда, известна попытка это оспорить. Их локализация была перенесена Б.А. Рыбаковым в лесное Подмосковье, в ареал дьяковской культуры [299, с. 192]. Отождествление ее носителей с Геродотовыми йирками получило и такое оригинальное подкрепление. Дело в том, что при исследовании некоторых городищ дьяковской культуры были обнаружены дубовые бревна. На этом основании сделан вывод, что в I тысячелетии до н.э. ландшафт Подмосковья был иным, чем в XVIII-XIX вв.: было больше дубрав, а в дубравах верховая охота возможна, и т. д. [323, с. 40 – 43]. На наш взгляд, обнаружение остатков дуба при раскопках валов дьяковских городищ еще недостаточно для таких далеко идущих выводов. Хорошо известно, что древнерусская Москва была основана не в лесостепи, а посреди густых лесов. Но, согласно древнерусской летописи, стены московского Кремля при князе Иване Калите в 1339 – 1340 гг. были срублены из дуба. Дуб, как показали археологические раскопки в Москве, широко применялся при строительстве ее укреплений и в XII – XIII вв. [264, с. 22]. Видимо, использование дуба как средневековыми московскими, так и древними дьяковскими фортификаторами, свидетельствует не об окружавшем их лесостепном ландшафте, а о знании и теми, и другими свойств этой древесной породы, менее других поддающейся гниению. Дуб в лесах среднерусской полосы в эпоху позднего голоцена произрастал всегда. С другой стороны, верховая охота вовсе не обязательно требует редколесья дубрав. Как известно, тунгусы верхом на оленях великолепно освоили необозримые охотничьи угодья тайги в восточной Сибири. В том же лесном

Подмосковье, как это засвидетельствовано и Львом Толстым в «Войне и мире», еще относительно недавно конная охота с борзыми была весьма популярной.

Но способ охоты, практиковавшийся в среде русской аристократии XIX в., не был похож на тот, который Геродот приписывает йиркам. В том-то и дело, что этот способ вообще, наверное, не имеет аналогов. В специальной охотоведческой литературе вообще ни разу не отмечено комбинированное применение засады - засидки на дереве и гона, преследования добычи верхом [220, с. 245]. Остается предположить, что у Геродота оказались соединенными вместе - возможно, произвольно - известия о двух разных способах охоты одного из отдаленных племен «выше» Скифии. В результате такого объединения появился явный алогизм, почему-то не привлекавший к себе внимания до сих пор. Зачем охотнику заставлять свою лошадь ложиться на брюхо, чтобы она не демаскировала его засаду, если дело происходит в густом лесу? А вот на открытой местности такой навык животного действительно мог иметь практическое значение при подкарауливании добычи. На открытых пространствах, например, в прериях северо-американского Запада, подкарауливание и подкрадывание к зверю с использованием различных средств маскировки, а потом его конное преследование засвидетельствовано и даже прекрасно проиллюстрировано Д. Кэтлингом. Фауна древней Скифии, согласно результатам специальных исследований, была чрезвычайно богатой и разнообразной: в ней были представлены даже леопард и лев. Из крупных копытных во множестве водились дикие лошади, олени, антилопы [140]. Таким образом, если Геродотовы йирки были конноводами и конными охотниками, как сиксики (черноногие), сиу, дакота и другие племена северо-американских индейцев прерий, они в своей лесостепи могли применять подобные индейским способы добычи крупных копытных. Несомненно, что конная охота на Русской равнине практиковалась издревле. Для лесостепных ландшафтов Русской равнины в прошлом были очень характерны «острова», «колки» – участки леса посреди травянистой равнины. В них охота из засады весьма продуктивна. Получается, что и критическая оценка

Геродотова описания охотничьих приемов йирков склоняет к локализации этого племени где-то в лесостепной полосе. Надо подчеркнуть – о ее существовании в качестве особой ландшафтно-географической зоны «отец истории», видимо, не подозревал [347, с. 99]. В его описаниях открытая степь севернее вдруг, без всякого перехода, сменяется лесами... Например, он специально отмечает, что земля савроматов совсем лишена как диких, так и культурных деревьев и в то же время подчеркивает, что страна их соседей с севера, будинов, сплошь покрыта разнообразным лесом [99, с. 108 – 109]. Так что с многочисленными, вплоть до самой ее сплошной распахки, лесными «островами» в лесостепи вполне согласуется замечание Геродота, что деревья в изобилии растут по всей стране, занимаемой йирками совместно с тиссагетами. К тому же, места обитания последних действительно могли быть более лесистыми в случае, если они обитали и к северу от лесостепи.

Тиссагеты, согласно Геродоту, обитали где-то «рядом» с йирками и, подобно им, тоже добывали средства к жизни охотой: только подробности не сообщаются. Зато у «отца истории» приводятся сведения, позволяющие уточнить их локализацию и, в отличие от йирков, не в широтном, а в меридиональном направлении. Если это действительно так, то пересечение обоих направлений и даст искомый результат - уточненное местоположение этих племен на географической карте. Согласно Геродоту, от тиссагетов вытекают четыре большие реки, впадающие в Меотийское озеро: Лик, Оар, Танаис и Сиргис, или, по-видимому, Гиргис [99, с. 148 – 149]. Идентификация их спорна, не исключая и сам Танаис. То ли это Северский Донец с нижним Доном, то ли сам Дон, а Северский Донец тогда – Сиргис (Гиргис), его приток [299, с. 54]. Поскольку, согласно Геродоту, Танаис устремляется в Меотиду «сверху», то есть течет, в его представлении, практически в меридиональном направлении, то, скорей всего, под этим именем скрывается здесь Дон, даже большой излучины которого «отец истории» не знал [386, с. 18]. Впрочем, для нас в данном случае безразлично, верхний Дон или Донец считался у него Танаисом: ведь и приток вытекал от тиссагетов. По Геродоту, Танаис

начинался из какого-то безымянного большого озера [99, с. 120 – 121]. Считается, что, не имея сколько-нибудь достоверных сведений об истоках великих рек Скифии, отвергая существование к северу от нее высочайшего Рифейского хребта – «матери» скифских рек у других эллинических авторов, Геродот вынужден был выдумать несколько великих озер у истоков этих рек, дабы как-то объяснить их многоводность... Но не существовало ли представление об огромном озере – «матери» Дона и независимо от Геродота? Сигизмунд Герберштейн, безусловно, был хорошо знаком с географическими выводами «отца истории», однако в его *«Regum moscoviticarum commentarii»* можно уловить проявление влияния какой-то очень старой местной традиции. Герберштейн записал, что Дон-Танаис начинается в окрестностях г. Тулы, вытекая из громадного Иванова озера длиной и шириной около 1500 верст, которое расположено в Околицком, или Епифановом, лесу [71, с. 105].

Так или иначе, нет оснований искать тиссагетов далеко от бассейна Дона, в частности, где-то в ареале ананьинской культуры. Ископаемые следы значительной роли охоты, на которые делается ссылка при отождествлении тиссагетов с ананьинцами, обнаружены не только между Волгой и Камой, но и практически повсеместно в лесной полосе Восточной Европы на синхронных памятниках. Не исключение и донской бассейн. Среди донских памятников наше внимание должны привлечь городища, неукрепленные поселения и местонахождения с «текстильной» и «рогожной» керамикой, весьма характерной для городецкой археологической культуры. В бассейне Дона находки «текстильной» керамики сделаны вплоть до верховий Северского Донца и до района знаменитого палеолитического комплекса Костёнки. Слой с «текстильной» керамикой поселения Костёнки – 4 был по обломкам ионийских амфор датирован VI – V вв. до н. э. [171, с. 15 – 32]. Начало же распространения городецкой керамики по рекам Дон и Воронеж, видимо, началось еще раньше, еще в VII в. до н. э. В VII – VI вв. до н. э., судя по результатам раскопок Пекшевского городища, на его месте уже существовало неукрепленное раннегородецкое поселение, впоследствии захваченное пришлы-

ми из Посеймья основателями «среднедонской» городищенской культуры [198, с. 22]. Однако в более северные районы Среднего Подонья была направлена также экспансия носителей раннегородецкой культуры, вследствие которой, например, на р. Воронеж близ современного г. Липецка появляется стоянка Студенка, аналоги керамике которой происходят из комплексов VI – V вв. до н. э. [197, с. 72].

Получается, что до Геродотова времени тиссагеты на Танаисе уже успели утвердиться... Но основной массив городецких древностей располагался северо-восточнее памятников, о которых выше шла речь. Ареал ранней – скифо-сарматской эпохи - городецкой археологической культуры охватывает обширную территорию между нижним течением Оки и Волгой примерно до г. Саратова [356, с. 62 – 96]. Внутри ареала городецкие городища объединены в несколько территориальных групп: рязанскую, пензенско-тамбовскую, муромскую, самарскую, саратовско-хвалынскую. Городища представляли собой укрепленные поселения с каркасными, обмазанными глиной жилищами, которые отапливались глиняными или каменными очагами открытого типа. Находки мотыг и серпов, а также значительное количество костей домашних животных свидетельствуют, что экономика раннегородецких племен базировалась не только на охоте. Кроме специфической городецкой керамики с текстильным орнаментом, найдены также горшки со сквозными отверстиями вдоль края и насечками на нем. Такие орнаментальные приемы характерны для керамики юга. Связи с южными скифо-сарматскими землями прослежены и по другим находкам, главным образом предметов вооружения [88, с. 114 – 120]. Найдено несколько экземпляров мечей типа акинак, наконечники копий, большое количество наконечников стрел, шлем и др. именно тех типов, которые употреблялись скифскими и савроматскими воинами. Наибольшее число этих находок приходится на самарскую и саратовскую группы городецких памятников в лесостепи. Конечно, обитатели лесостепных городищ и должны были поддерживать самые тесные контакты с ближайшими соседями, савроматами. Основным исследователем культуры последних, К.Ф. Смирновым, даже допускалось оседание отдельных

савроматских групп на некоторых южных городецких городищах [325, с. 261 – 264]. Однако, по его мнению, савроматы вряд ли проникли в глубину городецкой территории и освоили лишь прибрежную полосу вдоль Волги от Саратова до Самары. Савроматов – номадов интересовали прежде всего пастбища. К.Ф. Смирновым предполагалось наличие на правом берегу Волги культурно-экономического симбиоза, оформленного в виде отношений данничества. Господствующие савроматы, видимо, приобрели источник поступления ценных мехов, а городецкое население – доступ к их достижениям в военном деле и животноводстве. Как правило, оседлое население действительно энергично перенимает у соседей-номадов навыки коневодства и всадничества. Возможно, здесь стоит обратить внимание на высокий процент костей лошади в остеологических коллекциях с городецких поселений. Вполне допустимо также, что у степняков были заимствованы и приемы конной охоты.

Итак, на наш взгляд, Геродотовых тиссагетов наиболее уместным будет отождествить с населением, оставившим донскую и некоторые расположенные севернее-северовосточнее ранние городецкие памятники лесной полосы. Геродотовых йирков уместно видеть в носителях той же культуры, но в лесостепных ее вариантах, сармском и саратовском. Попытка К.Ф. Смирнова увязать последние с Геродотовыми будинами не представляется удачной уже потому, что на правобережье Волги невозможно указать городище соответствующего возраста, которое хоть как-то могло соперничать с гигантским Бельским городищем на р.Ворскла. Это городище обоснованно идентифицировано с древним городом Гелон, а он – *непременная принадлежность страны будинов*. Необходимо отметить и следующее. Вместо «тюркской» или «угорской» можно обосновать - и на другом уровне - новую версию этнического определения тиссагетов и йирков, «мордовскую». В самом деле, сейчас уже археологически прослежена трансформация *позднегородецких древностей первой половины I тысячелетия н.э. в раннесредневековые мордовские* [360, с. 67, 100]. Со временем этой трансформации как раз совпадает, наверное, Иорданово известие о народе Mordens. Он помещается, с од-

ной стороны, в тех самых местах, где и протекала история мордовского народа, а с другой - там, где следует помещать тиссагетов и йирков в городецком ареале [299, с. 30]. Но нам хотелось бы избежать поспешных этнических определений. Во-первых, потому, что Иорданово упоминание мордвы от известий Геродота об йирках и тиссагетах отдалено целой тысячей лет. Во-вторых, потому, что эти два этнонима явно не финно-угорского происхождения, в чем легко убедиться, сравнивая их с несомненно иранскими: *tyssamatae*, *massagetae*, *sargatae*, *sarmatae-tiragetae*. Согласно В.И. Абаеву, окончание *ta* (*tai*) сближается с показателем множественности в осетинском языке - *toe*. *Thyssagetae*, или более ранняя, по мнению выдающегося лингвиста, форма *thyrsagetae*, представляет собой древнеиранское *tur-saga-ta* (*tura-saka-ta*). Смысл скифских терминов *tura*, *tur*, и *'saka* хорошо известен - это соответственно «быстрый» и «олень» [1, с. 137, 149]. Таким образом, *t(h)ursagetae* - *t(h)issagetae* означает «быстрые олени». *Turci*, *turci*, *iirci* тогда - лишь усеченная форма этого полного названия, восходящая к первой его части.

Получается, что античные авторы использовали для обозначения отдаленного лесного и лесостепного народа «за Скифией» скифское название несомненно тотемистического происхождения. Культ оленей в Евразии был распространен едва ли не так же широко, как и сами эти животные семейства *Alces*. Не случайно же персы всех скифов вообще именовали «саками». У мари, народа Поволжья, генетические истоки которого видят в той же городецкой культуре, бог-охранитель стад представлялся в образе оленя [86, с. 69]. Возможно, скифские информаторы «отца истории» изменили на свой лад тотемическое самоназвание отдаленных предков коренного населения центральной России, которые в античные источники вошли под именами тиссагетов и йирков.

По Геродоту, йирков от следующего из «заскифских» племен, аргиппеев, отделяли загадочные «отложившиеся» от «царских» скифов [99, с. 108 – 109]. В связи с весьма оригинальной трактовкой последних, у М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского, наше внимание должно привлечь и одно из приблизительных «угорских» созвучий с име-

нем йирков. Это название р. Урги-сурской, которое, как уже отмечалось, было истолковано в качестве «ииркского», а йирки локализованы также и на нижней Суре. Такая их локализация в гипотезе Д.С. Раевского – М.Н. Погребовой играет важную роль, ведь именно из нее они исходят, когда помещают «отделившихся» скифов как раз «выше» и восточнее Суры – уже на противоположном берегу Волги, в юго-западной части ананьинского ареала [244, с. 49, рис. 1].

Однако, возражая Д.С. Раевскому, Н.Л. Членова вполне резонно заметила, что характерный йиркский способ конной охоты в мордовских лесах практиковать было невозможно и уже потому это племя не может быть оторвано от лесостепи [379, с. 6]. Лесостепной саратовско-хвалынский – йиркский – вариант городецкой культуры, и по нашему мнению, является в данном случае куда более надежным этногеографическим ориентиром, чем одноименная каракалпакской и монгольской Урге «йиркская» река.

Итак, данный ориентир существенно исправляет маршрут, проложенный Д.С. Раевским и М.Н. Погребовой к скифам-«отщепенцам». Расстояние до них от йирков, даже в «днях пути» Геродотом не указывается. Поэтому внедряющуюся в среду «заскифских» племен скифскую группировку можно искать, в принципе, по всему южному Приуралью, которое расположено, в целом, и «выше» и «восточнее» правобережной приволжской лесостепи. Некоторыми в качестве археологического эквивалента «отделившихся» предлагается Гумаровский курган в восточном Оренбуржье [379, с. 8]. Определение его, как надревнейшего скифского памятника Восточной Европы, конечно, небесспорно, но бесспорен именно кочевнический характер старшего погребения в Гумарове [128, с. 29 – 47].

Старший же Ахмыловский могильник, во всяком случае, был оставлен не номадами, а оседлым населением, и поэтому М.Н. Погребовой и Д.С. Раевскому пришлось прибегнуть к довольно сложной аргументации принадлежности его отделившимся от «самых лучших и многочисленных» кочевников Причерноморья. И аргументация эта, в общем, малоубедительна. Например, чтобы как-то объяснить явное преобладание в составе скифо-кавказских включений в

комплексах Ахмыловского могильника вещей именно кавказско-закавказского происхождения, нашим соавторам пришлось прибегнуть к допущению, что гипотетическую миграцию в Среднее Поволжье совершили не собственно степные иранцы-кочевники, а уже вполне натурализовавшаяся и слившаяся с местной этнической средой Центрального Закавказья военно-аристократическая верхушка.

Впрочем, отчетливая кавказская окраска южных включений Ахмыловского и Акозинского раннеананьинских могильников может быть объяснена и без привлечения «отделившихся» скифов из Центрального Закавказья и их кавказских компаньонов. Согласно Н.Л. Членовой, переселение, по указанному маршруту, было совершено киммерийцами, которые и привнесли в ананьинскую среду многие традиции Северного Кавказа, в том числе и обычай изготовления антропоморфных «оленных камней» [379, с. 3 – 11]. Однако и ею было оставлено без объяснения, почему, прикочевав через всю великую степь, с юга на север, гипотетические номады-переселенцы резко порвали со своим прежним образом жизни, с погребальной традицией. Известно, что в действительности было как раз наоборот. Как известно, в раннем средневековье состоялась реальная миграция кочевников Северного Кавказа в Среднее Поволжье: сюда – в бывший ананьинский ареал – в VIII в. приходят болгары. И продолжают здесь, в лесной стране, кочевать вплоть до конца первой четверти X в., когда наконец появляются первые постоянные болгарские селения. Но даже позднее, уже в городской период, волжским болгарам еще трудно было забыть свой прежний образ жизни, и они, по Ибн-Фадлану, на лето переходили из деревянных строений в шатры [132, с. 10]. В древности, и в архаическую эпоху, в том числе, история кочевников, внедрившихся в иную природную и этническую среду, протекала, по-видимому, аналогично. Об этом у нас речь уже шла. Упомянутый тогда грандиозный раннескифский курган на рубеже лесостепи и Киевского Полесья, Перепятиха, представляет собой также памятник истовой приверженности иранских номадов погребальным традициям предков. Обрядность же всех без исключения погребений Старшего Ахмыловского могильника, в том числе с

«киммерийско-ананьинскими» и даже с «чистыми скифо-кавказскими», по Н.Л. Членовой, комплексами – сугубо ананьинская [379, с. 3, 7]. Что совсем не вяжется с предложенным определением социального содержания «привнесенного в Среднее Поволжье гетерогенного комплекса»: предполагается, что скифы и здесь, как в Центральном Закавказье, господствовали над аборигенами [244, с. 61].

Мы уже имели случай заметить, что обилие изделий неместного производства в совершенном вполне согласно местному погребальному ритуалу захоронении вряд ли свидетельствует об изменении этнической принадлежности захороненного. По-видимому, как не превратился в элина окруженный греческими импортами усопший «варварский» вождь из Мастюгинского кургана, так и захороненные на Ахмыловском могильнике вместе со скифскими или кавказскими вещами оставались все же ананьинцами. Ананьинских женщин здесь было принято хоронить в составном налобном венчике, который, видимо, оставался сугубо «национальным» головным убором и тогда, когда в его конструкцию входили фрагменты разломанного кавказского или даже урартского бронзового пояса. Пояса, по-видимому, мужского, точнее, воинского, как и все остальные скифо-кавказские находки в Ахмылове. Известно, что, к примеру, в раннем средневековье наборные пояса дружинников были прежде всего знаками их воинской доблести [238, с. 164]. Не значили ли то же самое их цельнометаллические пояса для воинственных кавказцев и скифов? М.Н.Погребова и Д.С. Раевский не объяснили, почему предполагаемым туземным женам этих пришельцев было позволено так вольно обойтись с их регалиями. Подобное использование этих поясов уже само по себе, наверно, мешает предполагать присутствие среди ахмыловских ананьинцев носителей кавказской традиции опоясываться узорной бронзой. Но, с другой стороны, еще к бронзовому веку восходит ананьинская этническая традиция изготовления головных венчиков, причем аналоги их составляющих нигде вне ананьинского ареала подобным образом не использовались [232, с. 186 – 200].

Можно полагать, однако, что ахмыловских модниц бронзовыми поясами с Кавказа действительно одарили доблесные воины – но, конечно, не скифские, а ананьинские. Участие ананьинцев, вооруженных их национальными боевыми клевцами, в военных действиях даже далеко к югу от Кавказского хребта, кстати, уже предполагается [166, с. 119]. Если вспомнить походы русских дружин на Каспий, а также взятие ими в 944 г. столицы Аррана, то придется признать, что в способности и древних жителей лесной зоны в какой-то момент распространить свою экспансию и также и на Закавказье в принципе нет ничего невероятного

Впрочем, возможно, что для объяснения феномена киммерийско-кавказско-скифских комплексов на раннеананьинских могильниках вовсе не обязательно ссылаться непременно на войны или миграции. Без того и без другого обошлось, по всей видимости, возникновение в Среднем Поднепровье скифской эпохи феномена подгорцевского ажурного стиля [283, с. 263 – 274]. Гипотеза о кавказских его истоках, между прочим, получила поддержку [191, с. 19]. Наверное, интересное археологическое явление, зафиксированное на Старшем Ахмыловском могильнике, еще получит соответствующую историческую интерпретацию. Как ждут еще своего часа, конечно, и достоверные памятники «отделившихся от царских». По нашему мнению, ни в коем случае нельзя согласиться с выводом М.Н. Погребовой – Д.С. Раевского о том, что «ко времени Геродота отложившиеся скифы как историческая реальность вообще исчезли с этногеографической карты Восточной Европы» [244, с. 64]. Уже потому, что сам Геродот говорит о них не в прошедшем времени, как о киммерийцах, а в настоящем, как о своих современниках, которых посещали и о которых можно было осведомиться и у скифских, и у греческих торговцев [99, с. 108 – 109]. Другое дело, что наши соавторы были вынуждены прибегнуть к типичному «перенапряжению» источника, ведь старший Ахмыловский и другие однотипные раннеананьинские могильники просуществовали только до конца VI в. до н. э., поэтому и отождествляемые с ними «отложившиеся» скифы должны были «отойти» в область преданий ...

Но искать их все же следует, в соответствии с «йирским» лесостепным ориентиром, в области между Волгою и Уралом. Там же, где много столетий спустя была *Hungaria magna* и где монах Юлиан отыскал своих «отделившихся» – мадьяр? Если Старший Ахмыловский могильник датируется временем раньше Геродотова, то упоминавшийся выше, также в связи с «отложившимися» скифами, Большой Гумаровский курган – раньше Аристеева времени. Здесь учитываются результаты уточнения хронологии «Аримаспеи» и, соответственно, лет жизни ее автора, приуроченных А.И. Иванчиком ко второй половине VI – первой четверти V в. до н. э. [118, с. 29 – 48]. Таким образом, поэт-пифагореец из г. Прокопесс больше не может считаться, вопреки Д.А. Мачинскому, современником вытеснения скифов из Азии, а также расчленения их орды надвое исседонами [194, с. 18]. К тому же, локализация Гумаровского кургана не соответствует Геродотовой «каменистой и неровной земле» «отделившихся» скифов – Белебеевско-Бугульминской возвышенности, у самого же Д.А. Мачинского [192, с. 34]. Однако, совсем, кажется, не исключено, что древности Геродотовых «отложившихся от базилидов» пока теряются в общей массе памятников северной части ареала «самароуральской», или «орской» археологической культуры.

«Отложившиеся от царских» скифы, обосновавшиеся на «заскифском» Северо-Востоке, пока остаются без надежного археологического соответствия. Видеть таковое в воронежских курганах очень заманчиво в связи с Геродотовыми меланхленами, которые были, по видимому, совершенно независимы как от одноименного племени на кавказском побережье, так и от савдаратов в северо-западном Причерноморье. Тиссагеты располагались северо-восточнее «меланхленского» Правобережья среднего Дона – в основном по Оке, и соответствовали носителям городецкой культуры. Ее лесостепной, саратовско-хвалынский, вариант оставили йирки.

ГЛАВА VII.

ПОЛУЛЕГЕНДАРНЫЕ И ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПЛЕМЕНА ПРИУРАЛЬЯ И УРАЛА – АРГИППЕИ-АРИМФЕИ, «КОЗЛОНОГИЕ МУЖИ», «СПЯЩИЕ ПОЛГОДА» И АНАНЬИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Их расовый тип пытались угадать в древних калмыках или в монголах [73, с. 16; 107, с. 92]. Реликты их языка искали в современном татарском [209, с. 116 – 117]. Они же другими авторами отнесены к числу никогда не существовавших в реальности «мифических племен» [105, с. 60 – 61] ... Это – аргиппеи, как названы они у Геродота или, иначе, «оргемпей», «аремфеи», «аримфеи» у других авторов.

Аргиппеи-аримфеи издавна очень интересуют исследователей. И не случайно: Геродотов, в частности, рассказ о них представляет собой причудливое соединение этнографически правдоподобных деталей с явно фантастическими прибавлениями. Однако, сам «отец истории» в реальности этих аргиппеев несколько не сомневался! Ведь он располагал свидетельствами неоднократно посещавших их торговцев, как скифских, так и греческих, из Ольвии и других северопричерноморских полисов. Аргиппеи в четвертой книге Геродотовой «Истории» представлены как крайнее из достоверно известных элинам племен отдаленных северо-восточных земель. У «отца истории» сказано буквально следующее: «Вот до этих плешивых (аргиппеев), о земле и о племенах, живущих перед ними, есть ясные сведения, так как до них добирается и кое-кто из скифов, у которых нетрудно разузнать, а также и у элинов, как из гавани Борисфена, так и из других гаваней... Так вот, пространство до них известно, а о том, что лежит выше плешивых, никто не может ничего сказать, так как горы высокие, недоступные отрезают (ту страну), и никто через них не проходит» [99, с. 108 – 109].

Таким образом, различные сообщения или упоминания об аргипеях-оргемпях-аримфеях многих древних авторов, по крайней мере, в какой-то своей части заслуживают доверия и, конечно, требуют изучения. Однако, в нашей историографии вопросу об аргипеях традиционно отводится лишь второстепенная роль – при определении трасс ольвийских торговых путей [77, с. 23 – 38], при исследовании проблемы исседонов [78, с. 35 – 36], при попытках локализации Рифейских гор [193, с. 36]... При этом, в частности, в зависимости от идентификации древних Рифеев с каким-то конкретным горным массивом, аргипеи помещались то в Приуралье [109, с. 346], то в предгорьях Алтая [293, с. 18], то у подножия Памира [400, с. 118], то у Тянь-Шаня [164, с. 80]. Впрочем, относительно места обитания этого народа не было единого мнения и у древних. Мела и Плиний помещали аримфеев еще в Европе – перед Рифеями, а Солин и Капелла – уже в Азии, по ту сторону этих великих гор. Согласно Аммиану Марцеллину, получается, что аримфеи обитали где-то у Карпат, так как через их землю будто бы текли реки Висула и Хроний... [11, с. 289; 64, с. 300; 65, с. 245; 188, с. 281; 249, с. 276; 250, с. 276]. Разночтения в древних известиях об этом народе предложено объяснять влиянием некоего архаического источника, альтернативного Геродоту [258, с. 105]. Вопрос о первоисточнике античных сведений не менее сложен, чем вопрос о локализации племени то ли поголовно плешивых, то ли поголовно стриженных?

Попробуем все же приблизиться к решению проблемы протографа, отделив при этом этнографические «зерна» от мифологических «плевел» (с объяснением появления последних). Выявленная так мифологическая составляющая позволит, в свою очередь, определить и некоторые философские взгляды Геродота и других авторов, отразившихся в их известиях об аргипеях-аримфеях. А те сведения об этом древнем народе, которые можно будет признать достоверными, возможно, послужат основой для его идентификации с носителями определенной археологической культуры.

По мнению И.В. Пьянкова, Геродотовы известия об аргипеях посвящены тем же загадочным «варварам», которые в Гиппократо-

вом трактате «О воздухе, воде и местностях» наименованы «скифами» [76, с. 294] Согласно И.В. Пьянкову, помимо рассказов скифских и греческих торговцев, Геродот использовал для своего описания аргиппеев также литературные сведения, восходящие, в конечном счете, к Гекатею Милетскому. Как и описание «скифов» у Гиппократа... Но известно также мнение М.И. Ростовцева: Гиппократовы сведения о населении Скифии несколько не зависят от Геродотовых [292, с. 23 – 25]. В данном случае довольно просто определить, кто же из двух исследователей прав. Заодно, сравнив сейчас известия о «скифах» и об аргиппеех, мы установим, действительно ли соответствующие параграфы Геродотовой «Истории» и Гиппократа трактата одинаково восходят к некому протографу архаического, древнеионийского происхождения. Итак, у Гиппократа сообщается следующее: «(Скифия) лежит под самым севером у подножия Рипейских гор, откуда дует северный ветер... Благодаря тучности и отсутствию волос на теле обитатели (Скифии) похожи друг на друга, мужчины на мужчин и женщины на женщин [76, с. 296]. Согласно И.В. Пьянкову, этому должно как раз соответствовать следующее Геродотово замечание об аргиппеех: «... у подножия высоких гор обитают люди, о которых говорят, что они все – и мужчины, и женщины – плешивые от рождения...». Итак, Геродот говорит здесь именно о первичном волосяном покрове своих аргиппеев – вернее, о природном отсутствии у них такого. А Гиппократ – совершенно ясно - совсем не о первичном, а о третичном волосяном покрове, слабо развитом у жителей «Скифии» якобы из-за суровости климата. У Гиппократа нет ни слова об отсутствии у его «скифов» причесок. Наоборот, в Гиппократовом трактате сказано: «Все скифское племя – рыжее, вследствие холодного климата, так как солнце не действует с достаточной силой, и белый цвет (волос) как бы выжигается и переходит в рыжий» [76, с. 297].

Таким образом, вполне ясна ошибочность отождествления, по И.В. Пьянкову, Геродотовых аргиппеев и Гиппократовых «скифов». Сопоставление соответствующих извлечений из текстов того и другого древнего автора лишает всякого смысла предположение о нали-

чии здесь какого-то общего источника. Общий литературный источник мог быть у Гиппократов скорее с Псевдо-Аристотелем. Ведь в сочинении «О рождении животных» говорится: «понтийские скифы и фракийцы прямоволосы, так как и сами они отличаются избытком влаги, и окружающий их воздух влажен. На овец холодный климат имеет противоположное влияние, чем на людей: скифы мягковолосы...» [19, с. 327]. Кстати, Гиппократ также, говоря о скифах, особо подчеркивал «избыток влаги в их телах». «У них и мужчины и женщины плешивы вследствие свойства воды, употребляемой для питья», сказано об «оргемиях» Зенобием, который упоминает их среди некоторых прочих диких племен [115, с. 291]. Геродот же о влиянии на физический облик аргиппеев каких-либо природных факторов вообще не упоминает. Это лишний раз свидетельствует, что при описании аргиппейского племени «отец истории» опирался на непосредственные свидетельства, а не на литературную традицию, как Гиппократ, Псевдо-Аристотель, Плутарх и пр. Что в среде северных «варваров» действительно можно было наблюдать стрижку под «ноль», свидетельствует хронологически близкий Геродоту источник, Эврипидова «Елена»: «На голове ножом обрезаны волосы начисто, как у скифов». Подобный обычай непосредственно аримфеям приписан у Солина: «Как мужчины, так и женщины не любят длинных волос, оба пола коротко стригут волосы...» [65, с. 245] (ср. у Афиней: «оскифиться», т. е. обрезать волосы [27, с. 291]). Но сам Геродот вполне определенно говорит о другом, именно о природной плешивости всех аргиппеев поголовно, обладавших к тому же, якобы, также и «большими подбородками» [99, с. 108 – 109]. Нельзя ли допустить, что, таким образом, на основании свидетельств греческих и туземных информаторов, «отец истории» отразил какие-то антропологические особенности этого отдаленного народа? Известно, что когда, в частности, европейцы впервые познакомились с весьма отличным от их собственного внешним видом воинов Атиллы, они прибегали и к более оригинальным «объяснениям». «При самом рождении, – рассказывает о гуннах Аммиан Марцеллин, – делаются на щеках ребенка надрезы острым оружием для того, чтобы рост высту-

пающих в свое время волос притуплялся образующими морщины рубцами, и таким образом они стареют безбородыми и лишенными всякой красоты, подобно евнухам...» [11, с. 301]. Подобным же образом у Аполлония Сидония объясняется и другая особенность монголоидного облика воинственных гуннов: «Далее, чтобы над щеками не выдавались две трубки носа, обвязанная кругом тесьма сдавливает нежные ноздри, чтобы они могли входить под шлемы. Так материнская любовь обезображивает детей, рожденных ради битв, ибо растянутая площадь щек становится шире, если посередине не возвышается нос» [62, с. 288]. Прежде было принято даже не сомневаться в именно монголоидности Геродотовых аргиппеев. Согласно Л.А. Ельницкому, их «плешиность» следует понимать как слабое развитие растительности на голове и на лице, действительно наблюдаемое у некоторых монгольских племен» [107, с. 92]. Только утрированные признаки монголоидности аргиппеев видел в Геродотовых замечаниях насчет их физического облика Дж. О. Томсон [347, с. 100]. На наш взгляд, можно говорить лишь о том, что у Геродота зафиксирована нетождественность антропологии этого племени привычной эллинам или скифам. Видимо, древнегреческому читателю Геродотовой «Истории» своеобразие, «нестандартность» лиц аргиппейских мужчин и женщин делалась понятной. Геродот был вполне понятен и когда прибегал к привычным стандартам, сообщая об аргиппеях далее, что «они говорят на особом языке, но носят скифскую одежду». «Особый язык», в данном случае, конечно, означает просто какой-то «варварский», но не похожий на скифский, в «скифская одежда» – костюм не греческого, а скифского типа, включавший обязательно такой чуждый эллинам «варварский» элемент, как скифские штаны – анаксириды.

Одинаково лаконичны и сведения, так сказать, экономического характера, которые мы найдем в «аргиппейской» части «Мельпомены». Собственно, Геродот сообщает только следующее: «... скота у них немного, так как сколько-нибудь пригодных пастбищ там нет. Каждый (аргиппей) живет под деревом: зимой – покрыв дерево плотным белым войлоком, а летом без войлока» [99, с. 108 – 109]. В

этом «дереве» нетрудно «узнать» каркасное переносное жилище наподобие шатра, возможно, с центральным опорным шестом. Может показаться, что у аргиппеев имелись жилища того же самого типа, как и у степных кочевников-животноводов. Н.Л. Членова, например, прямо сопоставляет эти деревья, покрытые войлоком, с чумами, или даже юртами [378, с. 55]. Создается впечатление, что это подкрепляет позицию исследователей, видевших в Геродотовых аргиппеях именно степняков. В частности, Л.А. Ельницкого, который считал, что данная «отцом истории» этому племени этнографическая характеристика «позволяет сблизить его с населением монгольских степей к востоку от Саяно-Алтайского хребта» [107, с. 92]. Но ведь с этим абсолютно не согласуется замечание Геродота насчет того, что скота у аргиппеев мало вследствие отсутствия в местах их обитания пастбищ; это не Монголия, во всяком случае, и вообще не степная зона. А жилища, которые сходны с описанием для аргиппеев – бедуинский шатер, сибирский «балаган», чум и т. д. и т. п. – вплоть до этнографической современности бытовали еще в нескольких ландшафтно-географических зонах, кроме степной. Таким образом, здесь мы вправе сделать вывод только о том, что Геродотовы аргиппеи, конечно, занимались скотоводством, но не обязательно кочевым: возможно, отгонным, или даже придомным. Подвижного образа жизни, во всяком случае, на протяжении сезона, требовала также охота среди лесов. Тогда тоже удобно было использовать разборные переносные жилища типа того же сибирского чума. Конечно, из Геродотовых известий об аргиппейском быте самым популярным являлось и является, так сказать, гастрономическое. В этом случае «отец истории» безусловно интереснее своих позднейших коллег, приводивших не оригинальные, а литературные сведения. Так, Мела и Плиний отметили только, что аримфеи «питаются плодами» [64, с. 300; 250, с. 277]. Видимо, сообщения информаторов о «национальном» кушанье аргиппеев и самому «отцу истории» показались настолько занимательными, что он счел уместным рассказать о способе его приготовления очень подробно. «Питаются они, – говорит Геродот, – плодами деревьев. Название дерева, (плодами) которого они живут, пон-

тик, по величине оно приблизительно равно фиговому дереву, плод приносит равный по размерам бобу, но с косточкой. Как только плоды созревают, их процеживают через куски ткани, из плодов вытекает сок густой и черный, название этого сока – асхи. Этот сок они сливают и, смешивая с молоком, пьют, а из густого осадка готовят лепешки и питаются ими» [99, с. 108 – 109]. Подобрать аналоги этим напитку и блюду в евразийском этнографическом материале несложно - что и делалось издавна. В. Томашек, например, ссылаясь, что джунгары действительно готовят себе питье из молока и сока *Prunus padus*, дикой вишни. Ф.Г. Мищенко отмечал, что башкиры Оренбургской губернии питаются соком и оставшейся мякотью черешни «точно таким способом, как описано у Геродота» [73, с. 170]. Кроме того, из плодов вишни, черешни или дикой маслины *Elaeagnus fngustitolia* сходным образом готовили похожие блюда казахи, татары и калмыки. Этот «гастрономический» аргумент оказалось возможным использовать совсем произвольно, так он, впрочем, и применялся – как подтверждение локализации Геродотовых аргиппеев в любой части обширного пространства Евразии, от поволжской Татарины до китайской Джунгарии, по выбору. В слове «понттик» видят скифское «ronthika» – «подорожник». Но, по Геродоту, аргиппеев говорят «на особом», то есть не на скифском языке. Какой это был язык, определить, таким образом, не представляется возможным. Впрочем, одно слово из аргиппейского языка, кажется, уцелело благодаря Геродоту. Это название сока «асхи». Этимологизировать его предлагалось из современных западнотюркских языков: «аши» в поволжско-татарском означает «пища», а в башкирском «атши» – это прилагательное «кислый» [209, с. 116 – 117]. Но это, на наш взгляд, нельзя рассматривать как одно из доказательств некоего сходства Геродотовых аргиппеев с позднейшими кочевническими народностями северного Каспия и Алтая. Хотя бы потому, что некоторые предки поволжских татар, как и предки башкир, еще в историческое время говорили совсем не на тюркских языках. В татарском и башкирском имеется дотюркский языковой субстрат, и наши «аши» -

«атши» вполне могут восходить к языкам древних предков этих тюркских теперь народов.

Но вряд ли какой-либо из древних народов имел на самом деле такие идеальные нравы, какими были, по словам Геродота, обычаи «священных» аргиппеев. «Их не обижает никто из людей, так как говорят, что они священны, – сообщает «отец истории». У них нет никакого оружия для войны. Именно они разбирают споры соседей, а тот, кто прибегает к ним искать убежище, не терпит ни от кого обид...» [99, с. 108 – 109]. ... Аргиппеи доминировали среди окрестных племен, что и позволяло им играть роль арбитра при возникновении конфликтов; союз с аргиппеями давал защиту, их покровительство гарантировало безопасность. Следует ли понимать «отца истории» таким образом? Возможно, что-то подобное и имели в виду Геродотовы информаторы. Но сам он явно специально наделил аргиппеев чертами идеального, «счастливого» народа. Кстати, аргиппеи - не единственное, подчеркиваем, вполне реальное племя, сознательно идеализированное Геродотом. Ведь, в частности, исседонов он считает «справедливым» народом и сообщает к тому же, что «женщины у них равноправны с мужчинами» [99, с. 110 – 111]. Считается, что сходные черты можно усмотреть также и в Геродотовой характеристике соседних с исседонами массагетов [105, с. 39]. Геродотовы аргиппеи не представляют собой исключения среди многих других «варварских» племен, превозносившихся тем или иным древним автором за якобы присущие им выдающиеся моральные качества. Еще в Гомеровой «Илиаде» были воспеты дивные мужи гиппемолги, галактофаги и абии, «справедливейшие из смертных» [77, с. 214]. А как восхищались некие «фенны» Тацита, отнюдь не поэта, несмотря на их крайнюю нецивилизованность! «У феннов, – говорит Корнелий Тацит, - поразительная дикость, жалкое убожество; у них нет ни оборонительного оружия, ни лошадей, ни постоянного крова над головой; их пища - трава, одежда - шкуры, ложе - земля; все свои упования возлагают они на стрелы, на которые из-за недостатка в железе насаживают костяной наконечник. Та же охота доставляет пропитание как мужчинам, так и женщинам; ведь они повсюду со-

провожают своих мужей и претендуют на свою долю в добыче. И у малых детей нет другого убежища кроме кое-как сплетенного из ветвей и дающего им укрытие шалаша; сюда же возвращаются фенны зрелого возраста, здесь же пристанище престарелых» [150, с. 353]. При очевидном различии этнографических подробностей очевидно также сходство этой характеристики феннов с данной Геродотом аргиппеям. Вплоть до совпадения! В самом деле, во-первых, если верить Тациту, фенны также были склонны к вегетарианской пище. Во-вторых, оба племени будто бы одинаково не имели стационарных жилищ, обитая в шалашах и в шатрах. В-третьих, и те, и другие якобы были совсем невоинственны и не обладали никаким боевым оружием. О миролюбии «своего» племени Тацит, подобно Геродоту, не распространяется: это разумеется само собою. Тогда не дополнил ли, в свою очередь, римский историк рассказ «отца истории» об аргиппеях, когда поведал о жизненном кредо феннов? Якобы от их имени Тацит сообщает точку зрения феннов на свой образ жизни: «Но они считают это более счастливым уделом, чем изнурять себя работою в поле и трудиться над постройкой домов и неустанно думать, переходя от надежды к отчаянию, о своем и чужом имуществе; беспечные по отношению к людям, беспечные по отношению к божествам, они достигли самого трудного - не испытывать нужды даже в желаниях».

И у Тацитова, и у Геродотова читателя могло сложиться представление о том, что где-то на далеком севере еще продолжается счастливый «золотой век», и на небе там все еще царствует Кронос... Известно, что в античности «счастливые» народы мыслились иногда отделенными от погрязшего в пороках цивилизованного мира не временем, а пространством. Типичный пример тому - счастливый народ гипербореев на дальнем севере. Веру в существование там утраченного рая Геродот разделял, а веру в реальность гипербореев, к которым ушел якобы Аристей - нет. Поэтому ему и пришлось заменить их аргиппеями, в подлинности существования которых сомнения быть не могло.

Таким образом, следует иметь в виду разное происхождение Геродотовых известий о необычном внешнем облике, костюме, жи-

лицах, занятиях и кулинарии аргиппеев, с одной стороны, и его сообщения о какой-то исключительной справедливости и кротости этого народа, с другой. Если первые в своей основе должны восходить к свидетельствам действительно посещавших аргиппеев очевидцев, свидетельствам, конечно, измененным в результате Геродотовой интерпретации, то второе есть, наверное, его собственный домысел. Восходящий, конечно, к эллинской мифологии, а возможно и к индоиранской – при посредстве первой [42, с. 67].

Между прочим, однажды – еще в античную эпоху – подобная литературная идеализация вполне земного и грешного племени уже была обоснованно развенчана. «Что из кумыса сыр едят, то скифы справедливые», - процитировал из Эсхила Страбон и добавил, что такое мнение было распространено также среди его соотечественников и современников, несмотря на издавна известную грекам жестокость и кровожадность северопричерноморских номадов, доходившую порой до каннибализма [336, с. 274 – 276].. Следовательно, Геродотова идеализация аргиппейских нравов не должна вводить нас в заблуждение: аргиппеи-аримфеи также, как «галактофаги» и «гиппемолги» скифы, являлись вполне земным народом и также должны были оставить ископаемые остатки своей культуры. Находки оружия, наличие следов применения насилия и т.п. - вовсе не препятствие при идентификации Геродотовых аргиппеев с носителями какой-то археологической культуры. Как было показано выше, вовсе не обязательно, чтобы данная культура находилась в пределах ареалов монголоидной расы, или кочевых скотоводов степей, или тюркоязычных любителей полакомиться соком дикой вишни и лепешками из ее мякоти.

Тем не менее, при локализации аргиппеев вплоть до последнего времени за основу берется в расчет лишь какая-то одна деталь – самая неубедительная! Примером может здесь служить предложение И.В. Куклиной, которая, полностью приняв на веру сугубо положительную характеристику, данную «отцом истории» аргиппеям, вспоминает о «мирных лесных племенах Сибири» [164, с. 172]. О населении монгольских степей восточнее Саяно-Алтайского хребта говорит

в связи с аргиппеями-аримфеями Л.А. Ельницкий. Он основывается на «этнографической характеристике», данной им у Геродота, и ссылается на то, что джунгары XIX ст. подобно аргиппеям античной эпохи смешивали сок дикой вишни с молоком [107, с. 92]. Но ведь эта локализация – «у южных склонов Алтайских гор», т.е. где-то в той же Джунгарии – уже предлагалась. В связи с ней на обычай калмыков стричся наголо сослался Э. Боннель [400, с. 115]. Несколько позднее Ф.Г. Мищенко, как впоследствии и Л.А. Ельницкий, сослался еще и на монгольский расовый тип, и на напиток из молока с вишневым соком, известные у джунгарских калмыков. Впрочем, Геродотовы известия для локализации аргиппеев были использованы Ф.Г. Мищенко основательнее. Им «азиатские скифы», т.е. саки, были отождествлены с отделившимися, по Геродоту, от царских; «земля каменистая и неровная» – с «изрезанными» горами, т.е. Тарбагатаем. Аргиппеи, таким образом, и оказывались в северо-западном Китае [209, с. 116 – 120]. Известно, однако, что полвека спустя данное мнение об их локализации было решительно пересмотрено. С.А. Жебелев от размещения исседонов в Тибете, вслед за В.Томашеком, отказался. Было снято и существенное противоречие с Геродотовыми данными, имевшееся в первоначальном варианте, когда исседоны оказывались не к востоку, а далеко к югу от аргиппеев. Аргиппеев С.А. Жебелев поместил уже близ Урала, а не Алтая, исседонов – в западной Сибири, т.е., в общем, «напротив» закаспийских массагетов [109, с. 338, 346]. Впрочем, одновременно с этой уточненной версией была предложена другая, по которой и исседоны, и аргиппеи опять оказывались далеко на востоке, в глубине Азии. К тому же у С.И. Руденко исседоны, помещенные им на восточном Тянь-Шане, снова оказывались не восточнее, а южнее аргиппеев в предгорьях Тарбагатая, на верхнем Иртыше и в районе озера Зайсан [293, с. 18]. Внутриазиатская локализация Геродотовых аргиппеев предлагалась и позднее, например, Дж. Болтоном, который поместил их у западных склонов Алтайских гор – Рифеев, по его мнению. Горы, у подножия которых, согласно Геродоту, обитали аргиппеи, Дж. Болтон считает именно Рифейскими. Но, в частности, по мнению

А.П. Смирнова, население Алтая не было известно Геродоту [322, с. 95]. В своей рецензии на монографию Дж. Болтона И.В. Пьянков, согласившись с отождествлением Алтайских гор с Рифейскими, усомнился, однако, в их тождестве с безымянными «высокими, неприступными» горами за страной аргиппеев [259, с. 176]. Добавим, что локализация Дж. Болтоном исседонов между Иртышом и Ишимом превращает их, явно вопреки Геродоту, из восточных соседей аргиппеев в западных. Получается, что любой из известных вариантов азиатской локализации аргиппеев, будь то на Алтае, в восточном Казахстане, или в северо-западном Китае всегда противоречит Геродотову указанию насчет нахождения именно к востоку от них исседонов – и это при любом из вариантов локализации последних. С другой стороны, такого мы никогда не встретим в любом из предложенных вариантов локализации аргиппеев, в которых предполагается некоторая связь этого народа с Уралом, а не с какими-то другими горами. Например, в монографии казахских археологов содержится вывод, который в этом смысле Геродотову тексту явно не противоречит: и аргиппеев, и исседонов предлагается размещать в центральном Казахстане, в его северо-западной и средней частях, соответственно. Но при этом авторы вынуждены были сделать замечание насчет того, что «монголоидность» Геродотовых аргиппеев в центральноказахстанских краниологических материалах соответствующего возраста подтверждения не нашла. Конечно, ведь локализация аргиппеев оказалась здесь смещенной к востоку, в ареал оставленной древними европеоидами тасмолинской культуры! Очевидно, такая «ориентация» Геродотовых аргиппеев произошла потому, что казахские археологи приняли на веру локализацию племен, предложенную еще Ф.Г. Мищенко, на которую они и ссылаются. «Если признать, – говорится в указанной монографии, – размещение тиссагетов и йирков... в верховьях Волго-Уральского междуречья и Прикамья, как это делал Ф.Г. Мищенко, а позднее и целый ряд исследователей, то аргиппеев... следует локализовать в Приуралье и северо-западных районах Казахстана» [100, с. 406 – 408] В ее носителях усматривают также и аримаспов [378, с. 62]. Ф.Г. Мищенко действительно отводил

тиссагетам и йиркам территории бывших Казанской, Симбирской и Пензенской губерний, но у Геродота ведь совсем ничего не сказано о соседстве с этими племенами аргиппеев. На пути от йирков до аргиппеев надо было пересечь еще область «отделившихся», а также преодолеть большое расстояние по «каменистой и неровной» земле... [99, с. 108 – 109]. Следовать

Ф.Г. Мищенко в данном случае невозможно еще по одной причине. Ведь он, в частности, полагал: «Аргиппеи – вероятнее всего калмыки, жившие некогда у Уральских гор, в пределах Оренбургской губернии...» [73, с. 16]. Известно точно, что калмыцкая орда хана Хоурлюка прикочевала в междуречье Урала и Волги только в 1630-м году, поэтому ни о какой ее эквивалентности аргиппеям античной эпохи даже речи быть не может. Конечно, это следует рассматривать только как историографический курьез, хотя локализация Геродотовых аргиппеев там же, в окрестностях Оренбурга, предлагалось вплоть до последнего времени [144, с. 232]. Но при этом они сопоставлялись, например, И.В. Пьянковым с древними аборигенами приуральской лесостепи, уграми в этническом отношении и лапоноидами в расовом, вошедшими впоследствии в качестве одного из компонентов в состав башкирского народа [259, с. 176]. Б.Н. Граков также в свое время предлагал размещать аргиппеев в лесостепном Приуралье, в пределах бывших Куйбышевской и Чкаловской областей. Он основывался не на этнографических или антропологических аналогиях, а на находках достоверно ольвийских (северопричерноморских) импортов, известных здесь вплоть до Орска. Б.Н. Граковым эти находки интерпретировались как подтверждение Геродотова известия непосредственного посещения скифскими купцами этой страны аргиппеев. Впрочем, он допускал, что локализация в том числе и этого племени навсегда останется затруднительной [78, с. 11].

Собственные аргументы Б.Н. Гракова наряду с приведенными другими исследователями в пользу локализации Геродотовых аргиппеев между Волгой и южным Уралом исподволь приближали неизбежное отождествление с этим племенем носителей ананьинской археологической культуры Прикамья. Собственно, отождествление

уже состоялось, только оно не получило еще достаточного обоснования [114, с. 127]. Впрочем, сделано несколько важных топографических уточнений. И.В. Пьянковым отмечено, что меридиональное расположение Уральского хребта Геродотову известию о каких-то горах «выше» аргиппеев, т.е. ориентированных в широтном направлении, практически не противоречит. По мнению И.В. Пьянкова, здесь у Геродота речь наверняка идет не о полярном, а о южном Урале, который – с отрогами – вполне можно принять за горную страну или хребет, вытянутый по параллели [259, с. 176]. Наверное, здесь можно добавить еще, что как раз севернее – «выше» основной ананьинской территории, Волго-Камья, в широтном направлении тянется гряда Северных увалов, являющихся как бы ответвлением от Уральского хребта в средней его части. Эти отроги также, кажется, могли приниматься в древности за сам Урал, но расположенный по линии, перпендикулярной истинной. На карте Идриси (XII в.) «горы Айни» – южный Урал – показаны вытянутыми именно в широтном направлении [182, с. 94, рис. 2]. Далее, по мнению Д.А. Мачинского, «каменистая и неровная» земля на пути к аргиппеям легко может быть увязана с западными уральскими отрогами – Белебеевско-Бугульминской возвышенностью, восточная часть которой имеет щепнистые почвы. А скифы, «отложившиеся», согласно Геродоту, от «царских» [99, с. 108 – 109], помещаются исследователем в степной части левобережья Волги, восточнее Самарской луки: то есть, в соответствии с Геродотовым указанием, между йирками (саратовские и хвалынские древности раннегородецкой культуры) и неровной каменной землей (западные предгорья южного Урала), на пути к аргиппеям в Прикамье [193, с. 35].

Таким образом, уже уточнены общие соображения о локализации аргиппеев на основании Геродотовых известий. А они таковы. Во-первых, согласно Геродоту, аргиппеи должны помещаться безусловно где-то восточнее или, точнее, северо-восточнее тиссагетов и йирков. Ведь, миновав владения этих племен, пользующиеся услугами семи переводчиков скифы должны были проследовать «выше» и отклониться в сторону восточного ветра, чтобы достичь потом своих

единоплеменников, отложившихся от «царских», и земли каменистой и неровной, за которой были уже аргиппеи [99, с. 108 – 109]. В земле тиссагетов, по Геродоту, есть источник Танаиса – большое озеро [99, с. 148 – 149], отождествлявшееся впоследствии с одним из водоемов окрестностей г. Тулы.

Во-вторых, область к востоку от плешивых населена исседонами, которые, в свою очередь, живут «напротив» массагетов, помещенных Геродотом на восточном побережье Каспия [99, с. 84 – 87, 108 – 109]. Получается, что искомую область геродотовых аргиппеев на современной географической карте пометит как раз пересечение двух линий: проведенной на восток от истока р. Дон и на север от гирла зал. Кара-Бугаз и устья р. Эмба. Обе линии пересекутся как раз где-то между «каменистой и неровной» Бугуминско-Белебеевской возвышенностью и «подножием» Уральских гор, на р. Кама – в любом случае, в области ананьинской культуры. Изменить Геродотовы «координаты» аргиппеев, не противореча ему, видимо, невозможно.

Впрочем, и вся сумма Геродотовых известий вполне непротиворечиво согласуется с тем, что нам известно сейчас о носителях ананьинской культуры. Притом иные соответствия здесь вполне очевидны и давно известны. Так, дорога скифских купцов – туда и обратно – археологически прослежена была еще в 40-50-е гг. Б.Н. Граковым по достигающим Приуралья ольвийско-скифским находкам и А.В. Збруевой по ананьинским, маркирующим трассу того же торгового пути, вплоть до Нижнего Приднепровья [113, с. 177]. Согласно Н.Л. Членовой, этот путь, который в V в. до н.э. превратился в торговый, проторен был еще в эпоху бронзы, когда он послужил для носителей срубной культуры «исторической дорогой» их миграции из заволжских в украинские степи [378, с. 52 – 54]. Кстати, реальность контактов Прикамья с Причерноморьем, начиная с раннеананьинской эпохи, сама по себе заставляет предпочесть рассматриваемый вариант археологической идентификации Геродотовых аргиппеев всем остальным. Новые находки бронзовых зеркал «ольвийского» типа пятого века до н.э. в ареале ананьинской культуры подтвердили правоту Б.Н. Гракова [358, с. 291 – 293].

Со слов Геродота вполне ясно, что облик аргиппеев безусловно отличался от всего, что скифские купцы могли наблюдать и по дороге к ним, и у шести племен, и у себя дома в Северном Причерноморье. Достаточные доказательства антропологического своеобразия оставившего их населения предоставляют ананьинские могильники. Хотя ананьинцев и сравнивали с современными бурятами, но при этом подчеркивалось, что аналогий их типу, собственно, нет. Отличие ананьинского типа от привычного для Геродотовых информаторов скифского, кажется, способно проиллюстрировать сравнение северопричерноморских каменных изваяний с изображениями на ананьинских надгробиях, на которые ссылалась и А.В. Збруева [113, с. 128, рис. 13].

Другие данные о носителях ананьинской культуры также во все не противоречат соответствующим Геродотовым известиям. Конечно, эти известия не должны при подобных сопоставлениях пониматься буквально, иначе мы будем вынуждены искать неких собирателей-вегетарианцев, не существовавших никогда, пожалуй, даже в джунглях. В лесах Прикамья и Приуралья издревле одним из занятий их обитателей, естественно, была охота, значение которой в ананьинскую эпоху по сравнению с предшествующей даже возрастает [234, с. 123 – 125]. Но всегда казалось предпочтительным увязывать археологические свидетельства об охотничьем быте ананьинцев с Геродотовыми известиями о занятиях тиссагетов или йирков. В самом деле, идентификация ананьинской культуры с этими «живущими охотой» племенами выглядела убедительней, во всяком случае, не требовала углубленного анализа и сопоставления археологических и Геродотовых данных. Можно было также оставить без внимания то, что о племенах «за Скифией» у Геродота сообщается, как правило, лишь удивительное и необычное на взгляд как скифских информаторов, так и эллинских читателей, тогда как более интересные для нас сейчас бытовые подробности обычно опускались. «Отец истории» в частности, описал оригинальный способ охоты йирков и оригинальную пищу аргиппеев - и вышло, что источники существования этих племен, якобы, противоположны. Хотя, конечно, ясно, что Геродото-

вы аргиппеи не могли прожить только плодами дерева «понтик». Невозможно также представить, что летом они вообще обходились без жилищ и обитали индивидуально каждый просто «под деревом».

Все это объяснимо, на наш взгляд, на основе известного в настоящее время об ананьинской культуре и ее наследии у народов Прикамья. Как уже говорилось, татары пользовались буквально Геродотовым рецептом приготовления «аши» из вишен. За рецептом приготовления плодов дерева «понтик» в Геродотовом тексте следует явно призванное объяснить такое необычное гастрономическое пристрастие аргиппеев замечание насчет того, что скота-де у них немного якобы из-за отсутствия в их местности сколько-нибудь пригодных пастбищ. Стада ананьинцев не были особенно многочисленны, конечно, по другим причинам. Из-за суровости и многоснежности зим в Прикамье круглогодичный выпас животных невозможен, а в ананьинскую эпоху косы там еще не были известны, и возможность заготовки кормов на период стойлового содержания практически отсутствовала. А.В. Збруева преобладание среди костей домашнего скота из ананьинских поселений останков молодых особей объясняла так: практиковался сезонный откорм с массовым забоем перед зимовкой, с оставлением только маточного поголовья [113, с. 50]. А.Г. Петренко пришла к выводу, что в южной части ананьинского ареала основными сельскохозяйственными животными были свиньи, а овцеводство являлось слабо развитой отраслью [234, с. 127]. «Гиппемолги» - скифы, не разводившие свиней и прибывавшие прежде всего к южным аргиппеям, имели дополнительный повод говорить потом, что скота у этого племени немного.

Аргиппеям, согласно Геродоту, и пищу, и кров давали деревья, что дает, наверно, основание предполагать наличие соответствующих культовых представлений. О культе деревьев в ананьинской среде можно предполагать с большой уверенностью как по археологическим, так и по этнографическим данным. Так, в 40-х гг. прошлого века среди закамских удмуртов некоторых успехов добился миссионер секты липопоклонников – «боготворителей липы», которого считают восстановителем прежней вотяцкой религии [53, с. 204 –

205]. Удмурты поклонялись в прежние времена не только липам, но и деревьям других пород - можжевельнику, елям, березам. Березы, сосны, ели очень почитали прежде и другие наследники ананьинских традиций – коми. Усть-вымские коми особенно поклонялись елям, за что имели даже прозвище «ельники». О существовавшем в конце XVI в. на р. Мулянке, ниже устья Чусовой святилище коми при «величайшем дереве словом» говорится в Пермской летописи [131, с. 81]. Житие св. Стефана Пермского содержит рассказ о «прокудливой березе», которой язычники-пермяне приносили разнообразные жертвы. Просветитель пермяков рубил ее, по житию, три ночи, и из березы текла кровь и раздавались стенания [86, с. 35 – 37]. Предполагается, что у носителей ананьинской культуры также, как у коми и удмуртов, имелись подобные священные деревья. К ананьинским древностям относят бронзовое изображение двух таких деревьев с вырезанными на стволах личинами из Курганакского клада [113, с. 128, рис. 13].

Конечно, характерный ананьинский «длинный» дом типа «кенос» наподобие реконструированного по результатам раскопок Конецгорского селища несколько не подходит под Геродотово описание крытого «плотным белым войлоком» жилища аргиплеев. Есть предположение, что здесь дано описание древнейшего жилища тюрков. Согласно С.И. Ванштейну, древнейшим тюркским кочевническим жилищем была не собственно юрта - средневековое изобретение - а шалаш или чум [99, с. 251]. «Чом» означает шалаш и на коми, и на удмуртском. Удмуртская легенда о бегстве в дремучие леса Закамья рассказывает о том времени, когда первопоселенцы были поголовно еще язычники, охотились с луком и стрелами, изб не имели, а жили в подобных шалашах из липовых лубьев, хворосту и проч. [52, с. 2 – 3]. Естественно, такие жилища типа «чом», если они не имели заглубленного в землю основания, археологически неуловимы. Но что эти примитивные дома были известны с древности, нет никаких сомнений, о чем свидетельствует упоминание Тацитом шалашей феннов, сопоставлявшихся с древнефинским «кота», который

также служил переносным жилищем подвижным охотникам в бескрайних лесных дебрях.

Что ананьинцы также были охотничьим племенем, засвидетельствовано совершенно однозначно. А.Г. Петренко проанализированы обширнейшие остеологические материалы, в репрезентативности которых не приходится сомневаться. Ее вывод: в ананьинскую эпоху, по сравнению с предшествующей, в хозяйстве древних жителей Прикамья возросла роль охоты. Особое место принадлежало промыслу белки, бобра, куницы и др. [234, с. 123 – 127]. Этим подкрепляется давний тезис о развитии у ананьинцев пушной охоты по мере интенсификации их торговых связей с югом: «Очевидно, в течение ананьинской эпохи население берегов Камы и ее притоков было вовлечено в орбиту обмена с более южными племенами, для которых «мягкая рухлядь» представляла такую же ценность, как меха, доставляемые много веков спустя волжскими болгарами и славянами для арабского и византийского мира» [113, с. 51 – 52]. Вряд ли пушной промысел ананьинцев был бы эффективным, имея он только придомный характер. Впрочем, известно, что пушная охота как таковая требует преодоления больших расстояний. Так, промышленявшие пушного зверя ватаги охотников-коми уже в XVII в. встречали в Сибири. Они пользовались во время зимних охотничьих экспедиций жилищами, тип которых, безусловно, был унаследован от далеких предков. Это так называемый «киска-чом», представлявший собой каркас из жердей, уложенных наклонно на п-образную подставку-перекладину между двумя кольями с развилинами. На такой каркас натягивалась «киска» - крышка из вываренной и выскобленной бересты, сшитой в полотнища 0,5 м на 2-2,5 м [110, с. 29 – 37]. Видимо, подобную березовую «киска» скифские информаторы «отца истории» приняли за некий «плотный белый войлок», который и фигурирует в описании странного жилища аргиппеев. Именно зимнего.

Таким образом, наверное, все реалистические подробности Геродотова рассказа об аргиппеях так или иначе находят объяснение на ананьинской почве, тогда как при всех прочих попытках идентификации удавалось в лучшем случае найти соответствие одной-двум

деталюм. Нам не удалось выявить альтернативу тезису о том, что ананьинская археологическая культура оставлена аргиппеями.

Геродот не только описывает самих аргиппеев, но и передает их сообщения о населении областей, лежащих где-то еще «выше». «Выше» аргиппеев Геродот называет «горы высокие, недоступные», через которые «никто не проходит». Уже поэтому к сведениям из данного источника он должен был отнестись крайне скептически: «Эти плешивые рассказывают, – по-моему, они рассказывают недостоверное, – что в горах живут козлоногие мужи, а если перейти через этих людей, то живут люди другие, которые спят в течение шести месяцев. Это я отвергаю с самого начала» [99, с. 108 – 109]. Точно указать место обитания этих загадочных козлоногих на географической карте, понятно, затруднительно. «Выше» основного ананьинского ареала в Прикамье лежат и уже упомянутые Северные увалы, и Тиманский кряж, и сам Урал – средний и северный. Примерно два тысячелетия спустя здесь все повторилось. Уральские горы снова представлялись европейцам как высочайшие, недоступные. Ведь у Сигизмунда Герберштейна о них приведены сведения, вполне соответствующие Геродотовым: «... высочайшие горы, вершины которых вследствие постоянно дующего ветра совершенно лишены всякого леса и едва ли даже не травы. Хотя в разных местах у них разные имена, но вообще они называются Поясом мира (Cingulum mundi, Jandts oder Ertrichs Gurtel). ... Во владениях государя московского можно увидеть только эти горы, которые, вероятно, представлялись древним Рифейскими или Гиперборейскими. Так как они покрыты вечными лесами и льдом и перейти через них чрезвычайно трудно, то поэтому область Энгранеланд (по ту сторону гор) и совсем неизвестна» [71, с. 160]. Согласно М.П. Алексееву, с. Герберштейн, знакомый с мнением древних об этих горах, основывался все же не на античных, а на русских источниках, повествующих о «Камне» – Урале [10, с. 104]. «...А Камени в облаках не видати, а коли ветрено, ино облака раздирает, а длина его от моря до моря», – сказано в Разрядной книге о походе 1449 г. за Урал московских воевод Петра Ушатого и Семена Курбского [205, с. 202]. На воспоминания князя Курбского ссылается

Герберштейн. Подобное гипертрофированное представление о величине тех или иных возвышенностей хорошо известно и по другим источникам. В частности, Аланскими, или Алаунскими, горами у Птолемея [142, с. 235] и Маркиана Гераклеяского [183, с. 278 – 279] названы Донецкий кряж и Минская возвышенность соответственно [48, с. 7; 186, с. 462]. Конечно, местные предуральские жители, та же «Пермь, рекомая Чусовая», прекрасно знали пути через Уральский хребет в Югру, – т.е. в земли родственных им манси. Зауральская – мансийская – княжна, согласно пермяцкому мифу, была матерью самого богатыря Пера, легендарного повелителя и защитника страны коми [86, с. 69]. Местный уральский фольклорный источник следует предполагать для сообщений Герберштейна и некоторых других русских и западноевропейских сообщений о якобы живущих где-то на этих горах людях «чудовищного вида», в том числе таких, у которых будто бы все тело, наподобие зверей, поросло шерстью [71, с. 160]. С другой стороны, данные описания таких зооантропоморфных существ напоминают Тацитовых геллузиев и оксионов, у которых «головы и лица будто бы человеческие, туловища и конечности – как у зверей...» [150, с. 353]. Они, согласно Тациту, обитали где-то за его «счастливыми» феннами, как «козлогонимые мужи» – за Геродотовыми «священными» аргиппеями. Оба историка, похоже, в одинаковой степени сомневались, что где бы то ни было могли существовать такие подобию Пана и Сильвана, фавнов и сатиров... Сатиров, как известно, эллины первоначально представляли себе не только козлогонимыми, но и козлоголовыми – наверное, наподобие играющего на свирели фантастического существа, изображенного на перекрестье меча из Толстой могилы [296, с. 28, рис. 2: 10]. Точно также в области Уральского хребта бытовали представления о фантастических существах, обладавших человеческими головами, но звериными конечностями, и наоборот, что особого значения не имело: важно было само представление об их зооантропоморфной природе. Тотемистическая основа подобных представлений, будь то на Апеннинах, на Балканах или на Урале – несомненна. Конечно, неуместно, поняв «отца истории» буквально, пытаться искать следы именно козьего тотемизма на

Урале. На Урале таких следов заведомо нет: он находится вне зоны древнего обитания безоарового или винторогого козла – диких предков козы домашней, *Capra hircus*. Сибирские охотники, получается, в определенном смысле издавна являлись «козлоногими»: ведь из кожи с ног косули, камасов, шилась промысловая обувь «лаитаи» [220, с. 245]. Видимо, упомянув о «козлоногих мужах» и в горах выше аргиппеев, Геродот воспользовался понятным его эллинским читателям мифологическим образом. Чтобы понять Геродота и нам, наверное, надо учесть – на Урале по сей день «козой» или «дикой козой» зачастую именуется *Carpeolus carpeolus*, косуля. Изображение полукосули-полуженщины выгравировано среди прочих подобных фигур предков на одном металлическом диске I тысячелетия до н.э. из Истяцкого клада [377, рис. 92: 55, 1]. Но гораздо большей, чем косуля, популярностью в качестве тотема издревле пользовался другой представитель того же семейства оленей. Культ лося, согласно Л.С. Грибовой, для Приуралья имел примерно то же значение, что и медвежий культ для западной Сибири [86, с. 69]. Действительно, почитание сохатого на Урале засвидетельствовано по археологическим материалам. Еще неолитический Горбуновский торфяник, как известно, дал целую серию прекрасных деревянных скульптур лосей и лосих. Изображения этих же животных или их голов найдены и при раскопках памятников ананьинской культуры [113, с. 126; 393, с. 85]. У разделяющих ананьинское культурное наследие коми имелась фратрия лося, с которой связываются сделанные во многих местах Прикамья – Приуралья находки мяндашей – изображений человеколося. Считается, что в I тысячелетии н.э. мотив лося был ведущим в стране будущих коми и центральной фигурой мифологии главенствующего у них племени [86, с. 69]. Впрочем, древние легенды их ближайших соседей, зауральских манси, повествуют о богатырях «с оленьими ногами»...

Итак, где-то к северу – северо-востоку от территориального ядра ананьинцев – Геродотовых аргиппеев, по видимому, удастся обнаружить и какие-то следы его «козлоногих мужей». Там стали известны древности, относящиеся к эпохе железа, но еще обладаю-

щие развитой кремневой индустрией. На Северной Двине, Вычегде, Менези были открыты поселения, которые, по аналогиям керамики с материалами Прикамья, датированы VIII – V вв. до н.э. и отнесены непосредственно к ранней ананьинской культуре [29, с. 37 – 54; 54, с. 42 – 70; 151, с. 64 – 75]. Восточнее, на Ижме, Печоре и Усе также были обнаружены древности раннеананьинского круга - памятники типов Ластва, Перный, Ямашор. Ямашорские местонахождения обнаруживают зауральское влияние [135, с. 129 – 145; 151, с. 64 – 75]. Из-за Урала по Северной Сосьве верховий Печоры достигали также усть-полуйские древности [215, с. 8], также принадлежавшие к числу тех, которые были известны как зауральское Ананьино [113, с. 173]. Видимо, население таежной и горно-таежной области, оставившее все эти памятники, следует сопоставить с Геродотовыми «козлоногими» – древними группировками охотников с присущим им развитым промысловым и тотемическим культом.

Если «отец истории» считал не заслуживающими доверия дошедшие от аргиппеев известия о козлоногих, то их рассказы о людях, которые жили еще севернее, по ту сторону великих гор, он попросту отметал. Верный себе, Геродот все же счел нужным сообщить читателям диковинную подробность, о которой он был осведомлен: «... Если перейти через этих (козлоногих) людей, то живут люди другие, которые спят в течение шести месяцев». Видимо, мы не можем здесь последовать за «отцом истории», который отверг это «с самого начала». Уже потому, что известия наподобие аргиппейских о спящем народе время от времени поступали откуда-то из окрестностей полярного Урала и в последующие эпохи. Так, полярный колорит чувствуется, например, в Овидиевых «Метаморфозах»: «Есть вблизи киммерийцев глубокая пещера в полой горе, жилище и святилище ленивого Сна. Туда никогда не может проникнуть своими лучами ни восходящий, ни достигающий середины пути Феб. Из земли испаряются облака, смешанные с туманом, и вечно парят сумерки неясного дня» [228, с. 226]. Что эти таинственные северяне обжили якобы горные пещеры, сообщают после древних также средневековые источники, как западноевропейские, так и русские, равным образом восхо-

дящие, впрочем, к местной урало-сибирской традиции. На «югру» ссылался посланец Гюряты Роговича, рассказ которого о «чюде новом» помещен в «Повести временных лет» под 1096 г.. Живущие в горе и секущие ее, чтобы общаться с внешним миром, были якобы открыты уграми там, где «суть горы заидуче в луку моря», т.е. у северной оконечности Уральского хребта за полярным кругом. Об этих же лукоморцах, возможно, повествует и «Сказание о человецех незнаемых в восточной стороне» XV в., а также «Краткое описание о народе остячком» петровской эпохи [227, с. 25]. В «Сказании о человецех незнаемых» упоминается также «самоядь», умирающая на зиму [15, с. 3 – 4]. По-видимому, из него заимствованы сведения Сигизмунда Герберштейна о людях из Лукоморья, якобы каждый год точно 27 ноября умирающих, а 24 апреля оживающих, «наподобие лягушек». С ними вели «немую» меновую торговлю, как и секущими гору лукоморцами, о которых собрал сведения отрок Гюряты Роговича [71, с. 157]. Другой западноевропейский путешественник в Московию, Бернгард Таннер, в отличие от Герберштейна говорит не о смерти и воскрешении, а о том, что некие «ловцы соболей» зимою «от холода впадают в спячку такую, что делаются как мертвые...» [10, с. 104].

Комментарий сообщениям о спящих по шесть месяцев мы обнаружим еще у В.Н. Татищева: «... сия басня, мною, оттого сложена, что для трудности перехода (через Урал) ... мало в ту страну ходили, а особливо зимою для множества снегов проход, кроме лыжей, был неудобен. И как люди тамошние в то время (из жилищ) не выходили, то сложили, яко бы они все время спят» [340, с. 105 – 106]. «Отец истории российской» подошел к известиям «отца истории» с сугубо практической меркой... На самом деле все, конечно, сложнее, но это стало понятным только после всестороннего изучения некоторых мифологических представлений древности. В частности, внимание исследователей привлекли древнеиндийские «Законы Ману», где сказано: «у богов день и ночь - год, разделенный надвое; день - период движения солнца к северу, а ночь - период движения к югу». Сведения о шестимесячном сне или даже временной «смерти» «край-

них» из людей рассматривается теперь как подтверждение известности древним жителям умеренных широт полугодовой полярной ночи в странах севера [42, с. 26]. В то же время эти античные известия считаются практически непригодными для реконструкции культуры древних северян. Но исключение сделано для описания живущих где-то под полярной звездой неких «абиев», послы от которых, согласно Квинту Курцию Руфу, также побывали в ставке Александра Македонского. Эти «абии», согласно Руфу, зимой двигались мало, делая запасы еще летом. О зимней спячке, подобной смерти, речь, таким образом, не идет: автор «Истории Александра» был осведомлен о жителях крайних северных земель гораздо подробнее, чем «отец истории». Ему известно даже, что в зимнее время «абии» устраивают ходы под снегом и выходят из своих заметенных жилищ через дымовые отверстия. Эти жилища были углублены в землю и имели сверху закругленную или заостренную кровлю. Вывод Ю.Б. Симченко о том, что описание Квинта Курция Руфа реально отражает жизнь современных античному миру аборигенов Субарктики, выглядит, таким образом, вполне обоснованным [316, с. 68]. Действительно, в середине XVII в. П. де Ламартиньером были осмотрены на побережье Карского моря такие полуземлянки с составленными из «рыбьих», т.е. китовых костей крышами: в крышах имелись входы, устроенные «наподобие печного устья». Их обитатели облачались в одежды из тюленьих шкур, пользовались кожаными лодками типа каяков, в которых они охотились за морским зверем с помощью оружия из камня и кости [169, с. 54]... Следы древней - I тысячелетия до н.э. - культуры арктических охотников на морского зверя, в том числе остатки жилищ, наподобие увиденных П. де Ламартиньером и вполне соответствующих описанию Квинта Курция Руфа домов «абиев», были открыты на п-ове Ямал [215, с. 7, 8, 41, 42; 373, с. 108 - 133]. Эта культура рассматривается как один из компонентов сложившейся в бассейне Оби усть-полуйской археологической общности и сопоставляется с этнографически известной по результатам исследований «сидячих» чукчей и эскимосов. Из палеоэскимосских комплексов приведены аналоги для орудий промысла морского зве-

ря, предметов арктического быта, для принадлежностей туалета, в частности, гребней из рога северного оленя, для резной моржовой кости и др., найденных на нижнеобских памятниках усть-полуйской культуры. Сама эта культура, согласно В.И. Мошинской, датируется в узких пределах V– III вв. до н.э.. В.Н. Чернецовым предполагалось, что эти древние морские зверобои арктического побережья Западной Сибири были и этнически близки предкам эскимосов, также, как они, являлись палеоазиатами [376, с. 235 – 238]. Этих палеоазиатских аборигенов западносибирской тундры древним самодийцам, предкам ненцев, энцев, нганасан удалось ассимилировать только к концу I тысячелетия н.э.. В фольклоре названных народов представлен целый пласт легенд и преданий о «сииртя» или «сихиртя» [51, с. 152 – 158; 366, с. 63 – 67]. С одной стороны, в их реальном существовании в отдаленном прошлом нет сомнений. Ведь в исторической памяти местных самодийцев эти сииртя - не мифический, а вполне реальный народ, который и сражался, и мирился, даже роднился с их предками: роды Яптик, Лодоседа, Вануйта и др. у ненцев и нганасан считаются не самодийскими, а аборигенными по происхождению. С другой стороны, сииртя преданий тундры наподобие «чуди» уральских сказаний - это не обычные люди. Они считались богачами, красивыми, но малого росточка, а главное, подземными жителями: обитателями недр гор, сопок, холмов. На земную поверхность они выходили все реже и реже, пока не перестали появляться вообще. Получается, что сииртя, видимо, обитатели стационарных жилищ, углубленных в землю, столь необычных по сравнению с разборными переносными чумами кочевых оленеводов, обнаруживают некоторое сходство и со средневековыми «лукоморцами», и с античными «абиями», первыми предшественниками которых были, видимо, «спящие по полгода». Геродот смог получить лишь самую малую толику знаний о населении циркумполярной зоны, но и этой толикой «отец истории» не пренебрег...

Не пренебрег он и «рассказнями» о других северянах – гиперборейцах, хотя всячески выражал свое сомнение в их существовании. «Ниже» спящих полгода и гипербореев мы снова встречаем у него

следующую пару чем-то близких друг другу существ. И «козлоногие мужи», и грифы полиморфны, те и другие на свой лад, разумеется. Похожи непохожестью физического облика, если сравнивать их с другими человеческими племенами, также обитавшие еще «ниже» аргиппеи и аримаспы. Первые, якобы, выделялись отсутствием от природы волос на голове, вторые – одного глаза. Итак, обратимся теперь к аримаспам, грифам и гипербореям, но отметим, что к сопоставлению с «параллельными им, соответственно, аргиппеями, «козлоногими» и «спящими» нам еще придется вернуться.

Пока же резюмируем следующее: аргиппеи, они же аримфеи, это – ананьинское население Прикамья и Приуралья. Родственные им северные и северо-восточные ананьинские группировки – это «козлоногие», а обитатели полярного Приуралья – «спящие полгода».

ГЛАВА VIII. О РЕАЛЬНОСТИ АРИМАСПОВ, ГРИФОВ И ГИПЕРБОРЕЕВ

Отрицание чего-либо, достойного доверия, в известиях древних эллинских поэтов и писателей об обитателях отдаленных областей северной Азии мы встречаем еще у Страбона. Правда, «отец географии» все же признавал, что эти древние авторы различали их по частям, в том числе знали также аримаспов и гипербореев. Но вообще, по словам Страбона, они не сообщают об этих племенах ничего достоверного вследствие своей наивности и любви к сказкам [336, с. 50 – 51]. Впрочем, и причисленный к «рассказчикам мифов» Геродот, в свою очередь, также сомневался в истинности Аристеевых стихотворных известий о «счастливых» гипербореях и об одноглазости грипомахов-аримаспов [99, с. 96 – 97, 104 – 105, 110 – 111]. Получается, что те современные исследователи, которые считают аримаспов, грифов и гипербореев «сказочными» и мифологическими» племенами [105, с. 60 – 61], являются продолжателями очень древней скептической традиции. Исследователи и в прошлом, и в настоящем пытались объяснить появление соответствующих древних известий о северных странах неким южным влиянием. В частности, индийское происхождение предполагается как для легенды о «грифоньем» или «муравьином» золоте, так и для предания об одноглазых людях, которые будто бы переместились на север посредством контаминации [107, с. 76 – 77]. Но индийские источники, сходным образом предполагавшиеся в прошлом веке как платформа для североазиатских преданий о кинокефалах, современной наукой убедительно отрицаются. Ведь хорошо известна та исключительная роль, которую собака играла и в хозяйстве, и в мифологии племен Сибири. Теперь исследователи полагают, что разнообразные сибирские предания о «песьеголовцах» возникли на местной почве [316, с. 69]. Что на местной почве могли возникнуть также и предания о добывающих золото, наподобие индийских *pirilica*, муравьях, свидетельствует

204

добие индийских *pipilica*, муравьях, свидетельствует одна уральская народная сказка [30, с. 234]. Золотые месторождения вообще часто использовались и используются как ориентиры во многих гипотезах локализации грифов и аримаспов. В частности, с южноуральским золотом аримаспы связываются Н.Л.Членовой [378, с. 56]. «Подлинная страна золота» аримаспов была в свое время отождествлена В. Томашеком с тибетской золотоносной областью Манасаровар у истоков р. Брахмапутры [417, с. 715]. Подобная локализация вблизи Тибетских гор аримаспов, а также их соседей некрофагов-исседонов была поддержана тогда Ф.Г. Мищенко. Им для аналогии с Геродотовым рассказом о нравах исседонов приводятся сообщения Иоанна де Плано Карпини и Вильгельма де Рубрука о практиковавшемся некоторыми тибетскими племенами эпохи монгольских завоеваний обычая поедания покойников и изготовления чаш из их черепов. Эти аналогии, согласно Ф.Г. Мищенко, по крайней мере, не препятствуют размещению упомянутых у Аристия и Геродота племен где-то на Тибете [209, с. 119 – 120]. Но в азиатских просторах некрофагия, а еще более золотодобыча отнюдь не являлись в прошлом особенностями именно Тибета. Впрочем, еще Р. Хеннингом против тибетской локализации были выдвинуты более веские аргументы. Возражая В. Томашеку, он сослался на то, что манасароварское золото всегда вывозилось только в Индию и Бактрию и никогда – в Северное Причерноморье и Ольвию. Р.Хеннинг полагал также попросту нелепым само допущение, что Ольвия могла в столь раннюю эпоху иметь такие протяженные торговые связи со странами, ставшими известными эллинистическому миру лишь около 100 г. н.э.. Вместе с тем Р.Хеннинг поддержал гипотезу А. Гумбольдта о местонахождении посещавшейся аримаспами страны золота на Алтае, в самых богатых металлических рудами горах мира [365, с. 95]. Э. Боннелем отмечалось, в этой связи, что само название Алтая происходит от тюркского ‘alta – «золото» [400, с. 124]. В качестве еще одного довода в пользу Гумбольдтова варианта локализации была сделана ссылка на находки изображений грифов на Алтае. Впоследствии этот аргумент приводился неоднократно. Так, согласно С.И.Руденко, именно богатство

золотом Алтая и прилегающих к нему с запада районов послужило основанием для возникновения легенды о стерегущих этот драгоценный металл грифах. Исследователь считал, что под именем «грифов» скрывались племена Горного Алтая середины I тысячелетия до н.э.. Поместив грифов на Алтае, С.И. Руденко враждебных им аримаспов указал в соседстве с ними, в предгорьях Тарбагатая, на верхнем Иртыше и в районе озера Зайсан [293, с. 18]. Л.С. Клейн также сослался на популярность образа грифа в искусстве Горного Алтая скифской эпохи как на аргумент в пользу соответствующей локализации. Аримаспы у него помещены там же, в бассейне верхнего Иртыша. Исследователь сослался также на обилие в этой предполагаемой области аримаспов находок древнего художественного золота, многие из которых украсили знаменитую сибирскую коллекцию Петра Великого [144, с. 232 – 233]. Д.А. Мачинский «золото у подножия гор, в местности с богатой почвой и неким потоком» также помещает на юге Сибири, где и сейчас на Алтае, в верхнем течении Иртыша, разрабатывается золотой рудник Миалы. Аримаспов исследователь предлагает «с осторожностью» соотносить с тасмолинской культурой, простирающейся до алтайских предгорий, а их врагов грифов ... с обитавшими там же настоящими стервятниками. «Реальная основа Аристеевых грифов, позднейших грифонов, пишет Д.А.Мачинский, – это гигантские грифы, особенно многочисленные в полупустынных предгорных районах ... Судя по отдельным намекам, эти грифы более всего угрожали основному богатству аримаспов – коням» [194, с. 23]. Здесь, кажется, требуется орнитологическая справка. Дело в том, что грифы на Алтае действительно гнездились, но только черные, или, иначе, серые (*Aegypius monachus* L). Действительно, этот типичный падальщик гриф иногда нападает также и на живую добычу: ящериц, черепах, сусликов, новорожденных ягнят [256, с. 258]. Как видим, этот вовсе не гигантский падальщик угрожать конским табунам попросту не в состоянии. «Название хищной птицы в применении к грифам, пишет А.Э. Брэм, теряет отчасти свой точный смысл...». Им описывается также случай, когда прирученную самку серого грифа забодал олень ... [46, с. 262]. Предположение Н.В. Полосьмак, что

прображом алтайских орлиноголовых грифонов стали не грифы, а крупнейший из орлов – беркут, видимо, предпочтительнее, во всяком случае, с зоологической точки зрения. Исследовательница полагает, что «грифы», носители пазырыкской культуры, отождествлялись ближними и дальними соседями с их племенным тотемом [248, с. 6]. Таким образом, версия С.И. Руденко об алтайской (пазырыкской) локализации грифов и грифоньего золота была заново воспроизведена после новых раскопок ак-алахинских курганов.

В отличие от Н.В.Полосьмак, Д.А.Мачинский попытался, придерживаясь той же алтайской локализации, определить местонахождение также и гипербореев. «Другому морю», которого они достигали, по предположению исследователя, могло соответствовать, кроме Ледовитого океана, и «славное море, священный Байкал». Своих гипербореев Д.А.Мачинский помещает в Минусинской и других котловинах, расположенных вплоть до устья Ангары. Он исходит из того, что, в отличие от воинственных кочевников-скотоводов Алтая и Тувыб население Минусинской котловины скифского времени занималось также и земледелием, что лучше согласуется с античными известиями о миролюбии гипербореев. Не производит впечатления надежного доказательства и ссыла на то, что в минусинском искусстве скифо-сибирского «звериного» стиля жестокие сцены терзания значительного развития не получили. Поэтому, например, трудно принять определение каменных женских статуй окуневской культуры как «гиперборейских» [194, с. 24 – 29].

Дж. Болтон предложил отождествить Аристеевых гипербореев с древними китайцами. Однако, его вариант размещения двух остальных племен в принципе не отличается от названных выше. Грифов он поместил где-то в алтайских, кузнецких или тарбагатайских горах, а аримаспов – опять же в верховьях Иртыша. Автор исследования об Аристее Проконесском руководствовался тем, что его герой, путешествуя, шел навстречу холодному ветру, который дует на великой евразийской равнине с востока. Но ведь в сохранившихся фрагментах «Аримаспейи» говорится, что Аристей путешествовал по Борею, а не по Эвру, т.е. все же не на восток, а на север, что и под-

черкнуто в рецензии И.В. Пьянкова. И.В. Пьянков заметил также, что противолежащее киммерийскому Черному «другое море», которого, согласно Геродоту, достигают гипербореи, вряд ли принадлежало бассейну Тихого, а не Северного ледовитого океана. Автором рецензии была подчеркнута также необходимость при определении пути к исседонам и далее вплоть до гипербореев обязательно учитывать данные археологии. Версия В. Томашека и его последователей, согласно И.В. Пьянкову, базируется на археологически необоснованном, искусственном соединении двух торговых путей, северного и восточного. Восточный «шелковый» путь в Китай через Туркестан просто еще не был освоен купцами из Европы во времена Аристеея и Геродота. Не удивительно, что какие-либо археологические свидетельства контактов между Причерноморьем VI – V вв. до н.э. и Тибетом отсутствуют [259, с. 176]. Зато археологически подтверждено функционирование уже в ту эпоху северного торгового пути. Б.Н. Граковым были приведены доказательства достоверности Геродотовых сведений о торговой дороге от гавани Ольвии вплоть до высоких гор в глубине материка, которой пользовались прибегавшие к услугам семи переводчиков греческие и скифские купцы [99, с. 108 – 109]. Находки бронзовых зеркал ольвийского типа VI – V вв. до н.э. в Заволжье и Приуралье рассматривались Б.Н. Граковым в качестве свидетельства существования ранних, хотя, возможно, и опосредованных контактов северопричерноморских эллинов с населением этих отдаленных земель [78, с. 23 – 38]. Еще один довод также склоняет к тому, чтобы предпочесть прилегающие к Уральскому хребту территории в качестве вероятного места обитания аримаспов, гриффов, гипербореев внутриазиатским областям Алтая, Туркестана, Тибета и т.д. Припомним, что Геродот говорит о расположении земель исседонов, врагов и соседей аримаспов «снизу», с юга от них, и севернее, «напротив» племени массагетов [99, с. 84 – 85]. Массагеты же, согласно результатам специального исследования вопроса об их локализации, обитали в VI – V вв. до н.э. немного восточнее Каспийского моря и севернее впадающей в него р. Узбой [260, с. 115 – 130; 262, с. 46 – 70]. Исседоны «напротив» массагетов неизбежно оказы-

ваются где-то севернее Мангышлака и Арала - в бассейне р. Урал. Локализация Аристеевых и Геродотовых исседонов в уральской степи уже получила обоснование. Прежнее представление о пребывании здесь в VI – IV вв. до н.э. савроматов, точнее, протоаорсов, таким образом, пересмотрено. Д.А.Мачинским даже было предложено изменить, на «самаро-уральскую», или «орскую», прежнее название соответствующей Аристеевым и Геродотовым исседонам археологической культуры, поскольку наименование ее «савроматской» только вносит путаницу и дезориентацию [193, с. 34; 191, с. 22]. Но, как ее не называй, археологически установлено, что эти древние уральские кочевники обладали тесными и разнообразными связями с ананьинским населением Прикамья [325, с. 194, 271]. Что, по нашему мнению, следует считать археологическим подтверждением Геродотова утверждения о соседстве исседонов с аргиппеями: «Область к востоку от плешивых, населенная исседонами...» [99, с. 108 – 109].

Аримаспов «выше» исседонов следует искать, опять же, ближе к Уральским, чем к Алтайским горам. Ни лесной, ни горный ландшафты не соответствуют хозяйственному типу аримаспов, который, кажется, можно представить благодаря сохранившимся у Цетца фрагментам Аристеевой поэмы. Согласно Цетцову пересказу, одноглазые были «богаты конями и стадами овец и быков» [17, с. 29]. Мелкий, крупный рогатый скот и лошади - такой состав стада имелся в древности и средневековье у животноводов евразийских степей и лесостепей [370, с. 93].

Древними скотоводами в степи центрального Казахстана были оставлены памятники тасмолинской культуры VII – III вв. до н.э.. Казахские археологи предложили отождествлять эту культуру с Аристеевыми и Геродотовыми исседонами, а также аримаспами [100, с. 408]. Но размещение аримаспов к востоку от исседонов противоречит как указанию «Аримаспейи» о проживании одноглазых «вверху, в соседстве с Бореєм», так и Геродотовой «Истории», указывающей их «выше», т.е. севернее или северо-восточнее исседонов, а не «за» ними – восточнее, соответственно. Носителей тасмолинской культуры сейчас принято именовать саками – в том значении, как и в

эпоху Ахеменидов, когда древние персы называли так все кочевые племена, похожие на собственно азиатских саков [152, с. 32; 334, с. 13]. Но в действительности и предки «саков»-тасмолинцев, и предки аримаспов могли происходить из одной и той же андроновской этнической общности бронзового века. Предполагается, что носители андроновской и андронидных культурных традиций принадлежали к древнеугорскому этносу [153, с. 155]. Предполагается также, что и в эпоху раннего железа древнеугорские племена продолжали обитать за Уралом, в северо-казахских и западносибирских степях и лесостепях. Этот элемент оказал влияние на формирование прохоровской культуры ранних сарматов [327, с. 69 – 76]. С древнеугорским этносом принято связывать определенные особенности погребальных комплексов указанной территории - кольцевые ровики под курганами, подкурганые ямы с «заплевками». Эти особенности зафиксированы уже в андроновских курганах северного Казахстана [130; 305, с. 118 – 124]. Позднее они же отмечены и для курганных погребений раннего железного века в зауральской и западносибирской лесостепи. В частности, в курганах саргатской культуры. Универсальная ее хронология пока не разработана, но временем расцвета данной культуры, распространения по сибирской лесостепи на запад, в ареал близкой гороховской культуры, считается V – III вв. до н.э. (саргатско-гороховский этап). Этап же формирования саргатской общности датируется VII – VI вв. до н.э. [152, с. 23 – 47; 189, с. 156 – 158; 190, с. 118; 247, с. 91]. Таким образом, носители саргатской культуры в лесостепной полосе Западной Сибири являлись современниками Аристеевых и Геродотовых исседонов и, как мы предполагаем, были эквивалентны их соседям-врагам, «одноглазым» аримаспам. На наш взгляд, по-видимому, имеется некое археологическое соответствие и Геродотову известию о вытеснении аримаспами исседонов из их страны [99, с. 104 – 105]. Ведь исседонам, скорее всего, соответствовало хорошо известное археологически степное южноуральское кочевническое объединение. Именно с ним теснейшим образом была связана гороховская культура в зауральской и западносибирской лесостепи, его своеобразный агент на севере, по определению Л.Н. Ко-

ряковой [152, с. 39]. Раннесаргатские же элементы распространились с востока на запад, проникая в гороховский ареал и постепенно его осваивая [334, с. 308].

Финал саргатской общности связывается с эпохой великого переселения народов; именно в саргатских племенах В.А. Могильников усматривает предков раннесредневековых угров, как дунайских, так и обских [212, с. 71]. Черту, присущую и тем, и другим, можно отметить также и по античным описаниям племени «одноглазых». В частности, судя по Цетцову пересказу, в Аристеевой «Аримаспее» говорилось, что племя одноглазых всадников – это «чванящиеся длинными волосами (вариант: пучками или плюмажами из волос)... они носят косматые волосы и являются самыми могучими из всех людей» [17, с. 298]. Косвенные указания на особенные прически воинственных аримаспов имеются у Каллимаха и в схолиях к Лукану. В монтепессуланских схолиях говорится об аримаспах, повязывающих волосы золотыми повязками [339, с. 329], а Каллимах называет их «белокуроыми» [124, с. 262]. Надо полагать, что древние, сообщая о пышных волосах аримаспов, равно как и о плешивости аргиппеев-аримфеев, не имели в виду расовые особенности этих племен. Вероятно, удастся найти более приемлемое объяснение, когда мы сопоставим два фрагмента из Солина и Клемента Александрийского. «Племена кельтов и скифов носят длинные волосы», – сообщает Александриец о северных воителях. И далее: «Густые волосы варвара внушают страх, а их рыжий цвет грозит войной» [146, с. 281]. Получается, что и гривы кельтов, и «плюмажи» (косы) аримаспов рассматривались как знак свирепости, воинственности, одержимости Аресом. Соответственно, короткая стрижка символизировала миролюбие и отсутствие агрессивности. Согласно Солину, аримфей-аргиппей, в частности, своими нравами были подобны «священным» гиперборейцам. У аримфеев, по его словам, «как мужчины, так и женщины не любят длинных волос: оба пола стригутся коротко. Они любят покой, не любят вредить другим» [65, с. 245]. Имя же аримаспов в форме истолковывалось у Евстафия как «неистовые от Ареса» [103, с. 242]. В средневековую эпоху Европу потрясло неистовст-

во конных полчищ венгров. Вторгшиеся всадники удивили европейцев и тем, что носили косы. Точно также выбривали лбы и заплетали косы сзади на темени не только дунайские, но и обские угры, манси и ханты. В старину их прическа была сходной с древнемадьярской, считал С.К. Патканов, знаток обскоугорских обычаев и преданий в XIX-м веке [231, с. 108]. Впрочем, в отдаленных мансийских селениях косы отдельные старики носили еще лет двадцать назад [329, с. 109]. Небезынтересно, что само устаревшее название народа манси у русских, «вогулы», передает их наименование у коми-зырян, на языке которых «лѣзь вогыль» означает буквально «человек с косматыми волосами» [69, с. 208]. Что у угров длинные прически не являлись каким-то относительно поздним заимствованием, свидетельствуют зафиксированные этнографами XIX-го столетия соответствующие представления манси и хантов. Они считали волосы вместилищем реинкарнирующей зооморфной души, которую в священных изображениях символизировало тотемическое наголовье. «Блюдитесь, други, сего: егда будут вам стрищи власы, то вырежут из вас души», – предостерегал своих склонявшихся к принятию святого крещения соплеменников мансийский шаман Нахрач Евплаев. Остриженный, согласно представлениям обских угров, терял «душу» – лишался воли и мужской силы. Раб в хантыйском сказании имеет кличку Какин-пунгк-ойка, «паршивый лысый мужик». Обращенным в рабство отрезали косы, а побежденных врагов скальпировали. Скальп ух-сох, или «радужным цветом отливающая головная кожа» часто упоминается в обскоугорских сказаниях среди главных трофеев богатырей. Именно «косатый богатырь», севен-урт, считался, с другой стороны, самым могущественным. Сказание награждает одного из них следующими эпитетами: «выбранный из среды восьмидесяти мужей, с оленьими ногами, с опущенными косами, косатый Яг» [231, с. 100 – 102]. З.П. Соколова сочла характерный в прошлом для хантов и манси и запечатленный в их фольклоре тип мужской прически одним из элементов южного, кочевнического происхождения, наравне с культом коня, солнца, «солнечного металла» – золота и пр. [330, с. 110]. Истоки этих традиций, как известно, принято от-

носить к скифо-сарматской эпохе, значит, и ко времени «косматых» аримаспов.

«Сказочность» этих аримаспов, которая являлась одной из причин помещения их в отдаленных тибетских или индийских землях, во многом обусловлена их пресловутой одноглазостью. Видимо, первым об этом свойстве, якобы присущем одному из отдаленных северных племен, сообщил Аристей. Он воспел, судя по Цетцу, доблести этих всадников, каждый из которых имел «лишь один глаз на милом челе» [17, с. 298]. Эсхил также посвятил пару строк грозному войску одноглазых [395, с. 303]. Эти поэтические выдумки отвергались Геродотом, который отказывался верить, что «люди могут рождаться одноглазыми, имея все другие свойства как у прочих людей» [99, с. 96 – 97]. Говоря об аримасах, Геродот ссылается не только на эллинов, но и на варваров, на рассказы исседонов в передаче скифов и подчеркивает скифское происхождение имени «одноглазых». Из скифского «арима» - один и «спу» – глаз [99, с. 110 – 111]. Искусственность Геродотовой этимологии несомненна. Однако, некоторые исследователи все же исходят из «циклопичности» аримаспов – конечно, мифологической. Согласно Л.С. Клейну, наименование аримаспов одноглазыми должно объясняться их собственной генеалогической легендой. Он допускает принадлежность аримаспов к древним тюркам и поэтому ссылается на хуннский миф о происхождении хунну от изуродованного героя, а также на башкирские легенды об одноглазых и одноногих лесных духах «шурале» [144, с. 233]. Но кривые и колченогие персонажи отнюдь не являются особенностью только тюркских легенд. В частности, подобно «шурале» половинным человеком, одноногим, одноруким, одноглазым, как бы распиленным вдоль хребта, представляет лешего Палэс-мурта удмуртское сказание [53, с. 32, 85]. Мотивы ассиметрии выходцев из потустороннего мира, в том числе и почитаемых в качестве предков, вообще имеют глобальное распространение [222, с. 133 – 141]. В противоположность Л.С. Клейну, Л.А.Ельницкий придерживается мнения об индийском происхождении легенды об одноглазых аримасах и видит ее источник в пересказанных Мегасфеном сюжетах о собакоухих

кривых существах. Но ведь популярные в античную эпоху легенды об одноглазых не ограничивались собакоухими в Индии и аримаспами за Скифией. Циклопы, якобы, населяли Сицилию; «циклопом» же был будто бы и вождь древних эфиопов... Видимо, все эти античные и средневековые сказки следует возводить к одному источнику [365, с. 256]. Собственно, греческому. На наш взгляд, обязательно следует учесть мнение Страбона о том, что Гомер заимствовал свое представление об одноглазых циклопах «из истории Скифии», из Аристеевой «Аримаспеи» [336, с. 28]. По соображениям хронологии, эту гипотезу «отца географии» следует понимать с точностью до наоборот. Считается, что Аристею уже была известна эллинская концепция о счастливом народе гипербореев [259, с. 172 – 179]; допустимо, что он владел и представлением о неких циклопических существах в отдаленных частях ойкумены. Для Геродота одним из источников об аримаспах являлись рассказы исседонов – ираноязычного, по-видимому, племени. Ираноязычное же название «одноглазых» напоминает другой этноним-прозвище, «тафрии», воспринимавшийся как «слепые» [105, с. 34]. Но имя аримаспов воспринимали не только как прозвище. Согласно Диодору, оно являлось производным от имени их древнего знаменитого царя, подобно названиям саков, массагетов и прочих «скифов» [95, с. 251]. Правда, Диодорова версия может относиться не к аримаспам «выше» исседонов», а к эвергетам-ариаспам между Дрангианой и Гедрозией. В имени аримаспов, во всяком случае, имеются два иранских корня, 'aḡim(a) – «отличный», «благородный» и 'aspa – «конь»; получается, что оно совпадает с эллинским – «прекрасноконные», «владеющие отличными конями» [328, с. 32]. Такая этимология вполне согласуется и с Аристеевыми, и с Эсхиловыми сведениями об аримаспах. В «Аримаспейе» о них говорится как о «богатых конями», а в «Прометее прикованном» – об их «конном войске». Что, кроме «циклоповского», в античном мире был известен и «каллипидский» смысл имени аримаспов, следует, кажется, из седьмой эклоги Вергилиевых «Буколик»: «Вместе коня и грифа впрягут...». Здесь, конечно, дан популярный в греко-римском искус-

стве и литературе образ грипомеха – аримаспа-всадника, у Вергилия обозначенного просто как «конь» - 'aspa.

У многих писателей, греческих и римских, говоривших о воинственности конных аримаспов, их пресловутая одноглазость не упоминается. В Птолемеевой же «Географии» аримаспы не упоминаются вовсе, что вроде бы дает повод для утверждения о «сказочности» этого племени [105, с. 198]. Зато там мы прочтем: «... ниже их (аорсов) савары и бурски до Рипейских гор» [142, с. 237]. Эту Птолемеевых П. Шафарик в свое время попытался отождествить с восточнославянскими северянами Начальной русской летописи. Конечно, здесь имеется лишь приблизительное созвучие, как и в отношении гуннских савиров, наподобие известного «турки» у Помпония Мелы вместо Геродотовых йирков. Ни славян, ни тюрков по соседству и одновременно с Птолемеевыми аорсами мы, конечно, не найдем. Тогда севернее ираноязычных кочевников продолжали обитать древнеугорские племена, оставившие саргатскую культуру. Ее глубокая иранизованность подчеркивается всеми. При этом исследователи не ограничиваются констатацией разнообразных южных влияний, ярко проявляющихся в саргатских комплексах вооружения, снаряжения верхового коня, орудий труда, предметов повседневного быта, украшений и т. д.. Речь идет о непосредственном участии в этногенезе саргатских племен савроматских и сакских компонентов, что нашло отражение в особенностях погребального обряда богатых курганов: кроме обязательных ровиков он предусматривал так же, как и в захоронениях сакских степей, перекрытие могил хворостом, канавки вокруг них для размещения инвентаря, деревянные надмогильные сооружения и др. [334, с. 308]. Считается, что это было результатом переселения отдельных сакских родов завоевателей, в VI – IV вв. покоривших соседнее саргатское население и составивших его аристократию с собственной элитарной субкультурой, проявляющейся и в ритуале захоронений курганов знати [190, с. 124]. Таким образом, в западносибирской лесостепи тогда происходил тот же процесс, что и в лесостепи днепровского Правобережья раннескифского времени: внедрение в среду местного оседлого населения кочевников, заняв-

ших там господствующее положение и ставших проводниками для иранизации местной культуры [317, с. 75 – 93]. Видимо, иранизация древнего населения западносибирской лесостепи действительно была очень глубокой. Иначе ее следы не были бы так отчетливы даже в языке и верованиях далеких потомков этого древнего населения, хантов и манси. Даже название главной реки страны этих угров, Оби, а также Иртыша и Туры, считаются произошедшими от иранских корней [217, с. 16 – 17]. Обско-угорские названия железа и железных орудий также иранского происхождения: мансийское и хантыйское 'ker, karta, karti - «железо» сопоставимо с авестийским 'kareta, персидским 'kard в значении «нож». Обскоугорское 'somī - «золото» - соответствует древнеиранскому 'zarānu в том же значении. 'Nap, «хлеб», также совпадает с пехлевийским. Социальная терминология обских угров частично имеет иранские корни. В частности, мансийский и авестийский термины «супруга» созвучны: 'voant, 'vanta [376, с. 240]. То же наблюдается и в отношении животноводческой терминологии, особенно связанной с коневодством. Например, название конской плети у венгров (астар), у манси и хантов (аштр) созвучно иранским - «аштра», «аштар» [42, с. 100]. Не зря же корни мадьярского коневодства усматривались Б. Мункачи именно в «скифской» культуре, с которой угры контактировали многими столетиями ранее, чем с тюркской [408]. Саргатская культура скифо-сарматской эпохи, как уже отмечалось, связывается с общими предками современных мадьяр Подунавья, а также хантов и манси Приобья. Эта культура действительно имела ярко выраженную скотоводческую направленность хозяйства, которое приближалось по своему типу к степному номадскому. Считается, что саргатское население особенно в южной, соседней со степью, частью лесостепи, постепенно переходило к полукочевнической форме скотоводства [334, с. 306]. В фаунистических комплексах саргатских памятников отмечено даже присутствие костей верблюдов, но доминирует лошадь. Считается, что саргатское коневодство, как и в сакских степях, имело мясное направление [189, с. 116]. Но лошади, конечно, разводились и под седло, особенно для военных целей. Н.П. Матвеева предполагает даже экспортный харак-

тер коневодства саргатской культуры. Нестабильная военнополитическая обстановка на юге Сибири и в североказахстанских степях скифо-сарматской эпохи обеспечивала устойчивый спрос на отборных лошадей для кавалерии. Их разведение, по мнению исследовательницы, было для саргатского населения весьма прибыльным занятием [190, с. 120]. Множество соответствий древнеиранской обнаруживается в обскоугорской мифологии. Один из центральных персонажей обскоугорского пантеона – крылатый всадник Мирсусне-хум, «мир озирающий человек» – угорский Митра, по определению И.Н.Гемуева [69, с. 192]. Действительно, ему присуща такая же, как и Митре иранскому, солнечная природа и сходные функции; иранское происхождение этого божества общепризнанно [42, с. 158]. Действительно, одно из имен «угорского Митры» – Али-хум, «южный человек». Крылатый всадник у хантов и манси считается сыном их верховного бога Нуми и богини Калтащ, прародительницы обскоугорской фратрии Мось. Ее второе имя звучит как «Савыр-най», соответствуя названию Sabar, которое Константин Порфирогенит дает мадьярам в Леведии, и имени Птолемеевых саваров. Это, кстати, еще одно свидетельство в пользу общего, сибирско-саргатского, происхождения как обских, так и дунайских угров. Вообще «себар» или «сипыр», «супыр» и т.п. использовались не только как названия лишь фратрии Мось. Это были имена всего мансийского народа и даже обских угров в целом. Давно известна соответствующая точка зрения В.Н. Чернецова [375, с. 114 – 116]. Он считал древних савыров той частью предков манси и хантов, которые пришли в западносибирскую тайгу с юга. Следы предыдущего пребывания этих савыров-сыбыров южнее позднейших мест обитания обских угров обнаруживаются около Тобольска, на территории расселения «заболотных» татар». Там известны названия Сыбыр-ялга («река сыбыров»), Сыбыр-тора («город сыбыров») и т.д.. Предания «заболотных» татар повествуют об упорной борьбе, которую с этими сыбырами вели некие «торна», т.е. журавли [108, с. 431]... Так же, между прочим, изображались иногда и фантастические противники аримаспов: «...грипы, весьма враждебные и доходящие до бешенства птицы» [65,

с. 244]. «Птичий» род Торна известен у сибирских татар вплоть до этнографической современности. Враждебные легендарным сыбырам торна были, конечно, не птицами, а людьми тотема журавля. Можно догадываться, что и эти якобы зоо-полиморфные «грифоны», «грифы», «грипы» античных писателей также были людьми соответствующего тотема, а вовсе не обыкновенными ястребами и соколами, которыми изобилдовал некогда южный Урал. Считать их прототипами грифов вряд ли верно, несмотря на существование, вплоть до 1920-х гг., ярмарки ловчих птиц в селе Юлукове на р. Сакмаре [378, с. 57]. В античной литературе мы найдем немало случаев, когда название того или иного народа было производным от тотема. Так, малоазийские офиогены: Страбон передает генеалогическую легенду об их родоначальнике, превратившемся из змеи в человека [336, с. 551]. Когда в подобных случаях степень осведомленности древнего автора была меньшей, героями повествования являлись непосредственно животные. Вспомним хотя бы Геродотов рассказ о враждебных неврам «змеях», изгнавших их из собственной страны [99, с. 140 – 141]. Выше уже отмечено, что в Вергилиевых «Буколиках» также речь идет не об аримаспах, а просто о «конях». Конь, особенно как у Мирсусне-хума белой масти, был излюбленным культовым и жертвенным животным обскоугорской фратрии Мось. Согласно их генеалогической легенде, предками людей Мось были тот же крылатый всадник и праматерь Савыр-най.

Родоначальницей другой обскоугорской фратрии считалась Пор-нэ, дочь медведя. Знаменитый «медвежий праздник» обских угров изначально был связан только с этой фратрией Пор [52, с. 73]. В отличие от потомков Савыр-най, в преданиях древние Пор-люди характеризуются как жестокие людоеды, отождествляются иногда с менквами – лесными духами [208, с. 323]. Лесное местное происхождение предполагается именно для фратрии Пор, первоначально объединявшей аборигенный компонент в составе древнего населения Приобья. Интересно, что в ритуалах медвежьего праздника Пор-люди выступают как отдельное от людей Мось племя и даже враждебное им. Согласно М.Ф. Косареву, это – реликт той древней эпохи,

когда предки обских угров различного происхождения, северные таежные аборигены и мигранты с лесостепного юга были еще чужды и даже враждебны друг другу [154, с. 173]. Название фратрии Мось, или Мошь, наравне с этнонимами «мещеряки», «мишари» считается вариантом того же древнего названия, от которого происходит и собственное имя венгров – «модьёр» (*moğyar*) [394, с. 307 – 320]. Кстати, была попытка найти аналог названия обскоугорской фратрии в античных источниках. Я. Харматта сопоставил «Пор» с именем пориосов, подразделения дахов. Вряд ли с этим можно согласиться, равно как и с тем, что фратрия Пор имеет более «цивилизованное» – южное (?) происхождение [52, с. 74]. Ведь самоназвание «Пор», безусловно, не иранское; уместнее искать его финноугорские аналоги. Здесь открываются следующие любопытные параллели. Как в традиции хантов и манси Пор-люди противоположны потомкам Мир-сусне-хума, так и в удмуртском мифе врагами солнечного бога-всадника Бурсина являются некие «пор». Позднее эти «пор» стали отождествляться с северными соседями удмуртов, именно с марийцами. Но первоначально так назывались, видимо, вообще любые северяне, «люди холода». Отзвук можно усмотреть в племенном имени пермяков и в карельском «Похья» – «мороз», «север» [368, с. 260 – 261]. Языческий бог мороза у удмуртов именовался, кстати, Пор-ни, «сын севера» [53, с. 200]. Получается, этноним «Пор» сам по себе опровергает версию о некоем южном происхождении соответствующей фратрии, корни которой – в таежной холодной стране.

Мотив борьбы между фратриями Пор и Мось именно из-за золота в обскоугорской мифологии отсутствует. «*Sornî*» на языках хантов и манси означает и «золото», и «солнечный блеск». Хорошо известно то сакральное значение, которое имело у западносибирских угров и золото, и напоминающие его металлы, серебро и медь. Как велико было у манси почитание меди, видно из следующего. Когда большевики принялись «искоренять» шаманство, старики-вогулы, опасаясь репрессий, на всякий случай выбрасывали из дому буквально все медные вещи: они полагали, что сакральное значение этого металла известно всем. В культовой практике медь иногда «превраща-

щалась» в золото, а медный предмет именовался золотым. «Золотому всаднику» Мир-сусне-хуму, как и другим светлым божествам обско-угорского пантеона, обязательно требовался в жертву *Siper oln* («металл сиперов»), серебро. Считается, что именно этим объясняется устойчивый в Западной Сибири эпохи средневековья спрос на восточное серебро. Сасанидские, согдийские, хорезмийские, иногда византийские серебряные блюда поступали тогда в тайгу, вероятно, в обмен на меха, и накапливались в святилищах обских угров в огромных количествах [69, с. 192]. Их применение в культовой практике обских угров исследователи объясняют простой ассоциативной связью: блестящие диски серебряных блюд олицетворяли небесное светило, иначе говоря – самого Мир-сусне-хума [172, с. 186]. Сакральность золота отражена в эпитетах главных обскоугорских богов. Верховный бог, владыка небес Нуми-торум назывался «золотым светом». Его сын Мир-сусне-хум именовался «золотой князь», или «золотой богатырь». Мать Мир-сусне-хума, богиня Калтащ, называлась также Сорни-эква, «золотая женщина». Между прочим, легенда о ней очень рано стала известна в Европе. С. Герберштейн называл ее «золотой старухой», буквально «*Zlota baba*» и сообщал, что такой идол находится где-то в Сибири [71, с. 160]. Подчеркнем, еще в начале нынешнего столетия русскому исследователю Н.С.Трубецкому удалось убедительно отождествить эту легендарную «золотую бабу» именно с богиней Калтащ из таежного Приобья [354, с. 61].

В Уральских горах, по мансийскому преданию, находилось золотое озеро. Напомним, что у легендарного «золотоносного Плутонова потока» помещено у Эсхила место жительства грифов [395, с. 303]. Грифы в роли неких рудокопов выступают уже у позднейших авторов. Так, у Плиния говорится о грифах, «выкапывающих золото в подземных шахтах» [64, с. 308]. Согласно Солину, «грипы» якобы препятствуют аримаспам в добыче даже не золота, а драгоценных камней [65, с. 244]. В Бернских схолиях к Лукану наравне с аримаспами упоминаются не грифы, а «похожие на муравьев» животные [339, с. 328]. Возможно, что грифы «превратились» в рудокопов под влиянием индийских преданий о муравьях-золотодобытчиках, кото-

рые Эсхилу еще не были известны. По Эсхилу, грифы – «нелающие псы Зевса», стерегущие явно не самородное, ископаемое, а именно священное золото, культовое сокровище. Золото – «сорни» из святилищ «обскоугорского Зевса», громовержца и метателя молний Нумиторума? У позднейших авторов изменена не только специальность, но и первоначально собачья природа этих грифов. Павсаний описывает их так: «грипы - звери, похожие на львов, но с крыльями и орлиным клювом» [230, с. 228]. То же у Гонората: «... по своей природе они суть львы, но крыльями и головой подобны орлам» [181, с. 202]. Вполне ясно, что речь здесь идет именно об ориентализированном львином грифоне, образ которого попал в греческую мифологию и искусство из Передней Азии [240, с. 62 – 67]. У Эсхила же фантастические враги аримаспов – это собаки или птицесобаки («остроклювые», или «нелающие», псы) [395, с. 303]. О крылатом псе Сэнмурве сказано в «Авесте» (книга «Яшт») [4, с. 13]; в подобном же виде представлялось раннесредневековым славянам одно из божеств их пантеона Симаргл-Переплут [298, с. 91 – 116]. Древний индоевропейский мифологический образ был весьма популярен также среди скифов. Исследовательницей данной темы С.С.Бессоновой предполагается, что легенду о собаке-птице скифы заимствовали у своих северо-восточных соседей исседонов и уже потом познакомили с нею эллинов. Один из вариантов легенды – Геродотов рассказ о стерегущих золото противниках аримаспов. Под влиянием греко-малоазиатской традиции в сознании пересказывавших вновь и вновь эту легенду древних авторов они трансформируются в грифонов [32, с. 11 – 24]. В конечном счете, в львиных грифонов – как мы уже убедились. В мифах древних индоиранцев речь шла, конечно, не о крылатых львах с орлиными головами, а о летающих псах. С.С. Бессонова, подчеркивая древность соответствующих индоиранских представлений, отмечает наличие сходных с ними и в финно-угорской среде. Источник легенд о крылатых птицесобаках исследовательница помещает в зоне контакта древних финно-угров и индоевропейцев – на Урале и прилегающей части Сибири. То есть как раз там, где, по нашему мнению, и происходила легендарная борьба аримаспов с

«грифами». В искусстве очерченной С.С. Бессоновой области мы как раз и встречаем своеобразные изображения волко- или собакоптицы. Бронзовые секиры из Приобья и из Прикамья имеют втулки, завершающиеся орлиными головками, и обухи, оформленные в виде голов хищников семейства собачьих. «Птица, подобная грифу» - так переводилось финноугроведами прошлого столетия название «карс». Карс – фантастическое полиморфное существо, функционально близкое иранскому Симургу и индийской Гаруде [375, с. 118]. В Приобье известно множество древних, в том числе относящихся к скифской эпохе изображений птиц с головами хищных зверей. По крайней мере, часть из них передает идею крылатой собаки наподобие известных скифских находок. Кроме того, памятники обских угров дали также изображения бескрылых хищников рода *canis*; эти находки также явно связаны с культом. Например, в состав известного Истяцкого «клада» (жертвенного места) входила серия бронзовых фигурок волков, отлитых в специфической обскоугорской технике - по деревянной модели. Иногда гравировкой переданы внутренности и ребра. Часть фигурок специально разломана: эти волки были ритуально «убиты», т. е. принесены в жертву [376, с. 171]. Собака у хантов и манси приносилась в жертву крайне редко, только в качестве заместителя человека, что вполне подтверждает именно тотемическое к ней отношение. Кстати, среди обскоугорских тотемов известен также «длинный хвост» – волк.

Богатыря в образе собаки почитали как своего предка манси реки Ляпин; люди рода Монин именовали себя «собаками» [374, с. 172]. Собакам «помогали» умирать «чистым» способом, без пролития крови. В повседневной же жизни у обских угров существовало табу на убийство, даже на битье собаки, а своих издохших псов они погребали по «человеческому» обряду. Находки костных останков и человека, и собаки, сделанные при раскопках жертвенных мест в Усть-Полуе (I тыс. до н.э.) и на Чудской горе (эпоха бронзы) свидетельствуют о глубокой древности такого почитания собак в западно-сибирской тайге. Оно восходит здесь, по мнению исследователей, к верованиям таежных аборигенов доугорской эпохи [216, с. 46 – 59].

Не установлено, когда именно - до или после вселения угров в тайгу – этот древний тотем «приобретает» крылья и превращается таким образом в некое подобие грифона. Во всяком случае, в прошлом у манси и хантов были известны предания о первоначальном обитании собак в «верхнем мире» – на небе. Как и медведи, псы считались творением самого Нуми-торума. Интересна одна мифологическая версия, согласно которой обскоугорская первособака, наподобие античного грифона, связана с драгоценными металлами и сама была сплошь покрыта золотом и серебром. Но наименование самих грифов, однако, не указывает на их именно первоначально собачью природу. Греческие названия как фантастических существ, *γριψες*, так и легендарного хребта, *Ριψαι*, А.И. Соболевский считал производными от скифского *ʔrpa* или *ʔrpa* – «гора». *ʔep* означает, опять же, «гора» или «холм» также на языках обских угров [328, с. 32]. Э. Боннель, ссылавшийся на несколько иной вариант перевода, утверждал, что *Ριψαι*, это именно «золотоносные горы» (*Goldgebirge*), поскольку остяцкое *ʔip*, или *ʔhip*, по его сведениям, означало “золото” [400, с. 132]. Таким образом, получается, что грифы – это «горцы» или «жители Рипеев», «Золотых (?) гор». Грифы, и в самом деле, у некоторых древних писателей связаны с горами и с золотом. В частности, в Гоноратовых «Комментариях» можно прочесть следующее: «... Грипы – особый род животных, (который) водится в гиперборейских горах» [181, с. 202]. А в Плиниевой «Естественной истории» – о том, что они выкапывают «золото в подземных шахтах».

Однако у Геродота грифы с горами никак не связаны, зато «отцу истории» было известно о населяющем эти – конечно, Рипейские! – горы неком племени сатиров... Известия о козлоногих мужах Геродот считал выдумкой, отказывая в доверии тем, кого сам же изобразил воплощение идеала – «священным» людям из поголовно плешивого племени аргиппеев. Заметим, что позднее известия наподобие этих воспринимались, наверное, менее критически. Об аналоге Геродотовых «козлоногих мужей» – гиппоподах – просто сообщается, без комментариев и без уточнения локализации. Дионисий Периегет и Птолемей упоминает этих коненогих где-то неопределенно к северу

от Скифии или Сарматии [97, с. 238 – 239; 142, с. 237]; Мела и Плиний указывают их на Эонских островах посреди Северного океана [64, с. 285]. О подобных – зооантропоморфных – существах, обитающей где-то в районе полярного Урала «мохнатой самоеди» говорится и в русском «Сказании о человецах неизвестных на восточной стороне» XV-го или начала XVI-го в.: «... по пуп люди мохнаты до долу, а от пупа яко же и прочии человеци». Полагают, что речь здесь идет о традиционной северной одежде из длинного меха, закрывающей ноги [15, с. 3 – 4]. Обскоугорские сказания повествуют о богатырях с собачьей кожей на голове и с оленьими ногами. Конечно, не подлежит сомнению, что различные предания как о зооцефалах, так и о зооподах, имеют одинаковую – тотемистическую – основу. Это дает основание для сопоставления Геродотовых «козлоногих» и грифов, мыслившихся первоначально собакоголовыми, как сказано выше, существами. Добавим еще, что в «Аполлоне» Симмия Родосского, видимо, Аристеева последователя конца IV – III вв. до н.э., говорится о племени полупсов – «мужей гемикинов, у коих на красивых плечах собачья голова, снабженная крепкими челюстями: они лают как собаки и не понимают славной речи других смертных» [314, с. 262 – 264]. Примечательно, что эти собакоголовые гемикины упоминаются здесь на месте грифов – рядом с «отдаленным народом гипербореев», где-то на пути к Северному Ледовитому океану, на берегу вечнотекущего Кампаса, что несет свои воды в божественное, бессмертное море... [314, с. 257 – 258]. Этот легендарный Кампас И.В.Пьянковым сопоставлен с Тоболом или Ишимом [263, с. 186]. Не тождественен ли он реке аримаспов – «золотекущему Плутону потоку», по Эсхилу? Согласно Геродотовым известиям, они должны располагаться где-то недалеко друг от друга. Ведь он сообщает, что соседями аргиппеев с востока были исседоны, которые в свою очередь соприкасались с севера с аримаспами. И точно так же, как «над» одноглазыми указаны грифы – «горцы», так «выше» плешивых – козлоногие на горах. Еще дальше «козлоногих мужей», очевидно, за этими горами, «высокими, недоступными», обитают спящие по шести месяцев в году, как за грифами – гиперборей, «достигающие мо-

ря» [99, с. 104 – 105, 108 – 111]. Море гипербореев, противоположащее Черному и Средиземному, существование которого «отец истории» в другом месте отрицал [99, с. 96 – 97], не может быть ничем иным, как Северным Ледовитым океаном, а горы козлоногих мужей – это, конечно, Урал, может быть, вместе с прилегающими к нему возвышенностями, Северными увалами и Тиманским кряжем. Таким образом, перед нами два сказания о путях на север, к диковинным существам, одно приуральского, а другое зауральского происхождения. Аргиппейское и исседонское, ведь Геродот, передавая их, делает соответствующие ссылки: «по рассказам плешивых», «так говорили исседоны» [99, с. 106 – 109].

Выше было высказано предположение об эквивалентности Геродотовых «козлоногих мужей» северным группировкам ананьинского и родственного ему населения Приуралья. В Зауралье определенную близость с Ананьиным обнаруживают древности ранней усть-полуйской культуры, ареал которой соприкасается с ананьинским в верховьях Печоры и Северной Сосьвы. По мнению А.В. Збруевой, близость между этими лесными племенами по обе стороны Уральского хребта была обусловлена не просто взаимодействием соседних культур и межплеменным обменом. Речь должна идти о родственности «зауральского Ананьина» и культуры Волго-Камья [113, с. 181]. По-видимому, не случайны находки передающих образ грифа орлино-волкоголовых секир ананьинского типа также и в усть-полуйском ареале. «Грифы» Геродота, однако, не могут пока получить надежную археологическую атрибуцию. Конечно, можно, и с определенной долей вероятности, предполагать их соответствие населению южной, лесной части ареала усть-полуйской культуры. Хронология Усть-Полуя, V – III вв. до н.э., по В.И.Мошинской, тому не противоречит. К тому же понятно, что под «грифами» должна подразумеваться какая-то группировка древнего автохонного населения тайги или подтаежных лесов. Однако, по признанию специалистов, в археологии раннего железа западносибирской лесной зоны имеется много не решенных пока проблем, особенно относительно культурной и хронологической атрибуции. В частности, кашинскую

культуру (культурный тип) предлагалось датировать сперва рубежом эр, а затем – IV – III вв. до н.э. [152, с. 45]. Н.П. Матвеевой обоснована кашинская хронология в рамках VI – IV вв. до н.э.. Ею подчеркивается то обстоятельство, что в северной части тобольской и ишимской лесостепи саргатское население постоянно контактировало с кашинским: последнее мигрировало туда с северо-запада, из лесного Зауралья. Кашинская керамика, которой присущи некоторые анабинские элементы, обнаруживает приуральское происхождение всей этой культуры в целом [190, с. 129 – 141]. Территориальный контакт выходцев из тайги, кашинского населения, с раннесаргатским напоминает о Геродотовом замечании относительно вытеснения аримаспов, в свою очередь, грифами... Впрочем, Геродотов пересказ известия из «Аримаспейи» о нападении грифов, как и прочие сообщения античных источников об их борьбе с аримаспами, могут быть оттолоском и других событий на границе западносибирской тайги с лесостепью. Согласно М.Ф. Косареву, в результате увлажнения гумидной зоны и распространения таежных биогеценозов на юг в лесостепь вторгаются массы переселенцев с севера, которые принесли с собой характерную для памятников западносибирской тайги крестово-штамповый способ орнаментации керамики - так называемое «крестовое нашествие» около VIII – VII вв. до н.э. [154, с. 42].

Исседоны и аргиппей, очевидно, по-разному представляли себе и более отдаленных северян. В результате, как рядом с козлоногими появились грифы, так наравне с гиперборейями – полгода спящие. Последних, по некоторым изложенным выше соображениям, можно отождествить с древними палеоазиатскими аборигенами Субарктики. Это сииртя тундрового фольклора, легендарные обитатели недр холмов, сопок и гор.

... Девушка на землю спустилась,
Видит, три холма стоят,
К первому подошла,
Видит - дверь крепкая
Стучаться стала...

Так в ненецкой сказке описан диковинный для обитателей переносных чумов вид жилищ этих сииртя [373, с. 127].

Интересно, что в античных источниках тоже как некие троглодиты изображаются и «спящие», и гипербореи. Пещерами представляли их жилища два величайших латинских поэта – Овидий и Вергилий. «... Есть вблизи киммерийцев глубокая пещера в полой горе, жилище и святилище ленивого Сна», – говорится в «Метаморфозах» [228, с. 226]. И в «Георгиках» также: «...Сами жители проводят свои безмятежные досуги в вырытых пещерах глубоко под землей, прикапывают к очагам собранные дубы и целые вязы и предают их огню» [257, с. 197]. У Вергилия, в отличие от Овидия, обитатели пещер предстают беззаботными и счастливыми людьми: «Здесь они проводят ночи в играх и весело в чашах заменяют вино кумысом и кислым соком рябины. Таково свободное племя, которое под гиперборейской медведицей поражается дуновением Рифейского Эвра и прикрывается щетинистыми рыжими шкурами животных» [257, с. 196 – 197]. Геродот же о подобных особенностях гиперборейского племени не упоминает. Говоря о гипербореях, он вообще предельно краток: все потому, что «отец истории» не верил в их существование [99, с. 114 – 115]. Зато у него в виде компенсации отсутствия самих гипербореев «гиперборейскими» чертами щедро наделены «справедливые», «счастливые», «блаженные» аргиппей... Геродот, видимо, был логичнее своих последователей, писателей римской эпохи, которые не избежали в этом случае дублирования одной и той же, в сущности, информации. В «Естественной истории», например, мы можем прочесть: «... некое племя аримфеев, похожее на гипербореев» [64, с. 300]. То же у Солина: «Говорят, что аримфеи подобны гипербореям» [65, с. 245], и у Капеллы: «... аремфеи... ведут жизнь, подобную гипербореям» [188, с. 281]. Далее обычно следует рассказ о том, что эти аргиппей-аримфеи кроткие и миролюбивые вегетарианцы, такие же, как и легендарное племя обитающих за Бореем счастливых служителей Аполлона. Интересно, что Плиний, и сам нечетко различавший аримфеев и гипербореев, возражает другим, которые смешивали последних с аттаками, подобными им «по нравам и положению» [64,

с. 283]. Впрочем, с гиперборейями отождествляли не только такие «справедливые» племена. Впоследствии, когда «аполлонические» идеи Аристия Проконесского основательно забылись, с блаженными гиперборейями стали путать даже воинственных всадников аримаспов. Так, согласно Клементу Александрийскому, «гиперборейские и аримасповские города и Елисейские поля суть обители праведных» [146, с. 282]; согласно Стефану Византийскому – «аримасы, племя гипербореев» [335, с. 315]. Впрочем, элины обладали очень старой традицией смены местоположения своих мифических гипербореев, первоначально божественных небожителей, служителей Феба-Солнца. Первоначально «крайний» гиперборейский север они представляли себе совсем неподалеку от Эллады – в соседней с нею Фракии, где упоминаются «гиперборейские поля фракийские». «Гиперборейской» рекою, шумящей в Рипейских горах, Аполлонию Родосскому представлялся Истр [16, с. 286]. Иногда явно гиперборейскими чертами наделялись, например, придунайские мисийцы: «Поседоний говорит, что мисийцы из благочестия воздерживаются от употребления в пищу одушевленных существ, а поэтому и скота, что питаются они молоком, медом и сыром, ведя мирную жизнь, почему и называются «богопочитаемыми» и «воскурителями», что есть между фракийцами также и некоторые, которые живут без женщин; что они называются «основателями», из уважения к ним признаны священными и живут безбоязненно...» [336, с. 271]. В наименовании перфеев, провожатых гиперборейских дев, доставлявших, согласно мифу, священные дары на Делос, усматривают древнемакедонский корень «носить», а наименование гипербореев сопоставляют с древнемакедонским названием месяца сентября [99, *комм.* 280]. Сохранился даже, благодаря Овидию, эпитет «гиперборейская» применительно к мысу Паллена на п-ве Халкидина в самой Элладе [228, с. 227]. Естественно, по мере знакомства с землями, лежащими к северу от Эллады, местоположение «справедливых», «священных» и т.д. приходилось отодвигать все дальше и дальше. В частности, Страбону вполне удалось выразить разочарование, что отнюдь не «дивные мужи» гиппемолги, галактофаги и абии населяют земли Скифии, не говоря уже

о Фракии или Македонии... Считается, что эллинский миф о земном рае у гипербореев получил поддержку, когда выходцы из Средиземноморья познакомились с древними индо-иранскими народными представлениями. И «Махабхарата», и «Авеста» также помещают «обитель блаженных» где-то далеко на севере; предполагают, что там же указывал ее и скифский эпос. У эллинов «блаженные» скифов были переименованы в гипербореев в соответствии с требованиями культа Аполлона. Но уже в VII в. до н.э. Аристей искал гипербореев за Скифией, следуя в сторону северного ветра, т.е. согласно «географическим» указаниям иранской мифологии [42, с. 45 – 75]. К негреческим чертам гиперборейского цикла причисляют описание полярных явлений в «стране блаженных». Действительно, вопреки своему утверждению о счастливом, мягком климате гиперборейской земли Плиний, к примеру, сообщает, что там, близ северного полюса, солнце восходит и заходит не ежедневно, а по два раза в году, а дни и ночи делятся по шести месяцев [64, с. 282 – 284]. Но, в отличие от северных соседей «козлоногих мужей» Геродотова рассказа, эти гиперборейцы по полгода не спят. Впрочем, поэт Вергилий оказался большим рационалистом, чем естествоиспытатель Плиний: в «Георгиках» нет фантазий насчет мягкости климата у места зарождения Рифейского Эвра, и счастливое племя наслаждается жизнью не среди зелени роцц и лесов, а в глубоко вырытых пещерах... Считают, что Геродотову современнику Гелланику удалось собрать новые сведения об отдаленных областях за Скифией, неизвестные еще «отцу истории» [42, с. 29]. Но Гелланикова «Скифика» до нас не дошла, и мы не можем гадать, содержались ли в ней этнографически достоверные сведения наподобие Вергилиевых о гиперборейских жилищах. Ведь из его трудов на этот счет сохранилось только такое извлечение: «Гелланик в «Историях» сказал, что гиперборейцы живут выше Рипейских гор, упражняются в справедливости, не употребляя в пищу мяса, но питаются древесными плодами» [68, с. 316]. Во всяком случае, сохранившиеся античные источники вряд ли дают основание утверждать, что гиперборейцы – это древние китайцы [256, с. 175]. Правдоподобнее все же кажется предположение, что они, будучи тождественны Геродотовым «спящим по

полгода», обитали где-то на побережье Ледовитого, а не Тихого океана.

Итак, получается, что «мифическое» племя «одноглазых» – историческая реальность южносибирской лесостепи, где аримаспами оставлена саргатская археологическая культура – угорская по происхождению, но сильно иранизированная. Их противники «грифы» – обитатели таежной зоны, в будущем аборигенный компонент обских укров. Древние обитатели западносибирской тундры тождественны гипербореям античных источников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы проделали «путь во множество дней» – от Истра и гавани Борисфена до «другого» моря – Амалхийского, Кронийского или Гиперборейского... При этом удалось установить следующее.

1. Важнейший источник о «заскифских» племенах, ближних и дальних – IV-я книга Геродотовой «Истории». Это источник весьма сложного состава, ядро которого составляет аутентичная «священная история» скифов, разработанная их жречеством. В составе этой «священной» версии – скифского логоса – имеются также «кавказский» и «истрийский» блоки, связанные воедино «соединительной тканью». Определить это для рассматриваемой темы было принципиально важно. Ведь таким образом, в частности, любые возможные предположения о непосредственном участии «заскифских» племен в событиях скифо-персидской войны в Северном Причерноморье или об их переселениях в результате военного давления, будь то персов или скифов, отпали. Другое дело, конечно, владельцы Кариска – прикавказские «будины» (меоты?), которым наверняка пришлось участвовать в скифо-персидском противоборстве на Северном Кавказе [285, с. 21 – 30].

2. Невры, как оказалось, вселялись не к будинам или в град Гелон, а к скифам-«пахарям», данникам номадов. «Скифы-земледельцы» в Среднем, а частично и в Верхнем Поднепровье – очень сложное по составу этно-политическое образование, а загадочные «змеи» были отнюдь не враждебным неврам народом. Это – символ крайне неблагоприятного увлажнения климата. Неврида и невры «за одно поколение до похода Дария» будут тождественны милоградским древностям западной Волыни, а невры-эмигранты оставили милоградские курганы на Южном Буге. «Милоградцы» Среднего и южной части Верхнего Поднепровья так же, как и «юхновцы» Посеймья, принадлежали к «скифам» – земледельцам [267,

с. 124 – 125; 271, с. 12 – 24; 272, с. 3; 273, с. 74 – 81; 274, с. 119 – 121; 276, с. 128 – 129; 284, с. 125 – 136; 412, с. 1 – 9].

3. «Вовсе нескифские» андрофаги, скорее всего, должны сравниваться с Гелланиковыми и Птоломеевыми амадоками, а не с Плиниевыми «людоедами». Ими оставлены, наверное, средне- и северобелорусские памятники скифской эпохи (древности типа нижних слоев Лабенщины и примыкающий к ним западнодвинский вариант днепродвинской культуры) [269, с. 61 – 73; 270, с. 66 – 74; 278, с. 68 – 69; 280, с. 89 – 90; 282, с. 81].

4. Будиния была тождественна основной части ареала юхновской культуры, а град Гелон – Бельскому городищу. Одноименным лесным будинам – носителям юхновской культуры скифского времени – было какое-то из раннемеотских объединений Прикубанья. Определенной параллелью граду Гелону у Геродота, таким образом, является Элианов Кариск. Обе одноименные группировки сближало еще и то, что и одна, и вторая состояла в союзе с иноплеменниками, соответственно, гелонами и скифами. Град Гелон, по нашему мнению, может соответствовать лишь Бельскому городищу [268, с. 24 – 33; 285, с. 21 – 30].

5. То, что кавказских «меланхленов» упоминает Псевдо-Скилаков перипл, а приморских «савдаратов» - декрет в честь Протогена, вовсе не исключает вероятность реального существования еще одного особого племени «черноодетых» - во внутренней части Русской равнины. Точный смысл Геродотовых известий требует, на наш взгляд, локализации этих меланхленов на «скифском» берегу Танаиса, т.е. в правобережной части донской лесостепи. Таким образом, с этим племенем может связываться какая-то часть памятников среднедонской скифоидной культуры, однако более точно назвать археологический эквивалент меланхленов и «особых» скифов, «отделившихся» от «царских» пока затруднительно. В отличие от тиссагетов и йирков, которые, по-видимому, вполне обоснованно могут отождествляться с носителями раннегородецкой археологической культуры, с донской и приволжскими лесостепными ее группами, соответственно. Оба эти народа были скорее не древними тюрками, а ранними

финно-уграми, как, возможно, и меланхлены [286, с. 5; 414, с. 507 – 512].

6. Нужно отказаться от дальнейших попыток увязать ананьинскую культуру не с аргиппеями; это племя «поголовно плешивых», на наш взгляд, имеет убедительное археологическое, антропологическое и этнографическое соответствие именно в пределах ананьинского Волго-Камья. «Козлоногие мужи» представляются весьма вероятными современниками и соседями ананьинцев: возможно, в них даже следует усматривать какие-то крайние северные - северо-восточные группы той же ананьинской общности. В древних обитателях полярного Урала мы видим Геродотовых «спящих полгода» [286, с. 24].

7. Как эти «козлоногие» аргиппейских рассказов параллельны, если не тождественны, грифам из сообщений исседонских, так «спящие по шесть месяцев подряд» в приуральской версии пути на север должны совпадать с «гипербореями» из зауральской версии повествования о том же пути в греко-латинской передаче. Реальную основу известий о гипербореях мы усматриваем в поступавшей разными путями на юг информации об арктических охотниках на морского зверя, возможно, палеоазиатских. Древнеугорским этносом, вероятно, были аримаспы - не «одноглазые», но «прекрасноконные»! Видимо, с этим этносом как раз связана абатская-саргатская археологическая общность в западносибирской лесостепи. Таежные археологические, этнографические и фольклорные материалы Западной Сибири о пришлых с юга сиперах-сибирах дополняются древними письменными источниками [286, с. 48].

Разумеется, в данной работе был предложен лишь один из возможных вариантов интерпретации рассмотренных исторических источников. Понятно также, что по мере пополнения исследовательской базы за счет новых данных из области археологии, антропологии, этнографии и лингвистики, фольклористики потребуются новое прочтение трудов древних писателей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. -- Л.: Изд-во АН СССР, 1949. -- 603 с.
2. Абаев В.И. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы // Народы Азии и Африки. -- 1980. -- № 5. -- С. 130.
3. Абаев В.И. Геродотовские Skythai georgoi // Вопр. языкознания. -- 1981. -- № 2. -- С. 74 – 76.
4. Авеста // Литература древнего Востока: Иран, Индия, Китай / Авторы-сост.: Ю. М. Алиханова, В.Б. Никитина, Л.Е. Померанцева. -- М.: Изд-во МГУ, 1984. -- С. 4 – 40.
5. Агубнов М.В. Античная география Северного Причерноморья. -- М.: Наука, 1992. -- 240 с.
6. Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н. э. // Археол. сб. Гос. Эрмитажа. -- 1991. -- Вып. 31. -- С. 43 – 56.
7. Алексеев А.Ю. Скифские цари и «царские» курганы V – IV вв. до н. э. // Вестн. древней истории. -- 1996. -- № 3. -- С. 99 -- 114.
8. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии (VII – IV вв. до н.э.). Автореф. дис. ... д-ра историч. наук: 07.00.06. / Ин-т истории материальной к-ры Росс. Акад. наук.-- СПб. 1996. -- 50 с.
9. Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. -- Киев: Наукова думка. 1991. -- 416 с.
10. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII–XVII вв. -- Иркутск: Крайгиз, 1932. -- 368.
11. Аммиан Марцеллин. Сохранившиеся книги «Истории» // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1949. -- № 3. -- С. 284 – 308.
12. Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н. э. (этнополитический аспект). -- Запорожье: Мин. обр. Украины, Запорожск. Гос. ун-т, 1995. -- 295 с.
13. Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР / Ред.: Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков. М.: Наука, 1984. -- 392 с.

14. Антонович В.Б. Древности Юго-Западного края. Раскопки в стране древлян // *Материалы по археологии России / Императорская археологическая комиссия.* – СПб. 1899. – № 11. – 23 с.
15. Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака, древнее русское сказание «О человецех незнаемых в восточной стороне». Археолого-этнографический этюд. – М., 1890. – 14 с.
16. Аполлоний Родосский. Поход аргонавтов // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / *Вестн. древней истории.* – 1947. № 3. – С. 279 – 286.
17. Аристей из Проконесса. «Аримаспея» // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / *Вестн. древней истории.* – 1947. – № 1. – С. 297 – 298.
18. Аристотель. «Метрология» // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / *Вестн. древней истории.* – 1947. – № 2. – С. 323 – 324.
19. Аристотель. О чудесных слухах. Отрывки неизвестных сосинений животных // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / *Вестн. древней истории.* – 1947. – № 2. – С. 327 – 328, 331.
20. Арриан. «Объезд Эвксинского Понта» // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / *Вестн. древней истории.* – 1948. – № 1. – С. 265 – 275.
21. Арский Ф.Н. Страбон. М.: Наука, 1974. – 68 с.
22. Артамонов М.И. Венеды, негры и будины в славянском этногенезе // *Вестн. Ленингр. Гос. ун-та.* – 1946. – № 2. – С. 70 – 86.
23. Артамонов М.И. Этногеография Скифии // *Ученые записки Ленингр. Гос. ун-та* – 1949. № 85. – Сер. историч. наук. – Вып. 13. – С. 129 – 171.
24. Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. – 156 с.
25. Археологія Української РСР: В 3 т. / Акад. наук УРСР. Ін-т археології. – Київ: Наукова думка, 1971 – 1975. Т. 2: Скіфо-сарматська та антична археологія. / Ред.: В.А. Іллінська, О.І. Тереножкін, М.І. В'язьмітіна, П.М. Шульц. – 1971. – 504 с.
26. Арциховский А.В. В защиту летописей и курганов // *Советская археология.* – 1937. – Т. IV. – С. 53 – 61.
27. Афинея. Обед софистов // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / *Вестн. древней истории.* – 1948. – № 2. – С. 288 – 292.

28. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. -- Алматы: Гылым. 1995. -- 293 с.
29. Ашихмина Л.И. Раннеананьинские поселения на верхней Мезени // Материалы по археологии европейского Северо-Востока. -- 1977. -- Вып. 6. -- С. 37 – 54.
30. Бажов П.П. Жабреев ходок // П.П. Бажов. Собр. соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1986. -- Т. 1. 1986. -- С. 234.
31. Батуревич Е.Ю. К вопросу о керамическом комплексе городищ скифского времени Киевского Поднепровья // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. 3 конф. молодых ученых, 25 – 27 сент. 1986 г. / Ин-т археологии АН СССР. -- М. 1986. -- С. 17 – 18.
32. Безсонова С.С. Образ собако-птаха у мистецтве Північного Причорномор'я скифської епохи // Археологія. 1977. -- Вып. 22. -- С. 11 – 24.
33. Безыменного автора [как полагают, Скимна Хиосског] Землеописание // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1947. -- № 3. -- С. 309 – 313.
34. Белозор В.П. О сущности скифского Герроса // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А.И. Тереножкина / Ин-т археологии Акад. наук УССР, Кировоградск. Гос. пед. ин-т им. А.С. Пушкина. -- Кировоград, 1987. -- Ч. 1. -- С. 18 – 20.
35. Беляев В.Ф. К вопросу о толковании и этнической принадлежности древнегреческого этнонима ΦΘΕΙΡΟΦΑΓΟΙ // Вестн. древней истории. -- 1964. -- № 3. -- С. 130 – 135.
36. Березанская С.С. Лебедовская культура бронзового века в лесостепной Украине // Энеолит и бронзовый век Украины: Сб. ст. / Редкол.: С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Д.Я. Телегин. -- Киев: Наукова думка, 1976. -- С. 190 – 221.
37. Березанская С.С. Об этнической принадлежности чернолесской культуры // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. -- Киев, 1988. -- Т.1. -- С. 12 – 18.
38. Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. -- Киев: Наукова думка, 1983. -- 138 с.
39. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. -- London: R. Clay Ltd, 1989. -- 292 с.
40. Блаватская Т.В. Известия Геродота о будинском граде Гелоне и его обитателях // Советская археология. -- 1986. -- № 4. -- С. 22 – 33.

41. Блаватский В.Д. О северной окраине Скифии Геродота // Древности Восточной Европы. -- М.: Наука, 1969. -- С. 29 – 32.
42. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.М. От Скифии до Индии. -- М.: Мысль, 1983. -- 206 с.
43. Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI—XVII вв. -- Л.: Гидрометеониздат, 1983. -- 240 с.
44. Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений // Сб. Отд. русского языка и словесности / Имп. Акад. наук. -- СПб, 1899. -- Т. 64. -- № 12. --- С. 159 – 392.
45. Бронштэн В.А. Клавдий Птолемей: II век н. э. М.: Наука, 1988. -- 239 с.
46. Брэм А. Жизнь животных: В 3 т. -- М.: Терра. 1992. / Т. 2: Птицы. -- 1992. -- 352 с.
47. Буйнов Ю.В. Поселения бондарихинской культуры // Вісник Харківського університету. Сер. «Історія». -- 1979. -- Вип. 11. --- № 182. -- С. 84 – 91.
48. Булкин В.А. Некоторые данные об исторической географии центральной Белоруссии // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посв. 1500-летию Киева. -- Минск: Наука и техника, 1983. -- С. 5 – 8.
49. Быковский С.М. Невры Геродота и норманны // Изв. АН СССР. 7 серия. Отд. гуманитар. наук. -- 1930. -- № 10. С. 821 – 853.
50. Вабий Секвестр. О реках, источниках, озерах, рощах, болотах, горах и народах в алфавитном порядке // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1949. -- № 3. -- С. 272 – 273.
51. Васильев В.И. Сиуртя - легенда или реальность? // Сов. этнография. -- 1970. № 1. -- С. 151 – 158.
52. Вереш П. Этимологический миф обских угров о происхождении фратриальной организации и их модель мира // Мировоззрение финно-угорских народов. Сб. науч. ст. -- Новосибирск: Наука, 1990. -- С. 72 – 78.
53. Верещагин Г. Вотяки Сосновского края // Зап.имп. Рус. геогр. о-ва по отд. этнографии. -- СПб. 1886. -- Т. XIV. Вып. 2. -- С. 496 – 559.
54. Верещагина И.В., Ашихмина Л.И. Раннеананьинские поселения в бассейне Северной Двины // Материалы по археологии европейского Северо-Востока. --1980. -- Вып. 8. -- С. 42 – 70.

55. Вержбовский А.А. Белорусско-литовские лексические взаимосвязи. Автореф. дис. ... канд. филологич. наук: / Вильнюсский Гос. ун-т. — Вильнюс, 1961 — 31 с.
56. Верн Ж. История великих путешествий: В 3 кн. / Кн. 2: Мореплаватели XVIII века. — М.: Терра, 1993. — 475 с.
57. Виноградов Ю.Г. Перстень царя Скила // Сов. археология. — 1980. — № 3. — С. 92 — 108.
58. Виноградов Ю.Г., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А.И. Тереножкина / Ин-т археологии Акад. наук УССР, Кировоградск. Гос. пед. ин-т им. А.С. Пушкина. — Кировоград, 1987. — Ч. 1. — С. 36 — 39.
59. Воробей М.И. Могильник милоградской культуры возле п. Владимирца Ровенской обл. // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тез. докл. респ. конф. молодых ученых. — Киев, 1981. — С. 53.
60. Воронов Ю.Н. К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии // Вестн. древней истории. — 1968. — № 3. — С. 133 — 142.
61. Воронов Ю.Н. Диоскуриада — Себастополис — Цхум. — М.: Наука, 1980. — 127 с.
62. Гай Аполлинарий Сидоний. Соч. // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. — 1949. — № 4. — С. 287 — 293.
63. Гай Валерий Флакк Сетин Бальб. Аргонавтики восемь книг // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. — 1949. — № 2. — С. 340 — 351.
64. Гай Плиний Секунд. Естественная история // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. — 1949. — № 2. — С. 272 — 317.
65. Гай Юлий Солин. Коллекция достопримечательностей // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. — 1949. — № 3. — С. 240 — 248.
66. Гекатей Абдернский. «О гипербореях» // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. — 1947. — № 3. — С.255 — 256.

67. Гекатей Милетский. «Землеописание». «Генеалогии» // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1947. -- № 1. -- С. 298–301.
68. Гелланик. «Скифская история» // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1947. -- № 1. -- С. 315–316.
69. Гемуев И.Н. Мироззрение манси. Дом и космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 230 с.
70. Георгиев В. Траките и техният език. София: Из-во на българската Академия на науките. 1977. – 348 с.
71. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии (Regum moscovitarum commentarii). -- М.: Изд-во МГУ, 1988. -- 429 с.
72. Геродот. История в девяти книгах. / Пер. с греч. Ф.Г. Мищенко, с предисл. и указ. Изд. 2-е, исправл. и дополн.: В 2 т. -- М.: Изд-во А.Г. Кузнецова, 1888. -- Т. 1: Предисловие, кн. I–IV. – 1886–395 с.
73. Геродот. История в девяти книгах. / Пер. с греч. Ф.Г. Мищенко, с предисл. и указ. Изд. 2-е, исправл. и дополн.: В 2 т. -- М.: Изд-во А.Г. Кузнецова, 1888. -- Т. 2: кн. V – IX. – 1886–640 с.
74. Геродот. «Истории» // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1947. -- № 2. – 249–287.
75. Геродот. История в девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского. Л.: Наука. 1972. – 600 с.
76. Гиппократ. О воздухе, воде и местностях // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- ВДИ. -- 1947. -- № 2. -- С.294–299.
77. Гомер. Илиада. Одиссея / Пер. с древнегреч. Н. Гнедича. – М.: Худож. лит., 1967. – 706 с.
78. Граков Б.Н. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжам і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? // Археологія. 1947. -- Т. I. -- С. 23–38.
79. Граков Б.Н. Скифі. – Київ: Вид-во Акад. наук Української РСР, 1947. – 94 с.
80. Граков Б.Н. Скифский Геракл // Крат. сообщ. ин-та истории материальной к-ры. -- 1950. -- Вып. 34. -- С. 7–18.
81. Граков Б.Н. Греческое граффито из Немировского городища [Винниц. обл.] // Сов. археология. -- 1959. -- № I. С. 259–261.

82. Граков Б.Н. Легенда о скифском царе Арианте // История, археология и этнография Средней Азии. Сб. ст. в честь С.П. Толстова. -- М.: Наука, 1968.—С. 101 – 115.
83. Граков Б.Н. Скифы: Науч.-попул. очерк. - М.: Изд-во МГУ, 1971. – 170 с.
84. Граттий. Поэма об охоте // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1949. -- № 1. -- С. 246.
85. Греков Б.Д. Киевская Русь. -- М.: Учпедгиз, 1949. -- 511 с.
86. Грибова Л.С. Пермский звериный стиль (проблемы семантики) -- М.: Наука, 1975. – 147 с.
87. Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 62 с.
88. Гуляев В.И. К вопросу о связях городецких племен с югом в VII – IV вв. до н.э. // Историко-археологический сборник в честь А.В. Арциховского. Ред.: Д.А. Авдусин. -- М.: Изд-во МГУ, 1962. -- С. 114 – 120.
89. Гуревич Ф.Д. Древние верования народов Прибалтики по данным «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского // Советская этнография. -- 1948. -- № 4. -- С. 70 – 77.
90. Дамаст. «О народах» // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1947. -- № 2. -- С. 294.
91. Дандамаев М.А. Поход Дария против скифского племени тиграхауда // Краткие сообщ. ин-та народов Азии. -- 1963. -- Вып. 61. -- С. 175–187.
92. Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. -- М.: Наука, 1985. – 319 с.
93. Декрет в честь Протогена // Хрестоматия по истории древней Греции. – М.: Высш. школа, 1964. – С. 634 – 638.
94. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории: В 2 т. -- М.: Военгиз, 1936. -- Т. I: Античный мир. Пер. с нем. Л. Гринкруг. – 1936. — 464 с.
95. Диодор Сицилийский. Библиотека // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- ВДИ. -- 1947. -- № 4. -- С. 248 – 266.
96. Дион Хрисостом. «Борисфенитская речь, прочитанная в отечестве (XXXVI) » // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1948. -- № 1. -- С. 228 – 234.
97. Дионисий. Описание населенной земли // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1948 -- № 1. -- С. 236 – 241.

98. Дитмар А.Б. География в античное время (очерки истории физико-географических идей) – М.: Мысль, 1980. – 149 с.
99. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова А.И. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Текст, перевод, комментарий. -- М.: Наука, 1982. -- 455 с.
100. Древняя культура Центрального Казахстана / Под ред. А.Х. Моргулана. -- Алма-Ата: Наука, 1966. -- 435.
101. Дьяконов И.М. Киммерийцы и скифы на древнем Востоке // Росс. археология. -- 1994. -- № 1. -- С. 108 – 116.
102. Дюмезиль Ж. Скифы и Нарты. Сокр. пер. с франц. А.С. Алмазовой. -- М.: Наука, 1990. -- 289 с.
103. Евстафий. «Комментарии к «Землеописанию» Дионисия» // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1948. -- № 1. -- С. 241 – 256.
104. Егорейченко А.А. К истории населения Белоруссии в раннем железном веке // Советская археология. -- 1982. -- № 1. -- С. 54 – 61.
105. Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. -- М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1961. -- 244 с.
106. Ельницкий Л.А. Скифские легенды как культурно-исторический материал // Сов. археология. -- 1970. -- № 2. -- С. 64 – 74.
107. Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей: Историко-археологический очерк. -- Новосибирск: Наука, 1977. -- 256 с.
108. Еремин Г.И. Доисламские верования «заболотных» татар Западной Сибири. Сб. ст. // Вопросы истории СССР. -- М.: Изд-во МГУ, 1972. -- С. 409 – 439.
109. Жебелев С.А. Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. -- М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. -- 338 с.
110. Жеребцов Л.Н., Конаков Н.Д., Королев К.С. Из жизни древних коми. -- Сыктывкар.: Коми книжн. изд-во, 1985. -- 134 с.
111. Забелин И. История русской жизни с древнейших времен. 2-е изд., исправл. И дополн.: В 2 ч. -- М., 1908. -- Ч. 1: Донисторическое время Руси. -- 1908. -- 679 с.
112. Залашка Г.М. Помнікі ранняга жалезнага вуку на Правабярэжжы Прыпяці // Весці Акад. навук Беларусі. Сер. грамадск. навук. -- 1983. -- № 2. -- С. 72 – 77.

113. Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. -- М.: Изд-во АН СССР, 1952. -- 321 с.
114. Збруева А.В. Население берегов Камы в далеком прошлом // По следам древних культур от Волги до Тихого океана. -- М.: Гос. изд-во культ.-просв. лит., 1954. -- С. 95 – 130.
115. Зенобий. Сокращение из [сборников пословиц] [Лукулла] Таррейского и Дидима, составленное в алфавитном порядке // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1948. -- № 4. -- С. 289 – 291.
116. Златковская Т.Д. Элементы фракийской культуры в традиционном изобразительном искусстве и фольклоре молдаван // Сов. этнография. -- 1974. -- № 6. -- С. 25 – 40.
117. Зуев В.Ю., Щукин М.Б., Лебедев Г.С. К научному портрету Д.С. Мачинского // Петербургск. археологич. вестник. -- 1993. -- Вып. 6. -- С. 7 – 12.
118. Иванчик А.И. О датировке поэмы «Аримаспея» Аристея Проконесского // Вестн. древней истории. -- 1989. -- № 2. -- С. 29 -- 48
119. Иевлев М.М. Палеогеографическая обстановка в степных районах Северного Причерноморья в VII -- V вв. до н. э. // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А.И. Тереножкина / Ин-т археологии Акад. наук УССР, Кировоградск. Гос. пед. ин-т им. А.С. Пушкина. -- Кировоград, 1987. -- Ч. 1. -- С. 64 – 66.
120. Изюмова С.А. О бронзолитейном производстве Сатинкского городища // Сов. археология. -- 1967. -- № 1. -- С. 122 – 139.
121. Іллінська В.А. Нові дані про пам'ятки доби бронзи в Лівобережному лісостепу // Археологія. -- 1957. -- Т. 10. -- С. 50 – 64.
122. Іллінська В.А. Андрофаги, меланхлени, будини або скіфи? // Археологія. -- 1970. -- Т. 23. -- С. 23 – 39.
123. Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). -- Киев: Наукова думка, 1968. -- 269 с.
124. Ильинская В.А. Может ли Бельское городище быть городом Гелоном? // Скифы и сарматы. Сб. ст. / Ин-т археологии АН УССР. -- Киев: Наукова думка, 1977. -- С. 73 – 55.
125. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII – IV вв до н. э. -- Киев: Наукова думка, 1983. -- 379 с.
126. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. -- М.: Изд-во вост. лит., 1960. -- 436 с.

127. Исигон Никейский. «Невероятные сказания» // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1947. -- № 4. -- С. 268 – 269.
128. Исмагилов Р.Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // Археол. сб. Гос. Эрмитажа. -- 1988. -- Вып. 29. -- С. 29 – 47.
129. Кабеса де Вака Нуньес А. Кораблекрушения. Пер. с испанск., предисловие и комм. Ю.В. Ванникова. -- М.: Мысль, 1975. -- 128 с.
130. Кадырбаев М.К. Акмола - памятник андроновской культуры // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. -- Алма-Ата: Наука, 1969. -- С. 91 – 106.
131. Казаков Е.П. О некоторых элементах языческой культуры угров // Проблемы древних угров на Южном Урале. -- Уфа: Башкирск. науч. центр Уральск. отд. АН СССР, 1988. -- С. 79 – 87.
132. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. -- М.: Наука, 1992. -- 335 с.
133. Каллимах. Гимны. Схолии к гимнам Каллимаха // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1947. -- № 3. -- С. 262 -- 264.
134. Канивец В.И. Вопросы хронологии высоцкой культуры // Крат. сообщ. ин-та археологии АН УССР. -- 1955. -- Вып. 4. -- С. 94 – 96.
135. Канивец В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. -- М.: Наука, 1974. -- 149 с.
136. Квейд Э. Анализ сложных систем. -- М.: Сов. радио, 1969. -- 519 с.
137. Квинт Гораций Флакк. Оды // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1949. -- № 1. -- С. 207 – 208.
138. Квинт Курций Руф. История Александра Великого // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1949. -- № 1. -- С. 287 – 295.
139. Кеппен Ф.П. К истории тарпана в России // Журнал мин-ва нар. просвещ. -- 1896. -- Ч. 303. -- С. 96 – 171.
140. Кириков С.В. Человек и природа степной зоны. -- М.: Наука, 1983. -- 126 с.
141. Клавдий Клавдиан. Соч. // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1949. -- №4. -- С. 253 – 261.

142. Клавдий Птолемей. Географическое руководство // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1948. -- № 2. -- С. 231 – 263.
143. Клавдий Элиан. О животных // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1948. -- № 2. -- С. 223 – 226.
144. Клейн Л.С. Сарматский тарандр и вопрос о происхождении савроматов // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. Сб. ст. Ин-т археологии АН СССР. -- М.: Наука, 1976. -- С. 228 – 234.
145. Клейн Л.С. Археологические источники: Учебное пособие -- Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. -- 118 с.
146. Клемент Александрийский. Педагог. Ковры // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1948. -- № 2. -- С. 281 -- 282.
147. Кобычев В.П. В поисках прародины славян. -- М.: Наука, 1973. -- 167 с.
148. Ковпаненко Г.Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. -- Київ: Наукова думка, 1967. -- 188 с.
149. Колосовская Ю. К. К вопросу об агафирсах // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Сб. ст. -- М.: Наука, 1984. -- С. 181 – 192.
150. Корнелий Тацит. Соч.: В 2 т. Пер. / Отв. ред. С.Л. Утченко. -- Л.: Наука, 1969. -- Т. 1: Анналы. -- Малые произведения. -- 1969. -- 444 с.
151. Королев К.С. Памятники эпохи раннего железа в долине средней Вычегды // Материалы по археол. европейск. Сев.-Востока. -- 1988. -- Вып. 11. -- С. 64 – 75.
152. Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. / Ин-т истории и археол. Уральск. отд. Росс. Акад. наук. -- Новосибирск, 1993. -- 72 с.
153. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. -- М.: Наука, 1974. -- 168 с.
154. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. -- М.: Наука, 1984. -- 245 с.
155. Костров Н.А. Очерки быта минусинских татар // Тр. IV-го Археол. съезда. -- Казань, 1884. -- Т. 1. -- С. 209 – 248.
156. Кречетов П.Н. Границы и очертания Геродотовой Скифии // Тр. Моск. имп. археол. о-ва. -- 1883. -- Т. XIII. -- Вып. I. -- С. 179 – 190.
157. Крушельницька Л.І. Памятки могилянського типу // Археологія. -- 1974. -- Вип. 13. -- С. 11 – 24.

158. Крушельницька Л.І. Племена поморської культури. Доба первіснообщинного ладу // Стародавнє населення Прикарпаття і Волині. Сб. ст. – Київ: Наукова думка, 1974. -- С. 60 – 72.
159. Крушельницкая Л.И. Высоцкая культура // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. Сб. ст. -- Киев: Наукова думка, 1990. -- С. 115 – 122.
160. Крывальцэвіч М.М. Помнікі тыпынецкага часу на поўдні Беларусі // Гістарычна-археалагічны зборнік. -- 1995. -- № -- 6. -- С. 3 -- 32.
161. Ктесий. История Персии // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1947. -- № 2. -- С.299.
162. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. -- М.: Наука, 1974. -- 572 с.
163. Кузнецова Т.М. Этюды по скифской истории. -- М.: Институт археологии АН СССР. 1991. -- 150 с.
164. Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. -- Л.: Наука, 1985. -- 206 с.
165. Кулаковский Ю. Карта Европейской Сарматии по Птолемию. Приветствие XI съезду. -- Киев, 1899. -- 34 с.
166. Курочкин Г.Н. Хронология переднеазнатских походов скифов по письменным и археологическим данным // Росс. археология. -- 1994. -- № 1. -- С. 117 – 122.
167. Кухаренко Ю.В. Памятники железного века на территории Полесья. -- М.: Изд-во АН СССР, 1961. -- 70 с.
168. Лагодовська А.Ф., Виззжэв Р.І., Копилов Ф.Б. Кургани скифського часу в с. Курилівці // Археол. пам'яткі УРСР. -- 1953. -- Т. 6. -- С. 17 – 20.
169. Ламартиньер де П.М. Путешествие в северные страны // Записки Моск. археол. о-ва -- Т. XV. -- М. 1912. -- С. 50 – 93.
170. Лашанкоў М.І. Бронзавыя лостэркі // Помнікі гіст. і культуры Беларусі. -- 1982. -- № 2. -- С. 43 – 44.
171. Левенок В.П., Миронов В.Г. К вопросу о новом районе городецкой культуры // Сов. археология. -- 1976. -- N 2. -- С. 15 – 32.
172. Лещенко В.Ю. Использование восточного серебра на Урале / Прилож. 2 в кн.: Даркевич В.П. Художественный металл Востока. -- М.: Наука, 1976. -- С. 176 – 188.
173. Либеров П.Д. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI – II вв. до н. э. // Материалы по истории земледелия СССР. -- 1952. -- № 1. -- С. 66 – 114.

174. Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. -- М.: Наука, 1965. -- 112 с.
175. Либеров П.Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // Материалы и исслед. по археол. СССР. -- 1969. -- № 151. -- С. 5 – 26.
176. Либеров П.Д. Савроматы или сирматы? // Материалы и исслед. по археол. СССР. -- 1969. -- № 151. -- С. 27 – 37.
177. Либеров П.Д. К вопросу о гелонах Геродота // История и культура античного мира. Сб. ст. / Ин-т археол. АН СССР. -- М.: Наука, 1977. -- С. 100 – 104.
178. Лобай Б.І. Кургані скіфського часу на Вінниччині // Археологія. -- 1977. -- Вип. 21. -- С. 77 – 84.
179. Лошенко М.И. Городища восточной части Белорусского Полесья: Автореф. дис ... канд. ист. наук: 07.00.06. / Ин-т истории Акад. наук БССР. -- Киев, 1990. -- 22 с.
180. Мавроди В.В. Образование древнерусского государства. -- Л.: Изд-во ЛГУ, 1945. -- 432 с.
181. Мавр Сервий Гонорат. Объяснения к Вергилию. // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1949 -- № 1. -- С. 199 – 204.
182. Мажитов Н.А. Историческая Башкирия по данным письменных источников и археологии // Проблемы древних утров на Южном Урале. Уфа: Башкирск. науч. центр Уральск. отд. АН СССР, 1988. -- С. 88 – 101.
183. Мажитов Н.А. Происхождение башкир (историко-археологический анализ) // Научная сессия по этногенезу башкир. -- Уфа: Башкирск. науч. центр Уральск. отд. АН СССР, 1988. -- С. 87 -- 99.
184. Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. -- Ростов н/Д.: изд-во Ростовск. Ун-та, 1983. -- 224 с.
185. Малов С.Е. Древние и новые тюркские языки // Изв. Акад. наук СССР. Отд. лит. и языка. -- 1952. -- Т. XI. -- Вып. 2. -- С. 12 – 22.
186. Маркиан из Гераклеи Понтийской. Обьезд внешнего моря // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1948. -- № 3. -- С. 278 – 279.
187. Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I вв. до н. э. (по материалам лепной керамики): Автореф. дис ... канд. ист. наук: 07.00.06. / Ин-т археол. АН СССР, Ленингр. отд. -- Л., 1990. -- 20 с.

188. Мартин Минней Феликс Капелла. О браке филологии и Меркурия // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1949. -- №4. -- С. 278 – 282.
189. Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. – Новосибирск: ВО Наука, 1993. – 172 с.
190. Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: ВО Наука, 1994. – 149 с.
191. Махортих С.В. Скарби ст. до н. э. на півдні Східної Європи // Археологія. --1996. -- № 4. -- С. 9 – 24.
192. Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // Археол. сб. Гос. Эрмитажа. -- 1971. -- Вып. 13. -- С. 30 – 54.
193. Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. -- I в. н.э. // Археол. сб. Гос. Эрмитажа. -- 1974. -- Вып. 16. -- С. 123 – 132.
194. Мачинский Д.А. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII – V вв. до н. э. // Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Материалы 2-го археологического семинара. -- Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1989. -- С. 7 – 30.
195. Медведев А.П. К предистории среднедонской культуры скифского времени // «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья»: Тез. докл. областной конф., посв. 90-летию Б.Н. Гракова, Запорожье, 1989 г. – Запорожье, 1989. -- С. 84 – 85.
196. Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1990. – 218 с.
197. Медведев А.П. Об этнокультурной ситуации на Верхнем Дону в начале железного века // Росс. археология. -- 1993. -- № 4. -- С. 32 –36.
198. Медведев А.П. К вопросу о происхождении среднедонской культуры скифского времени // Росс. археология. -- 1998. -- № 2. -- С. 22 – 40.
199. Мельниковская О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. -- М.: Наука, 1967. – 195 с.
200. Мельниковская О.Н. Первые сведения о погребальном обряде у племен юхновской культуры // Материалы и исслед. по археологии СССР. -- 1970. -- № 176. – С. 50 – 54.

201. Мельниковская О.Н. Юхновская культура // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. конф. / Акад. наук СССР, Ин-т археологии, Киев, апр. 1975 г. – Киев, 1975. Ч. 2. – С. 9 – 11.
202. Мельніковська О.М. Могильник юхнівської культури і ранньосередньовічне поселення на Чернігівщині // Археологія. -- 1977. -- Вип. 24. -- С. 60 – 68.
203. Мелюкова А. И. Археологические данные о фракийцах на территории СССР в I тысячелетии до н. э. // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Сб. ст. -- М.: Наука, 1984. -- С. 224 – 233.
204. Мікіцінські Ў., Пяцэвіч Р., Ажэўскі П. Падарож па Случчыне // Наш край. --1928. -- № 3 (30). – С. 28.
205. Миллер Г.Ф. История Сибири: В 2 т. -- М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937. -- Т. I. – 1937. – 608 с.
206. Митрофанов А.Г. Железный век средней Белоруссии.—Минск: Наука и техника, 1978. – 160 с.
207. Митрофанов А.Г. Археологические памятники восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VIII в. до н. э. -- IX в. н.э.) // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии). Сб. ст.; Ред. Э.С. Могуревич. – Рига: Зинатне, 1980. С. 102 – 110.
208. Мифы народов мира: В 2 т. / К – Я. / гл. ред. Токарев С.А. – 2-е изд. -- М.: Большая Росс. Энциклопедия, 1997. -- Т. 2. – 1997. – 719 с.
209. Мищенко Ф.Г. Известия Геродота о вне-скифских землях России // Журн. мин-ва нар. просв. -- 1896. -- Ч. 307. -- С. 103 – 121.
210. Мищенко Ф.Г. Геродотовы вшееды // Филологич. обзор. -- 1898. -- Т. XV. -- С. 85 – 86.
211. Млекопитающие Советского Союза: В 3 т. М.: Высш. Школа, 1961 -- 1976. -- Т. I: Гептнер В.Г., Насимович А.А., Банников А.Г. Парнокопытные и непарнокопытные. – 1961. – 776 с.
212. Могильников В.А. К вопросу о дифференциации этнической общности обских угров в I тысячелетии н.э. // Сов. археология. -- 1974. -- N 2. – С. 68 – 72.
213. Мозолевський Б.М. Проблеми етнічної географії Скіфії // Археологія. -- 1996. № 4. -- С. 51 – 66.
214. Моруженко А.А. Оборонительные сооружения городищ Поворсклья в скифскую эпоху // Скифский мир. Сб. ст. Киев: наукова думка, 1975. – С. 133 – 146.

215. Мошинская В.И. Археологические памятники севера Западной Сибири. -- М.: Наука, 1965. -- 88 с.
216. Мошинская В.И., Лукина Н.В. О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и этнография Приобья. Сб. ст. -- Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. -- С. 46 -- 59.
217. Муминов М.Т. К вопросу об иранских элементах в субстратной топонимике Среднего Зауралья // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы межвуз. конф., Томск, 11 -- 13 мая 1969 г. -- Томск: Изд. Томск. Ун-та, 1969. -- С. 14 -- 16.
218. Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. -- Киев: Наукова думка, 1984. -- 133 с.
219. Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. -- Киев: Наукова думка, 1990. -- 88 с.
220. Настольная книга охотника-спортсмена: В 2 т. / Ред.: П.А. Мантейфель. -- М.: Физкультура и спорт, 1955 -- 1956. -- Т. 2 -- 1956. -- 435 с.
221. Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. -- Л.: Наука, 1982. -- 240 с.
222. Неклюдов С.Ю. О кривом обороте // Проблемы славянской этнографии. Сб. ст. -- Л.: Наука, 1979. С. 133 -- 141.
223. Нидерле Л. Славянские древности / Пер. с чешск. Т. Ковалевой и М. Хазанова. Ред. А.Л. Монгайт. -- М.: Изд-во иностр. лит, 1956. -- 450 с.
224. Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке. -- М.: Просвещение, 1990. -- 144 с.
225. Никитина В.Б. Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине // Сов. археология. -- 1965. -- № 1. -- С. 194 -- 205.
226. Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы. Сб. ст. -- М.: Наука, 1970. -- С. 5 -- 35.
227. Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. 1715. // Памятники древней письменности и искусства. -- СПб, 1884. -- 25 с.
228. Овидий. Метаморфозы / Пер. с латин. С. Шервинского. -- М.: Худож. лит., 1977. -- 430 с.
229. Ольховский В.С., Храпунов И.Н. Крымская Скифия. -- Симферополь: Таврия, 1990. -- 128 с.
230. Павсаний. Описание Эллады // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1948. -- № 2. -- С. 227 -- 231.

231. Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри, по былинам и сказаниям // Живая старина. -- 1891. -- Вып. Ш. -- С. 85 -- 116.
232. Патрушев В.С. Налобные венчики Старшего Ахмыловского могильника // Сов. археология. -- 1982. -- № 4. -- С. 186 -- 200.
233. Паяковски В. Сатрапия Скудра // Tracia Pontica. -- 1982. -- Т. I. -- С. 82 -- 96.
234. Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. -- М.: Наука, 1984. -- 174 с.
235. Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V -- III вв. до н. э. -- М.: Наука, 1967. -- 179 с.
236. Петров В.П. Подсечное земледелие. -- Киев: Наукова думка, 1968. -- 228 с.
237. Петровська Е.О. Підгірцівські пам'ятки Київського Подніпров'я // Археологія. -- 1971. -- Вип. 2. -- 129 -- 145.
238. Плетнева С.А. Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. -- М.: Наука, 1982. -- 188 с.
239. Плетнева С.А. От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура. -- М.: Наука, 1967. -- 198 с.
240. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. / Пер. с древнегреч. М.Е. Грабарь-Пассек и С.П. Маркиш. В 3 т. -- М.: Изд-во АН СССР, 1963. -- Т. 2 -- 548 с.
241. Повесть временных лет / Пер. Д.С. Лихачева. Ред.: В.П. Адрианова-Перетц. В 2 ч. -- М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. -- Ч.1: Текст и перевод. -- 1950. -- 406 с.
242. Погодин А.К. К вопросу о геродотовских неврах // Изв. Отд. русского языка и словесности / Имп. Акад. наук. -- СПб, 1902. -- Т. 7. -- Кн. 4. -- С. 346 -- 353.
243. Погребова Н.Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // Крат. сообщ. о докл. и полевых исслед. Ин-та истории материальной к-ры. -- 1948. -- Вып. 22. -- 62 -- 67.
244. Погребова М.Н., Раевский Д.С. К вопросу об «отпложившихся скифах» // Вестн. древней истории. -- 1989. -- № 1. -- С. 40 -- 65.
245. Полин С.В. О походе Дария в Причерноморскую Скифию // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А.И. Тереножкина / Ин-т археологии Акад. наук УССР, Кировоградск. Гос. пед. ин-т им. А.С. Пушкина. -- Кировоград, 1987. Ч. II. -- С. 50 -- 53.
246. Полное собрание русских летописей: В 28 т. / Ред. Е.Ф. Карский. Воспроизведение текста изд. 1926 -- 1928 гг. -- М.: Изд-во вост. лит., 1962 --

1965. – Т. 1: Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку. – 1962. – 587 с.
247. Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. -- Новосибирск: ВО «Наука», 1987. – 143 с.
248. Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). - - Новосибирск: ВО «Наука», 1994 – 123 с.
249. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. -- М.: Наука, 1978. – 132 с.
250. Помпоний Мела. Хорография // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1949. -- № 1. -- С. 270 – 287.
251. Присциан. Грамматическое руководство // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1949. -- № 4. С. 299 –303.
252. Прокопий Кесарийский. Тайная история. -- М.: Веста. 1991. – 96 с.
253. Псевдо-Орфей. «Поход аргонавтов» // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1948. -- № 3. С. 267 – 271.
254. Псевдо-Плутарх. «Об александрийских пословицах» // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1947. -- № 4. -- С. 289.
255. Скилак Кариандский. «Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии» // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. – 1947. -- № 3. – С. 240 – 244.
256. Птицы Советского Союза: В 6 т. / Под общ. ред. Г.П. Дементьева и Н.А. Гладкова. -- М.: Советская наука, 1951. – Т. 16: Дементьев Г.П., Гладков Н.А., Птушенко Е.С. – 1951. -- 652 с.
257. Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1949. -- № 1. -- С. 195 – 190.
258. Публий Папиний Стаций. Ахиллеида // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1949. -- № 2. -- С. 336 – 340.
259. Пьянков И.В. Рец. на кн.: Bolton I.D. Aristeas of Proconessus. -- Oxford. 1962 // Вестн. древней истории. -- 1967. -- N 4. – С. 172 – 179..

260. Пьянков И.В. К вопросу о походе Кира II на массагетов // Вестн. древней истории. -- 1964. -- N 3. -- С. 115 – 130.
261. Пьянков И.В. Аргиппей (источники) // Уч. зап. Уральск. Гос. ун-та. N 101. Сер. историческая. -- Вып. 17. Античная древность и средние века. -- Вып. 6. -- Свердловск. 1969. -- С. 104 – 115.
262. Пьянков И.В. Массагеты Геродота // Вестн. древней истории. -- 1975. -- N 2. -- С. 46 – 70.
263. Пьянков И.В. Кочевники Казахстана VII в. до н. э. и античная литературная традиция // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. -- М.: Наука, 1978. -- С. 184 – 191.
264. Рабинович М.Г. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI – XVI вв. -- М.: Наука, 1964. -- 353 с.
265. Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. -- М.: Наука, 1985. -- 255 с.
266. Рассадзін С.Я. Беларуская археалагічныя помнікі далетапісных часоў: праблема этнічнай атрыбуцыі (на прыкладзе мілаградскіх старажытнасцяў) // Тэзісы дакладаў на I Заслаўскіх чытаннях Беларускага навукова-гуманітарнага таварыства. Заслаўе, 13 – 14 траўня 1989 г. – Мінск: СП «Бел-прэс-ІНФА», 1990. -- С. 3 – 7.
267. Рассадзін С.Я. Старажытнасці суседняга лесастэту // Весці Акад. навук Беларусі. Сер. грамадск. навук. -- 1991. -- № 1. -- С. 124 – 125.
268. Рассадзін С.Я. Будзіны, неўры ці скіфы? Праблема дачынення герадотавых плямёнаў да тэрыторыі Беларусі // Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі ад старажытных часоў да нашых дзён. Зб., па рэд. М.В. Біча, В.Ф. Кушнера, У.Н. Сідарцова. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1992. -- С. 24 – 33.
269. Рассадзін С.Я. Герадотавы андрафагі // Весці Акад. навук Беларусі. Сер. грамадск. навук. -- 1992. -- № 3/4. -- С. 61 – 73.
270. Рассадзін С.Я. Да пытання аб сувязях старажытнага насельніцтва Беларусі са скіфскімі землямі ў VIII – III стст. да н. э. // Весці Акад. навук Беларусі. Сер. грамадск. навук. -- 1992. -- № 2. С. 66 – 74.
271. Рассадзін С.Я. Этнас поўдню Беларусі ў далетапісны час // Старонкі гісторыі Беларусі. Зб., Саст. П.А. Лойка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. -- С. 12 – 24.
272. Рассадзін С.Я. Землі амаль невядомыя. Будучая Беларусь паводле антычных манускрыптаў. – Мінск: Польша, 1996. – 94 с.
273. Рассадзін С.Я. Аб неўрах і «змеях» у Герадотавай «Гісторыі» // Весці Акад. навук Беларусі. Сер. грамадск. навук. -- 1994. -- № 2. -- С. 74 – 81.

274. Рассадин С.Е. Милоградская культура и известия Геродота // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. 3 конф. молодых ученых, 25 – 27 сент. 1986 г. / Ин-т археологии АН СССР. -- М. 1986. -- С. 119 – 121.
275. Рассадин С.Е. Милоградская культура (актуальные проблемы исследования). Автореф. дис. ... канд. историч. наук: 07.00.06. / Ин-т истории АН БССР.-- Киев. 1989 – 20 с.
276. Рассадин С.Е. Геродотовы негры в позднеантичной традиции // «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья»: Тез. докл. областной конф., посв. 90-летию Б.Н. Гракова, Запорожье, 1989 г. – Запорожье, 1989. -- С. 128 – 129.
277. Рассадин С.Е. Свидетельства о земледельцах Гомельщины в скифское время // Сельское хозяйство: история, современный опыт и перестройка: Тез. докл. конф., Минск, 1989. -- Минск, 1989. -- С. 32 – 34.
278. Рассадин С.Е. Среднебелорусский вариант милоградской культуры или памятники типа нижних слоев Лабенщины? // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. науч.- практ. конф. Псков, 1989. – Псков, 1990. -- С. 68 – 69.
279. Рассадин С. Венеты и бастарны // Barbaricum. -- Warszawa. – 1992. -- Т. III. С. 9 – 20.
280. Рассадин С.Е. «Змеи» Геродотовой легенды о переселении негров // Населення Беларусі і сумежных тэрыторый ў эпоху жалеза: Тэз. дакл. канф., прысв. 80-годдзю са дня нараджэння А.Р. Мітрафанавы. Мінск, 10 – 12 снеж. 1992 г. / Ін-т гісторыі АН Беларусі. Мінск, 1992. -- С. 89 – 90.
281. Рассадин С.Е. Северные соседи «скифов-пахарей»: свидетельства контактов с Югом // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. междунар. науч. конф., посв. памяти А.И. Тереножкина. Мелитополь, 1992 г. / Ин-т археологии АН Украины, Гос. историко-археол. музей-заповедник «Каменная могила». -- Мелитополь, 1992. С. 80.
282. Рассадин С.Е. Геродотовы андрофаги: проблема локализации // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. междунар. науч. конф., посв. памяти А.И. Тереножкина. Мелитополь, 1992 г. / Ин-т археологии АН Украины, Гос. историко-археол. музей-заповедник «Каменная могила». -- Мелитополь, 1992. -- С. 81.
283. Рассадин С.Е. Ажурные украшения подгорцевского стиля // Гістарычна-археалагічны зборнік. -- Мінск. – 1994. -- № 5. -- С. 263 – 274.

284. Рассадин С.Е. Западнобалтские курганы и милоградская культура // *Vakaru baltai: etnogeneze ir etnine istorija. / Lietuvos istorijos institutas. – Vilnius, 1997. – С. 125 – 136.*
285. Рассадин С.Е. Будины и гелоны (об одном сюжете древнейшего письменного источника по истории Восточной Европы) // *Архивы и делопроизводство. – 1999. – № 1. – С. 21 – 30.*
286. Рассадин С.Е. Племена и народы «заскифского» Северо-Востока. -- Минск: Белорус. науч.-иссл. ин-т документоведения и архивного дела, 1999. – 90 с.
287. Риттер Э.А. Зулус Чака. 3- изд., испр.-- М.: Наука, 1989. -- 373 с.
288. Романов Е.Р. Материалы по исторической топографии Витебской губернии. Уезд Велижский. – Могилев, 1898. – 308 с.
289. Романов Е.Р. Старина доисторическая Северо-Западного края // *Виленский календарь на 1908 год. – Вильна, 1908. -- С. 65 – 110.*
290. Романов Е.Р. Археологический очерк Гомельского уезда. -- Вильна. 1910, – 32 с.
291. Ростовцев М.И. Эллинизмо и иранство на юге России. – Петроград: Огни, 1918. – 190 с.
292. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор: Критический обзор памятников лит. и археологии. -- Л.: Изд-во АН СССР, 1925. – 621 с.
293. Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы.-- М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 286 с.
294. Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. -- М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 349 с.
295. Русанова И.П. Славянские древности VI – VII вв. Культура пражского типа. --М.: Наука, 1976. – 215 с.
296. Русяева М.В. Діонісійські сюжети на пам'ятках торевтики із скіфських курганів // *Археологія. -- 1995. -- Вип. 1. -- С. 22 – 34.*
297. Руфий Фест Авиен. Описание земного круга // *Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1949. -- № 4. -- С. 236 – 243.*
298. Рыбаков Б.А. Русалии и бог Симаргл-Переплут // *Сов. археология. -- 1967. № 2. – С. 91 – 116.*
299. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия: Историко-географический анализ. -- М.: Наука, 1979. – 247 с.
300. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. -- М.: Наука, 1981. – 606 с.
301. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1988. – 784 с.

302. Рэвяко К.А. Антычная спадчына на Беларусі. -- Мінск: «Веды», 1998. -- 100 с.
303. Савчук А.П. Бескурганное погребение в с. Рудяки на Киевщине // Крат. сообщ. Ин-та археологии АН УССР. -- 1952. -- Вып. 1. -- С. 56 -- 58.
304. Сага о Волсунгах. -- Л.: Academia, 1934. -- 287 с.
305. Сальников К.В. Об этническом составе населения Зауралья в сарматское время // Сов. археология. -- 1966. -- N 5. -- С. 118 -- 124.
306. Свэшников І.К. Пам'ятки мілоградської культури в басейні р. Горинь // Археологія. -- 1971. -- Вип. 2. -- С. 68 -- 81.
307. Седов В.В. Курганы ятвягов // Сов. археология. -- 1964. -- № 4. -- С. 36 -- 51.
308. Седов В.В. // Сов. археология. -- 1970. -- № 2. -- С. 265 -- 272. Рец. на кн.: О.Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. Из-во «Наука». М. 1967, 196 стр. // Сов. археология. -- 1970. -- № 2. -- С. 265 -- 272.
309. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. -- М.: Наука, 1970. -- 200 с.
310. Седов В.В. Балто-иранский контакт в днепровском левобережье // Сов. археология. -- 1977. -- № 3. -- С. 52 -- 62.
311. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. -- М.: Наука, 1979. -- 154 с.
312. Седов В.В. Восточные славяне в VI -- XIII вв. Археология СССР. / Ред.: Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1982. -- 326 с.
313. Секст Пропреций. Элегии. // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1949 -- № 1. -- С. 221 -- 222.
314. Симмий Родосский. «Аполлон» // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1947. -- № 3. -- С. 257 -- 258.
315. Симоненко А.В. Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Сб. ст. -- Киев: Наукова думка, 1981. -- 52 -- 66.
316. Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. -- М.: Наука, 1976. -- 311 с.
317. Скорый С.А. Курган Переп'ятиха. -- Київ: Наукова думка, 1990. -- 124 с.
318. Скорый С.А., Бессонова С.С. Некоторые вопросы ранней скифской истории и украинская лесостепь // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Тез. докл. конф., Омск. 1987 г. -- Омск, 1987. -- С. 178 -- 181.

319. Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. – Киев: Наукова думка, 1977. – С. 90 – 110.
320. Скржинская М.В. Древнегреческие фольклор и литература о Северном Причерноморье. – Киев: Наукова думка, 1991. – 200 с.
321. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исслед. по ахеологии СССР. -- 1952. -- № 28. – 276 с.
322. Смирнов А.П. Скифы. -- М.: Наука, 1966. – 200 с.
323. Смирнов К.А. Геродот и население Волго-Окского междуречья // Сов. археология. -- 1987. -- № 4. – С. 40 – 43.
324. Смирнов К.А. К вопросу о связях племен городенской и дьяковской культур с населением степи и лесостепи // Сов. археология. -- 1991. -- № 1. – С. 53 – 61.
325. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. – М.: Наука, 1964. – 379 с.
326. Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. -- М.: Наука, 1984. – 184 с.
327. Смирнов К.Ф. Ранние кочевники Южного Урала // Археология и этнография Башкирии: Материалы научной сессии по этногенезу башкир. Сб. ст. -- Уфа: Башкирск. науч. центр Уральск. отд. АН СССР, 1988. -- С. 69 – 76.
328. Соболевский А.И. Русско-скифские этюды // Изв. Отд. рус. языка и словесности / Росс. Акад. наук. -- 1921 -- Т. 26 -- С. 11 – 24.
329. Соколова З.П. Страна Югория. -- М.: Мысль, 1976. – 119 с.
330. Соколова З.П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов севера. -- М.: Наука, 1980. – 277 с.
331. Спицын А.А. Курганы скифов-пахарей // Изв. имп. археол. комиссии. -- 1906. -- Вып. 65. – С. 87 – 43.
332. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР / Ред.: С.А. Плетнева. -- М.: Наука, 1981. – 300 с.
333. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Ред.: А.И. Мелюкова. -- М.: Наука, 1989. -- 364 с.
334. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР / Ред.: М.Г. Мошкова. -- М.: Наука, 1992. – 493 с.
335. Стефан Византийский. Описание племен // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1948. -- № 3. -- С. 312 – 339.

336. Страбон. География в 17 книгах / Пер. Г.А. Стратановского. -- Л.: Наука, 1964. -- 944 с.
337. Стрижак О. С. Етніонімія Геродотової Скіфії.—Київ: Наукова думка, 1988. -- 220 с.
338. Струве В.В. Эпюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. -- Л.: Наука, 1968. -- 335 с.
339. Схолии к Лукану // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1949. -- № 2. -- С. 326 – 334.
340. Татищев В.Н. История Российская: В 7 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1962 – 1968. – Т. 1. – 1962. – 500 с.
341. Тереножкин А.И. Рец. на ст.: И.В. Фабрициус «К вопросу о топографии-зации племен Скифии» (Археология, т. V) // Вестн. древней истории. -- 1952. -- № 2 – С. 147 -- 153.
342. Тереножкин А.И. Предскифский период в Днепровском Правобережье. -- Киев: Изд-во АН УССР, 1961. -- 246 с.
343. Тереножкин О.І. Пам'ятки скіфів-орачів в Південному Поліссі // Археологія. --1965. -- Т. 19. -- С. 22 – 35.
344. Тереножкин А.И. Скифский вопрос // Скифы Северного Причерноморья. Сб. ст. – Киев: Наукова думка, 1987. -- С. 3 – 12.
345. Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. – Киев: Наукова думка, 1988. -- 260 с.
346. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. -- М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948. -- 322 с.
347. Томсон Дж. О. История древней географии / Пер. с англ. Н.И. Скаткина. Ред.: А.Б. Дитмар, Д.Г. Редер. -- М.: Изд-во иностр. лит, 1953. -- 529 с.
348. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. – 2-е изд., перераб. и расшир. -- М.: Изд-во АН СССР, 1953. -- 312 с.
349. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. -- М.; Л.: Наука, 1966. -- 308 с.
350. Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен. -- Л.: Наука, 1982. -- 242 с.
351. Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. -- М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. -- 194 с.
352. Трубачев О.Н. О синдах и их языке // Вопросы языкознания. -- 1976. -- № 4. -- С. 39 – 63.
353. Трубачев О.Н. «Старая Скифия» (Ἡ Ἀρχαία Σκυθία) Геродота и славяне // Вопросы языкознания. --1979. -- № 4. -- С. 29 – 45.

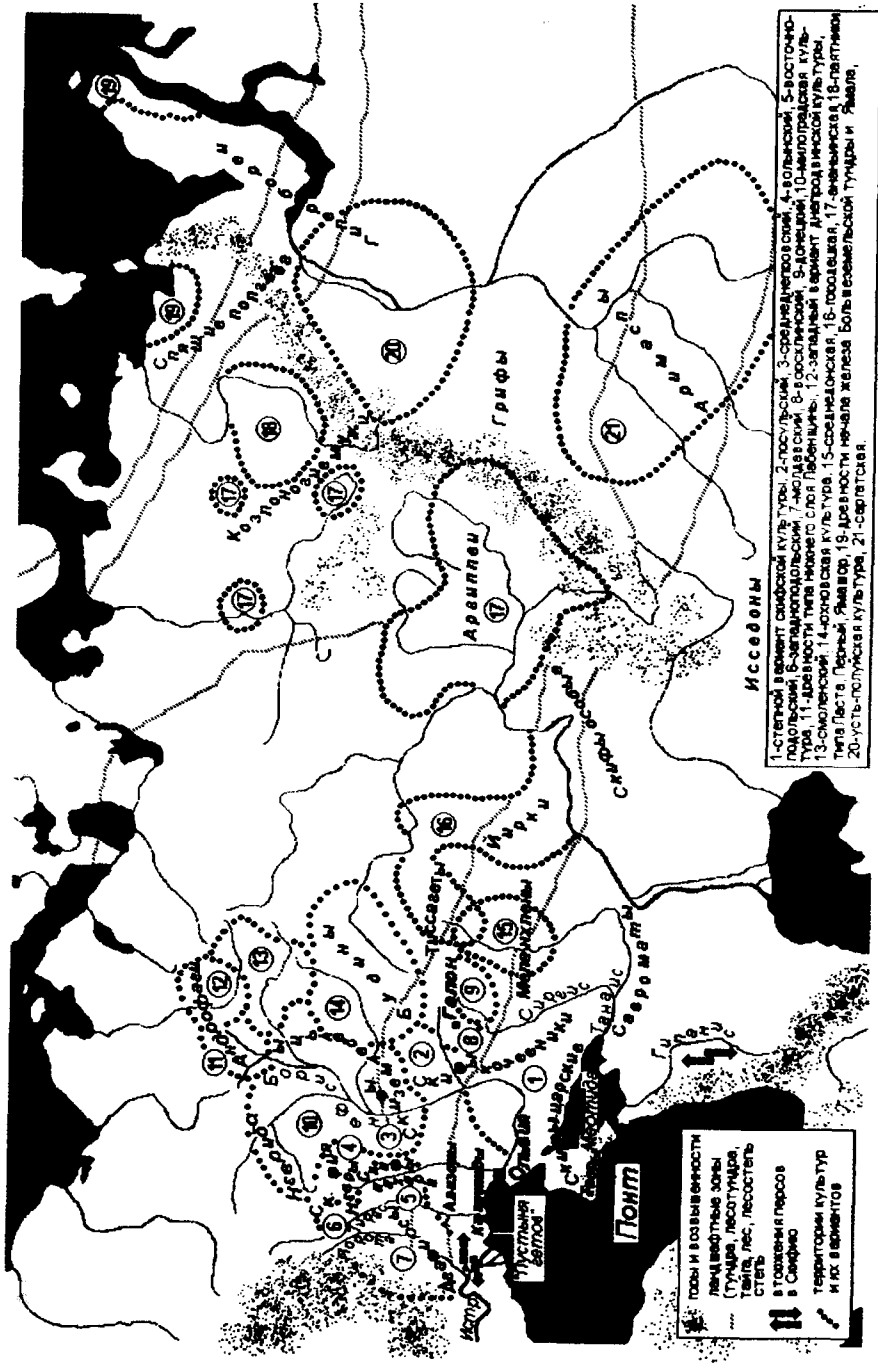
354. Трубецкой Н.С. К вопросу о «Золотой бабе» // Этнографич. обозрение. -- 1906. -- № 1/2. -- С. 61.
355. Трубникова Н.В. Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами // Крат. сообщ. о докл. и полевых исслед. Ин-та истории материальной к-ры. -- Вып. XXXIV. -- 1950. -- С. 122 – 128.
356. Трубникова Н.В. Племена городецкой культуры // Тр. Гос. историческо-го музея. -- 1953. -- Вып. XXII. -- С. 62 – 96.
357. Удалцов А.Д. Основные вопросы этногенеза славян // Сов. этнография. -- 1947. -- Сб. VI/VII. -- С. 3 – 13.
358. Фарахутдинов Р.Г. Скифские зеркала бассейна р. Казанки // Сов. археология. -- 1983. -- № 1. -- С. 291 – 293.
359. Филосторгий. Церковная история // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1948. -- № 3. -- С. 280 – 283.
360. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР / Ред.: В.В. Седов. -- М.: Наука, 1987. -- 510 с.
361. Фол А. Thraco-scythica: проблемы письменных источников о в. до н. э. // Studia thracica. Sofia. -- 1975. -- Т. I. -- С. 160 – 165.
362. Фрэйзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. -- М.: Политиздат, 1980. -- 830 с.
363. Хазанов А.М. Социальная история скифов. -- М.: Наука, 1975. -- 343 с.
364. Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. (VIII – VI вв. до н. э.). -- М.: Наука, 1977. -- 262 с.
365. Хенниг Р. Неведомые земли: В 4 т. / Пер. с нем. Л.Ф. Вольфсон, Р.З. Персиц. Ред.: А.Б. Дитмар. -- М.: Изд-во иностр. лит., 1961. -- Т. I: Географические открытия и исследования. -- 1961. -- 515 с.
366. Хомич Л.В. Ненецкие предания о сихиртя // Фольклор и этнография. Сб. ст. Л.: Наука, 1970. -- С. 254 – 256.
367. Хроніка Быхаўца // Беларускія летапісы і хронікі. – Мінск: Народная асвета, 1997. -- С. 72 – 77.
368. Худяков М.Г. Культ коня в Прикамье // Изв. Гос. Акад. истории материальной к-ры. -- 1933. -- Вып. 100. -- С. 251 – 279.
369. Цалкин В.И. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. М.: Изд-во АН СССР, 1962. -- 129 с.
370. Цалкин В.И. Древнейшее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // Материалы и исследования по археологии СССР. -- 1966. -- № 135. -- 159 с.

371. Черненко Е.В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов, Келермес) // Скифия и Кавказ. Сб. науч. тр. -- Киев.: Наукова думка, 1980. -- С. 7 – 30.
372. Черненко Е.В. Скифо-персидская война. – Киев: Наукова думка, 1984. – С. 117.
373. Чернецов В.Н. Древняя приморская культура на полуострове Я-мал // Сов. этнография. -- 1935. -- № 4/5. – С. 108 – 133.
374. Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Тр. Ин-та этнографии. Новая серия. – 1947 -- Т. 1. – С. 113 – 134.
375. Чернецов В.Н. К истории родового строя у обских угров // Сов. этнография. -- 1947. -- Т. – VI/VII. – С. 158 – 184.
376. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР. -- 1953. -- № 35. – 359 с.
377. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала: В 2 ч. -- М.: Наука, 1964 -- 1971. – Ч. 2. – 1971. – 120 с.
378. Членова Н.Л. Предыстория «торгового пути Геродота» (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // Сов. археология. -- 1983. -- № 1. -- С. 47 – 66.
379. Членова Н.Л. О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стелах и «отделившихся скифах» // Крат. сообщ. о докладах и полевых исслед. Ин-та археологии АН СССР. -- 1987. -- Вып. 194. -- С. 3 – 11.
380. Членова Н.Л. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // Петербургск. археологич. вестник.-- 1993. -- Вып. 7. -- С. 43 – 47.
381. Шадьро В.И. Ранний железный век северной Белоруссии. – Минск: Наука и техника, 1985. – 126 с.
382. Шафарик П.И. Славянские древности / Пер. с чешск. О. Бодянского: В 2 т. – М., 1847 – 1948. -- Т. 1, кн. 1 – 1847. -- 442 с.
383. Шафарик П.И. Славянские древности / Пер. с чешск. О. Бодянского: В 2 т. – М., 1847 – 1948. -- Т. 1, кн. 2 – 1848 – 436 с.
384. Шафарик П.И. Славянские древности / Пер. с чешск. О. Бодянского: В 2 т. – М., 1847 – 1948. -- Т. 2, кн. 1 -- 1848. -- 452 с.
385. Шафарик П.И. Славянские древности / Пер. с чешск. О. Бодянского: В 2 т. – М., 1847 – 1948. -- Т. 2, кн. 2 – 1848. – 361 с.
386. Шишова И.А. О достоверности географических сведений в скифском рассказе Геродота // Летописи и хроники. 1980. -- М.: Наука, 1981. С. 14 – 26.

387. Шпилевский П. Исследование о вовколаках на основании белорусских поверий // Москвитянин. -- 1853. -- Т. 2. -- № 5, март, кн. 1. -- С. 1 – 30.
388. Шпилевский П. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю / Предисл. и коммент. С.А. Кузнецовой. – Минск: Полымя, 1992. – 250 с.
389. Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. – Харьков: Изд-во Харьковск. ун-та, 1962. – 404 с.
390. Шрамко Б.А. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля // Скифосибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. Сб. ст. Ин-т археологии АН СССР. – М.: Наука, 1976. – С. 194 – 209.
391. Шрамко Б.А. Архаическая керамика Восточного укрепления Бельского городища и проблема происхождения его обитателей // Археол. сб. Гос. Эрмитажа. -- 1983. -- Вып. 23. -- С. 11 – 18.
392. Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). – Киев: Наукова думка, 1987. -- 182 с.
393. Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля // Тр. Гос. ист. музея. – 1940. -- Вып. X. – 104 с.
394. Эрдели И. Большая Венгрия // Acta archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae. -- 1961. -- № 13. С. 23 – 34.
395. Эсхил. Прикованный Прометей // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1947. -- № 1. -- С. 302 -- 303.
396. Эфор. Отрывки из «Историй» // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1947. -- № 2. -- С. 319 -- 320.
397. Юлий Гонорий. Описание мира // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Вестн. древней истории. -- 1949. -- №4. -- С. 274 – 276.
398. Яйленко В.П. Фракийские гидронимы VII – V вв. до н. э. на северном побережье Понта // Thracia Pontica. -- Sozopol. 1988. -- Т. IV. -- С. 20 – 28.
399. Ямпольский З. О тюрках V века до нашей эры // Уч. зап. Азербайджанск. Гос. ун-та. Сер. языка и лит. -- 1970. -- № 5/6. -- С. 11 – 15.
400. Bonnel E. Beiträge zur Altertumskunde Russlands (von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 nach Chr.). Erster Band. Herodot, seine Vorgänger und einige spätere Schriftsteller: Nachdruck der Ausgabe St. Peterburg 1882. -- Amsterdam: Verlag Adolf M. Hakkert, 1968. – 503 S.

401. Gimbutas M. Die Balten. Geschichte eines Volkes im Ostseeraum. -- München – Berlin: Herbig Verlag, 1983. -- 272 S.
402. Gorska J. Badania archeologiczne w Puszczy Białowieskiej // Archeologia Polcki. – 1976. – T. 21. – S. 109 – 134.
403. Herrmann I. Volksstämme und nördlicher Seeweg in der älteren Eisenzeit // Zeitschrift für Archäologie. -- 1985. – Bd. -- 19. S. 147 – 153.
404. Kolendo J. Świat antyczny i barbarzyńcy: Teksty, zabytki, refleksja nad przeszłością. Seria podreczników, tom 1. -- Warszawa: Instytut archeologii uniwersytetu warszawskiego, 1998. – 237 s.
405. Kruselnycka L. Zur Frage der Entstehung der Vysocko-Kultur// Die Urnenfeldkulturen Mitteleuropas. Symposium Liblice 21. – 25.10.1985. Praha. 1987. -- S. 369 – 380.
406. Lazarova Z. The hyperboreans study in the paleo-balkan tradition. – Sofia: St. Kliment Ohridski university press, 1996. -- 87 p.
407. Minns E. Scythian and greeks. A survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. – Cambridge: University Press, 1913. – 720 p.
408. Munkacsy B. Magyar lovaselet osisege// Etnographia. -- 1931. -- № 1. -- S. 77 -- 82.
409. Nowakowski W. Ludy na polnocno-wschodnich skrajach *Barbaricum*. „Germania“ Tacyta w swietle analizy zrodel archologicznych // Meander. -- 1990. -- № 2/ 3. -- S. 75 – 96.
410. Nowakowski W. Das Samland in der römischen Keiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. -- Marburg -- Warszawa: Vrgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg, 1996. – 169 S.
411. Potratz J. Die Skythen in Südrussland. Ein untergegangenes Volk in Südosteuropa. – Bazel: Raddi Verlag. – 1963. – 207 s.
412. Rassadin S. Zum Problem der Migration der nördlichen Nachbarn der alten Skythen // Zeitschrift für Archäologie. -- Berlin. – 1992 -- Bd. 26. -- S. 1 – 9.
413. Rassadin S. Baltic-Pontics «Barbarians» Making Their Way to the Iberian Peninsula // European association of archaeologists. First annual meeting. Santiago de Compostela, 1995 j. / Universidade de Santiago de Compostela. - Santiago de Compostela: Grupo vitalicio, 1995. P. 61.
414. Rassadin S. Die Melanchlainer // Eurasia Antiqua. -- Berlin. – 1997 -- Bd. 3. – S. 507 – 512.
415. Rolle R. Die Welt der Skythen. -- Luzern – Frankfurt am Mein. 1980. – 159 s.

416. Shahbazi A. SH. Darius in Scythia and scythians in Persepolis //
Archaeologische Mitteilungen aus Iran. -- 1982. -- Bd. -- 15. S. 189 -- 236.
417. Tomaschek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den scythischen Norden //
Sitzungs-Berichte Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien:
Philosophisch - Historische Klasse. 1888. -- Bd. CXVII. -- 70 s.
418. Tomaschek W. Die alten Thraker. Eine ethnologische Untersuchung. --
Osnabrück: Biblio Verlag, 1975. -- 303 s.

1-степной вариант северной культуры, 2-послушский, 3-среднепетровский, 4-волянский, 5-восточно-подольский, 6-западнопольский, 7-дальний, 8-росовский, 9-Донский, 10-мелитинская культура, 11-древности типа Инкерса, 12-павловский, 13-соловьевский, 14-юношеская культура, 15-северноокский, 16-павловский, 17-венгисский, 18-павловский типа Ласта, Ларный, Ямшор, 19-древности начала железного века, Большаяземельская Тундра и Ямала, 20-усть-полукская культура, 21-саргатовая.

леса и возвышенности
 леса водные зоны
 (Тундра, лесотундра,
 тайга лес, лесостепь
 степь)
 в стоячих перелом
 в Свирь
 территории культур
 и их вариантов

Научное издание

РАССАДИН Сергей Евгеньевич

Северные соседи Великой Скифии

Технический редактор *Гавриленко В.Г.*

Подписано в печать 28.03.2005. Формат 69x84 ^{1/16} Бумага офсетная. Гарнитура Roman.

Печать цифровая. Усл.печ.л. 16,8. Уч.изд.л. 17,2. Тираж 150 экз. Заказ № 29

ИООО «Право и экономика» Лицензия ЛИ № 02330/0056831 от 01.04.2004.

220072 Минск Сурганова 1, корп. 2. Тел. 284 18 66, 8 029 684 18 66.

Отпечатано на настольно-издательской системе XEROX в ИООО «Право и экономика».

ISBN 985-442-167-8

9 789854 421671

Произведено на оборудовании

CopyLand

XEROX®
Authorized Dealer

Телефон: (017) 226-88-29, (017) 223-31-18, 223-81-90
220004 г. Минск, ул. Обойная 10, офис 8.